

ВЕСТНИК

музея “Невьянская икона”

Выпуск I



Музей
“Невьянская икона”

Вестник
музея “Невьянская икона”

Выпуск 1

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2002

ББК Щ 146.56
В387

Автор проекта и главный редактор *Е. В. Ройзман*
Научный редактор *В. П. Степаненко*
Координатор проекта *М. П. Боровик*
Корректор *У. А. Пеньковская*
Технический редактор *Т. М. Качула*
Подготовка макета *Ю. В. Ключина, А. П. Никифоров*
Ответственный за выпуск *С. В. Вараксина*

ISBN 5–7525–0598–4

© Е. В. Ройзман, 2002

© Музей “Невьянская икона”, 2002

© Коллектив авторов, 2002

... На Урале была серия иконописцев, которые до сего времени (некоторые из них еще живы) сохранили настоящую традицию иконописания...

С. Дюлонг. 1923 г.

Г. И. Вздорнов

О музее “Невьянская икона” и его “Вестнике”

Самой замечательной особенностью нынешней российской культурной жизни является, несомненно, неслыханное прежде развитие провинции. Москва и Петербург, сохраняя лидирующее положение в науке, литературе, театральной и музыкальной жизни, музейном и выставочном деле, в издательских проектах (да мало ли еще в чем!), уже не создают полноты картины без учета того, что делается в регионах — от Архангельска до Краснодара и от Пскова и Новгорода до Владивостока и Камчатки. На полпути от крайней западной до восточной точки этого великого пути лежат старинные русские города — Пермь, Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Чита, из которых лично мне близок Екатеринбург. Именно здесь и возник музей “Невьянская икона”, выпускающий ныне первую книжку своих трудов, непритязательно названную “Вестником” музея.

Невьянская икона — новый континент в истории поздней русской иконописи. Идентифицированная в 1920-х гг. с уральской старообрядческой культурой, медленно изучавшаяся на протяжении второй половины XX в., она впервые получила ясные очертания в трудах отечественных искусствоведов в 1980—1990-х гг. 1997 год может считаться вехой в исследовании невянской иконы: в этом году в Екатеринбурге открылась большая выставка невянских икон, вышла первая специальная книга о невянской школе живописи, сопровождавшаяся многокрасочными воспроизведениями лучших икон из екатеринбургских коллекций. Авторы коллективной монографии — В. И. Байдин, Г. В. Голынец, Н. А. Гончарова, О. П. Губкин — представили широкую панораму старообрядческой культуры горнозаводского Урала и постарались деликатно ввести эту культуру в русло общеевропейского культурного развития на протяжении XVIII—XX вв. Понятие “Невьянская икона” прочно вошло в историю русского искусства и в историю науки об этом искусстве.

Множество невянских икон находится в государственных музеях. Последние активно вывозили невянскую художественную старину на протяжении 1920—1960-х гг., когда закрывались и разрушались монастыри, церкви и часовни и когда старообрядчество вновь подверглось жестокому притеснению государственной властью. В этих непростых об-

стоятельствах государственные музеи были надежными хранилищами гонимой культуры, и они сформировали первоклассные коллекции — прежде всего Областной краеведческий музей и Музей изобразительных искусств в Екатеринбурге. Но за последнее десятилетие возникли частные собрания невянских икон, причем не только в Екатеринбурге, но в Челябинске и Перми. Знаменательный факт! Он означал выход художественного рынка из государственных структур, свободное обращение произведений искусства во внемузейной среде, не подконтрольность рынка министерствам и ведомствам, как бы это не нравилось чиновникам и разного рода “властям предержащим”.

До недавнего времени мне была известна лишь одна частная коллекция невянских икон, принадлежащая Ю. М. Рязанову. Однако, лучшее частное собрание невянской иконописи — собрание Евгения Вадимовича Ройзмана. Он был инициатором издания и издателем коллективного альбома-монографии *“Невьянская икона”*, участником второго издания на ту же тему *“Уральская икона”* и многое сделал для популяризации художественного наследия Урала. Увлечшись невянской иконой, Е. В. Ройзман, однако, не уподобился другим частным коллекционерам, живущим исключительно интересами собственной коллекции и неохотно показывающим собранные ими сокровища другим людям — за исключением, разумеется, близких друзей и хороших знакомых. Е. В. Ройзман задумал и осуществил идею превращения частной коллекции в общедоступный городской музей: едва ли не первый подобный музей за все годы советской и постсоветской истории.

Неординарность замысла является одной из причин, побуждающих публику посещать именно музей Е. В. Ройзмана *“Невьянская икона”*. Только за первые два года этот музей принял около 40000 человек! Его фонды зарегистрированы Министерством культуры Российской Федерации и тем самым застрахованы от неизбежных для частного человека случайностей и поворотов личной жизни.

Старообрядческая культура Урала на протяжении двух веков своего существования сложилась в оригинальное и разнообразное историческое и художественное явление. Невьянская икона — далеко не единственная характерная особенность этой культуры. Рукописная и печатная продукция, публицистика и литература, распространение грамотности, общественная деятельность и промышленность Урала в немалой мере отмечены печатью старообрядческой среды, обладавшей крепкими устоями, деловой активностью, моральным авторитетом. Изучение этой среды может быть плодотворным только в тех формах, которые предусматривают комплексный подход к теме. Администрация музея *“Невьянская икона”* понимает эту проблему и комплектует не только иконописную часть коллекции, но и медное литье, рукописные и старопечатные книги, настенные листы и лубки, письма и документы, специализированную научную библиотеку. Время покажет, насколько правильным был выбор

основных путей развития музея, но уже теперь очевидна его уникальная характерность.

Создание собственного музея могло бы вполне удовлетворить честолюбие Е. В. Ройзмана. Но он видит дальше и больше других. Как и государственные музеи, музей “Невьянская икона” живет не только сиюминутными интересами: в планах музея большая выставочная деятельность, планомерная реставрация, пополнение и научное изучение собранных экспонатов, взаимовыгодные межмузейные связи, экспертиза, издательская деятельность. Иными словами сотрудники музея намерены поставить его на такой уровень, который соответствовал бы современному представлению о музейном деле и который позволил бы корректировать деятельность “Невьянской иконы” согласно запросам и требованиям меняющегося зрителя. Посетители музея уже давно не ограничиваются созерцанием шедевров, а желают знать их историю, биографии художников, причудливую судьбу отдельных экспонатов, что, конечно, обогащает ум и приучает зрителя не скользить взглядом по экспонированным вещам, а полноценно понимать искусство старых мастеров. Иначе говоря, культурно-просветительская функция хорошо организованного музея естественно подводит его к изданию своих коллекций.

Так возник первый “Вестник” музея “Невьянская икона”, обещающий стать современным специальным изданием, посвященным художественной культуре Урала. В составе “Вестника” — каталог датированных и подписных невьянских икон XVIII в., составленный М. П. Боровиком и Е. В. Ройзманом по коллекциям музея и являющийся не чем иным как частью готовящегося полного каталога таких икон по начала XX в. включительно. Другие статьи сборника прямо или косвенно посвящены старообрядческой художественной культуре прошлого: таковы работы самого Е. В. Ройзмана, а также В. И. Байдина, С. А. Белобородова, Ю. А. Гончарова, Ю. В. Ключиной, Н. С. Корепанова, о. Петра Мангилева, И. В. Починской, А. Т. Шашкова. С несколько иной тематикой и хронологией связано исследование историка-византиниста В. П. Степаненко о воинской стороне культа Богородицы в Киевской Руси. Эта добротная статья несомненно украсила бы “Византийский временник” или какое-либо другое издание византиноведческого профиля.

Музей и его издание открыты всем желающим приобщиться к несравненной красоте невьянской иконы. Это видно и по составу авторов — сотрудников музея, профессоров и преподавателей исторического, искусствоведческого факультетов и археографической лаборатории Уральского государственного университета, деятелей Екатеринбургской епархии. Желательно и впредь малому коллективу музея “Невьянская икона” находить возможности для совместной работы с исследователями, рассеянными по различным музейным и немuseumным учреждениям города и области.

“Вестник” музея “Невьянская икона” является одним из немногих специализированных музейных изданий в Екатеринбурге. Ни Музей изобразительных искусств, ни Свердловский областной краеведческий музей не имели и не имеют своих повременных изданий. Будем же думать, что мы наблюдаем не единичную “акцию”, а присутствуем при начале большого культурного дела, которому суждена долгая и счастливая жизнь.



Раздел I

Коллекции музея “Невьянская икона”



Е. В. Ройзман

Как это было

В 1978 году я лишился своей первой коллекции икон. В основном эти иконы собирались по заброшенным деревням на р. Реж, в районе Алапаевска и в верхнем течении р. Нейвы. Среди тех икон невьянских не было, а преобладали “краснушки” двух типов: на имитации и на охренном фоне. Охренные, как правило, были значительно старше. Все они писались в местных мастерских¹.

Несмотря на то, что русские обосновались на Реже уже в конце XVI в., а в начале XVII уже существовали деревни и слободы, за двадцать с лишним лет поисков мне ни разу не встретилась икона старше XVIII в.

Лишившись коллекции, интерес к собиранию икон я не утратил.

В 1980 г., в преддверии Олимпиады, была в очередной раз ограблена черноисточинская часовня. Люди, укравшие иконы, повезли их в Москву, где и были пойманы. Организатор этой дерзкой кражи Владимир Агеев получил в тюрьме кличку “Антиквар”. Уже отсидев свой срок, в 1987 г., он занял деньги у моего товарища и не сумел рассчитаться. У Антиквара было несколько икон, купленных им в Пермской области. Он попросил меня выкупить иконы, чтобы отдать долг. Это были иконы: “Симеон Верхотурский”, “Иоанн Богослов в молчании” и “Спас Нерукотворный” замечательного деревенского письма. Я заплатил за иконы 100 рублей, и мы разошлись чрезвычайно довольные друг другом. Купленные иконы и легли в основу сегодняшней коллекции.

Среди знакомых коллекционеров и перекупщиков прошел слух, что я начинаю снова собирать иконы. Так как в те годы у меня были деньги, предложений было много. Я был очень удивлен, что еще что-то осталось, поскольку в конце 70-х, а особенно непосредственно перед Олимпиадой, в Свердловске и области работало несколько банд, которые занимались кражами и вывозом икон. В те годы все художники собирали иконы, они были обязательным атрибутом каждой мастерской. Были ограблены мастерские замечательных художников Калашникова, Махотина и многих др. И только умный Николай Гаврилович Чесноков успел продать свою коллекцию государству. Интересная деталь: когда из мастерских воровали

¹ Практически каждая “краснушка” на обратной стороне доски имеет указание на место изготовления — процарапанные (реже написанные) наименования адресата и цену.

ли иконы, брали еще хорошие кисти и краски. Бум пришелся на весну — лето 1980 г. В 1977—1980 гг. иконы можно было купить на Шувакише, а раньше — на Лесной. Лучшие иконы всегда везли верх-нейвинцы. Вообще, в Верх-Нейвинске было сосредоточено несколько очень сильных коллекций, но самих коллекционеров время от времени сажали в тюрьму. Этакая добрая традиция.

Иконы выменивались на джинсы. Сын известного адвоката в начале 1980-го года в общежитии УПИ поменял джинсы Wrangler на 12 ковчежных икон. Свердловский коллекционер Александр Николаевич Сафронов менял иконы на значки и жевательную резинку. В 1980 г. он также лишился своей коллекции. Иконы покупали за копейки и выменивали на все что угодно. Один врач-наркоман за промедол украл у своей дамы, известной собирательницы, невьянский семнадцатистворчатый складень XVIII в. Она до сих пор считает, что ее ограбили и не знает, что произошло на самом деле. Складень же был продан в Москве за 10000 долларов. Если учесть, что доллары перед Олимпиадой в Свердловске стоили 1:3 и даже к 3,5 можно себе представить, что это были за деньги (первая модель “Жигулей” стоила 5600 руб.). Иконы, вывозимые с Урала, пользовались огромным спросом, но никто и нигде не мог их правильно атрибутировать. Как правило, их считали более древними, ошибаясь при этом на 100—200 лет. Сейчас все эти иконы рассредоточены по частным собраниям Москвы, Санкт-Петербурга, а также зарубежным коллекциям и оказались выведенными из научного оборота.

Я всегда интересовался итогами известных аукционов, посещал крупнейшие антикварные магазины России, мне приходилось часто бывать за рубежом и, должен сказать, что на Сотбис и на другие крупные аукционы ни разу не выставлялись невьянские иконы. Один раз невьянская икона (“Седмица”, конца XVIII в.) была встречена в антикварном магазине Лондона, где в экспертном заключении значилась середина XVII в.

В 2000 г. наш музей посетил один официальный российский дипломат, который 25—30 лет назад много ездил по Уралу, собирал иконы и достаточно хорошо в них разбирается. Внимательно осмотрев всю экспозицию, он улыбнулся и сказал: “Евгеша, знаешь, почему все это у тебя есть? Потому что мы этого ничего не брали! Ха-ха-ха!!!!”. Действительно, у перекупщиков наибольшим спросом пользовались следующие сюжеты: “Георгий Победоносец”, “Флор и Лавр”, и “чтоб побольше лошадок”, центральная фигура “Деисуса” — “Спас в силах”, сегодня практически не встречающаяся, местные святые с житием, складни, Миней и другие многофигурные композиции. Иконы с изображением Богородицы, Спасителя, Николы Чудотворца, пренебрежительно назывались “моноликами” и игнорировались. Вообще же, перекупщики и спекулянты иконы называли “айками”, от английского “icon” (икона). Как правило, наши земляки за бесценок отдавали иконы спекулянтам, меняли их на водку и другие товары народного потребления. Часто приходилось видеть лики с выцарапанными глазами, прокарябанные на

иконах неприличные слова. Совсем иное отношение к иконе демонстрировали старообрядцы, не подпуская перекупщиков к своим домам.

Практически никто, включая и реставраторов, и художников, в иконах по настоящему не разбирался. Много икон было вывезено, но в тех странах, куда их вывозили, иконы не рубили топорами, не сжигали на кострах, и не соскребали золото “на зубы”. В 1978 или 1979 г. я сам был свидетелем, когда из сельхозинститута, где находилась библиотека духовной семинарии, вывезли в утильсырье целый грузовик рукописных и старопечатных книг, медных складней и крестов, а два коллекционера Чернышев и Плешков скакали вокруг этого грузовика и пытались что-нибудь ухватить. По свидетельству реставраторов, работавших в Иоанно-Предтеченской церкви в 70—80-х гг. из епархии свозились старые ненужные иконы и сжигались прямо там, возле церкви. Так что ничего страшного, что многие русские иконы оказались на Западе — целее будут.

Итак, в 1987 г. я начал снова собирать иконы. Как уже отмечалось, купив три иконы у “Антиквара”, я приобрел у замечательного свердловского художника Вити Махотина свою первую датированную икону — “Спас Нерукотворный” (1841 г.). Много икон мне привезли из области. Изучая полученные иконы, я обратил внимание, что те из них, которые происходят из районов Невьянска и Верх-Нейвинска выше классом, чем остальные и отмечены какой-то особым духом. Необходимо сказать, что честь открытия невянской школы не принадлежит никому. Это явление лежало на поверхности и отмечалось всеми, кто хоть как-то сталкивался с большим количеством местных икон.

В конце 80-х — начале 90-х годов я разыскивал иконы в многочисленных антикварных магазинах на ул. Ленина, Восточной, Розы Люксембург, Энгельса, в магазине “Букинист”, некоторые из них сейчас в экспозиции. В те годы моя коллекция хранилась в сейфах музея им. Я. Свердлова, реставрировала их Марина Азанова, время от времени осматривала Рунева Татьяна Анатольевна и иногда заходил Юрий Михайлович Рязанов. В начале 90-х годов, занимаясь иконами, я захотел что-нибудь прочесть о невянской иконе и не нашел ничего кроме статьи Лиды Рязановой в журнале “Урал”² и нелепого набора открыток “Уральская икона”³. Я спросил у Татьяны Анатольевны Руневой: почему практически ничего не написано и почему до сих пор нет альбома? В ответ я выслушал несколько грустных историй. В 1995 г. реставратор Олег Бызов, издатель Федор Еремеев и я решили издать альбом, посвященный невянской иконе. В 1997 г. альбом был издан. Я потратил на него 1,5 года, 100 тысяч долларов и чуть было не лишился веры в человечество. Отвлечься нельзя было ни на секунду — некоторые авторы тут же

² Рязанова Л. Д. “Писанъ бысть... в Невьянском заводе” // Урал. 1986. № 12. С. 146—148 (ил.).

³ Уральская икона: [Комплект репродукций: иконы Двенадесятых праздников из собрания СГОИКМ / Сост. Н. А. Гончарова, В. И. Колосницын, Т. А. Рунева]. Свердловск, 1989.

начинали толкаться локтями и пинать друг друга ногами под столом. Сегодня я не могу себе простить, что не принимал непосредственного участия в редактировании. В результате было допущено много досадных ошибок, качество иллюстраций просто отвратительно, многие атрибуции не верны и т. д. Издавая следующий альбом, мы подойдем к нему более серьезно и научно. Тем не менее это был первый опыт. Выход альбома стал событием в научном мире. В результате было закреплено понятие “невьянская икона”⁴. Альбом разошелся пятитысячным тиражом, был отмечен во всех крупнейших периодических изданиях, за него получили губернаторскую премию все, кроме меня. И поделом!

После выхода альбома меня пригласил к себе Юрий Михайлович Рязанов и сказал, имея в виду конкретных людей: “Женя, ты видишь, что они думают только о себе, их не интересует невянская икона. Твоя коллекция позволяет тебе самостоятельно без чей-либо помощи создать музей невянской иконы”. Я много думал об этом. Иконы занимали половину моей квартиры, они находились в офисе, у многочисленных друзей, в нескольких реставраторских мастерских. Я начал вести переговоры с властями о предоставлении мне помещения под музей. Достойных помещений не было. Я уже думал выкупить под музей несколько квартир на первом этаже в районе ул. Ленина, но в это время мой друг и компаньон Вадим Чуркин рассказал о поисках нашему старшему товарищу замечательному человеку Анатолию Ивановичу Павлову. И Анатолий Иванович, не колеблясь, отдал будущему музею первый этаж своего офиса, не попросив с меня ни копейки денег. Музей мы запустили очень быстро, чему были свои причины. Летом 1999 г. в нашем городе началась беспрецедентная борьба с наркоторговлей, в которой я принял участие вместе со своими товарищами. Я был уверен, что меня вот-вот должны убить и поэтому очень торопился с открытием музея. 4 декабря музей был открыт.

Помещения музея не велики, поэтому мы вынуждены демонстрировать только лучшие вещи. Основой экспозиции являются иконы XVIII в. (И до сего дня мы берем иконы XVIII в. даже частично утраченные, ради некоторых сохранившихся фрагментов). Необходимо отметить, что все искусствоведческие теории, из-за отсутствия в фондах государственных музеев невянских икон XVIII в., базировались на творчестве династии Богатыревых и на образцах первой половины XIX в. Стоит добавить, что последние несколько лет мы покупали иконы только у собирателей. Со дня открытия музея удалось выкупить две крупные коллекции, но на данный момент приток икон XVIII в., да и вообще невянских, почти прекратился. На протяжении ряда лет я отслеживал одно собрание, в которую входила, в частности, “Богоматерь Египетская” 1734 г. В фондах музея имеются иконы и более ранние, но из датированных это самая старшая. Через наши руки прошли многие сотни невянских икон, и мы с уверен-

⁴ Невьянская икона. Альбом-монография. Екатеринбург, 1997.

ностью можем сказать, что невянская икона XVIII в., в частности, добогатыревская, отмечена более высоким уровнем письма, истовостью исполнения и, не побоимся этого слова, более строгим вкусом. Собственно явление “Невянская икона”, то, что мы обозначаем термином “высокий Невьянск”, не перешагнуло порога XIX в.

Внутри невянской школы на протяжении XVIII в. мы прослеживаем, как минимум, четыре различных направления⁵:

1) т. н. “овальное письмо” относится к самому началу XVIII в. и отмечено некоторым северным влиянием;

2) т. н. “белоликие иконы” появившиеся не ранее в 30—50-х гг. XVIII в. и просуществовавшие вплоть до начала XIX в.;

3) т. н. “рельефное письмо”, самый ранний известный нам образец 1762 г.⁶, в котором сочетаются и московские, и северные влияния;

4) т. н. “красноуфимское”, известное с 80-х гг. XVIII в. и в том или ином виде встречающееся вплоть до начала XX в., отличается более мягким прозрачным вохрением ликов, соотношением толщины и размеров доски и практически всегда отсутствием ковчегов.

Также мы обратили внимание, что неувовимо отличаются иконы по разные стороны водораздела. Например, по ряду признаков можно отличить невянскую икону, происходящую с р. Чусовой от иконы, найденной на рр. Нейва или Тагил. Может быть, так отличаются иконы демидовские и строгановские (исходя из сфер влияния семей), но еще раз оговоримся, что все это очень условно. Невьянские подписные иконы XVIII века — огромная редкость: в нашем собрании находится только одна, хотя икон датированных значительно больше. Большинство невянских икон XVIII в., если не все, были в драгоценных окладах. Часть из них была ободрана в первые годы советской власти, часть утрачена в недавнее время. Иконы первой половины XVIII в. были обиты тонкой серебряной басмой. Также вплоть до середины XVIII в. встречались иконы с цатами.

Одно из отличий музея состоит в том, что большое значение мы придавали и придаем восстановлению. Мы считаем, что экспонировать, публиковать, а особенно атрибутировать иконы можно только после реставрации так как, *не раскрыв икону, невозможно ее верно датировать*. В настоящее время нам удалось установить сотрудничество с лучшими реставраторами Екатеринбурга, а также с реставрационными центрами Москвы и Санкт-Петербурга.

Фонды музея пополняются еженедельно. Вокруг музея сложился широкий круг коллекционеров и научных консультантов. Таким образом, мы отслеживаем практически все невянские иконы, предлагаемые к про-

⁵ Все названия несколько условны и даны нами на основании той или иной повторяющейся детали, или как в случае с 4-м исходя из наиболее частого места нахождения данных икон.

⁶ См. статью: М. П. Боровик, Е. В. Ройзман. Подписные и датированные иконы в собрании музея “Невянская икона”. Кат. № 3.

даже. В конце концов, покупаем лишь те, которые имеют или какие-то особенности, или подходят под определение “высокий Невьянск”. Отдельно скажем о критериях оценки. Вообще невянские иконы довольно дороги. Например, мы были вынуждены купить икону за 14000 долларов лишь по одной причине — мы точно знали, что снова встретить подобное произведение просто невозможно. Все официальные оценки, обычно, завышены. Те люди, которые могут распознать научную ценность и значимость иконы, как правило, не собираются платить за нее. Правильно оценить икону может только тот человек, который готов, или потенциально способен приобрести ее. Лишь тогда речь пойдет о ее реальной цене.



М. П. Боровик, Е. В. Ройзман

Подписные и датированные иконы в собрании музея “Невьянская икона”. XVIII в.

На сегодняшний день в фондах музея хранится более шестидесяти подписных и датированных “невьянских” икон XVIII–XIX вв. Публикацию нашей коллекции мы открываем иконами XVIII в.

Из 25 икон с подписями и датами, вошедших в этот каталог, 20 икон публикуются впервые. В описании каждого памятника дана следующая информация о нем: 1) номер по каталогу; 2) наименование сюжета; 3) датировка, автор, мастерская и т. п.; 3) надписи и тексты, содержащие атрибуционные сведения, с указанием места их расположения; 4) материал, техника, размеры; 5) инвентарный номер; 6) происхождение памятника; 7) сведения о реставрации; 8) выставки; 9) литература. К сожалению, формат и цели издания, а также ряд технических трудностей привели к тому, что только четыре иконы (№ 1, 3, 24 и 13), как наиболее интересные, проиллюстрированы цветными изображениями. Мы не стали давать остальные иконы в черно-белом варианте (за исключением фрагментов с надписями), так как считаем это нецелесообразным. Их публикация на данном этапе это своеобразная констатация факта. Мы думаем, что исследователям это необходимо. Впоследствии, все эти иконы войдут в альбом-каталог музея “Невьянская икона”, где и будут воспроизведены в цвете.

Большая часть икон небольшого размера (домашнего обихода), две (№ 3, 13) — двустворчатые складни, три (№ 19, 22, 23) — храмовые. Необходимо особо отметить две иконы (№ 15, 20), характеризующиеся отсутствием ковчега. Этот пример разрушает некоторые атрибуционные построения: “невьянские” иконы без ковчега появились еще в конце XVIII в., а его отсутствие не всегда означает, что рассматриваемая икона XIX в.

О расположении на иконе датирующей надписи: большинство — на нижнем поле, в одном случае (№ 10) — в нижней части средника (хотя это скорее исключение), в другом (№ 23) — на опуши; причем эти особенности отмечены и на уже опубликованных подписных и датированных иконах из музейных и частных собраний города (см. прилож.). Эти наблюдения необходимо учитывать при атрибуции. Исследователь, дати-

руя икону, обязательно должен иметь возможность внимательно изучить нижнее поле иконы, т. е. если икона или ее нижнее поле загрязнены олифой, объективную атрибуцию по ней дать нельзя¹. На двух иконах (№ 15, 21) датирующие надписи помещены в картуш. Некоторые исследователи склонны датировать все иконы, декорированные барочными картушами и виньетками, как минимум началом XIX в. Отчасти это так, но нельзя отрицать и то, что эти чрезвычайно популярные в XIX в. элементы иконного декора появляются еще в XVIII в. В большинстве своем иконописцы были лаконичны, указывая только год, день и месяц написания иконы. Надписи на трех иконах (№№ 1, 15) более информативны за счет уточнения дня написания — празднование святых или праздника.

Три иконы (№ 2, 9, 14) украшены серебряными окладами. Клейма двух из них (№ 2, 14) послужили основой для датировки иконы — 1758 и 1785 г., третий оклад (№ 9) сделан на полвека позже самой иконы. Особый интерес вызывают оклады XVIII в.: несмотря на то, что до 70 % невьянских икон XVIII в. несут на себе следы окладов (характерные отверстия от крепежных гвоздиков на торцах), сохранилось таких икон очень мало.

На основании изучения подписных и датированных икон XVIII в., как публикуемых впервые, так и уже опубликованных (см. прилож.) можно сделать ряд выводов.

1. Основная масса датированных “невьянских” икон начинает появляться после 1770 г.², а редкие иконы датированные более ранними годами могут служить лишь вехами, иллюстрирующими период формирования уральской горнозаводской иконописи.

2. Выявлен единственный единый для всех невьянских икон XVIII в. атрибуционный признак — позем³ с цветами (цв. вкладка, ил. 2, 3, 4); этот стилистический элемент в упрощенном виде иногда встречается в XIX в. на иконах “красноуфимского” направления. Этот же позем можно увидеть на иконе 1680-х гг. “Федоровская Богоматерь в чудесах” работы костромских мастеров Гурия Никитина и Василия Козьмина и на росписях 1697 г. церкви Ильи Пророка в Ярославле. Что интересно, церковь наряду с ярославскими расписывали десять костромских мастеров во главе с Гурием Никитиным⁴.

3. На основании стилистических особенностей (личное письмо, облачка, позем, разделка одежд и доспехов) выделен круг икон, принадле-

¹ Показательный пример — икона “Гурий, Самон и Авив” (ЧОКГ), которую “атрибутировали” несмотря на то, что все нижнее поле было плотно закрыто потемневшей олифой. Невьянская икона. Альбом-монография. Екатеринбург, 1997. Кат. № 92, С. 118 (ил.), 197.

² Объяснением этому на наш взгляд могут служить как общегосударственное смягчение политики по отношению к старообрядчеству, так складывание в среде представителей уральского торгово-промышленного сословия “моды” на произведения местных мастеров-иконописцев и др.

³ Конечно, за исключением тех икон, где позем отсутствует.

⁴ Подробнее об этом см.: Брюсова В. Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. С. 90, ил. 82, цв. табл. 124, 172—173.

жащих, видимо, одной мастерской. Мастерская располагалась в Невьянском заводе, известна с 1785 г. — складень двухстворчатый “Михаил Архангел Архистратиг и Чудо Георгия о змие” (№ 13). Выявленных икон этой мастерской немного: “Голгофа” 1799 г. (№ 24) “Избранные святые: Ксения, Васса, Иоанн Златоуст, Ангел-хранитель, Иоанн Богослов и Мина в предстоянии иконе Богоматерь Одигитрия с избранными святыми на полях (слева — мученица Фотиния; справа — мученица Параскева)” (НИ № 18/70), “Гурий, Самон и Авив”⁵ (ЧОКГ), “Царь Царем”⁶ (СОКМ). Ни подтвердить, ни опровергнуть продолжение работы этой мастерской в XIX в. мы пока не можем.

КАТАЛОГ

1. БОГОМАТЕРЬ ЕГИПЕТСКАЯ (цв. вкладка, ил. 1).

1734 г.

На нижнем поле надпись в три строки: “Писанъ бысть сей святой образъ, в лето, 7243, совершися тогоже лета, месяца декабря во 18 день. На память святого великомученика Севастиана и дружины его”.

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,0 × 28,3 × 2,9 см.

Инв. НИ—18/7.

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбург.

Реставрация: Л. Рязанова.

Литература: Л. Рязанова, Ю. Рязанов. Невьянская икона: от истоков к закату // Уральский следопыт. Екатеринбург, 1999. № 2. С. 62—68, ил. 1-я стр. обложки.

2. БОГОМАТЕРЬ ОДИГИТРИЯ с избранными святыми на полях (слева — Ангел-хранитель; справа — Иосиф) (в окладе).

Живопись: середина XVIII в.

Оклад: 1758 г., Москва, серебряных дел мастера Василий Матвеевич Кункин⁷ и Петр Афиногенов⁸, пробирный мастер Данила Мошалкин⁹.

⁵ См. сноску 1. Икона датируется не концом XVIII — началом XIX в., как указано в атрибуции, а концом XVIII в.

⁶ Невьянская икона. Кат. № 143, С. 170 (ил.), 205. Атрибуция ошибочна. Это не Москва.

⁷ Гольберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV—XX веков. М., 1967. С. 188, Кат. № 943. См. также: Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 1998. С. 147. Кат. № 4. — оклад 1754 г. на икону “Спас Вседержитель с избранными святыми на полях”.

⁸ Там же. Кат № 938.

⁹ Там же. С. 177. Кат. № 592.

По нижнему торцу оклада клейма: города Москвы, “1758”, “ПВК” (мастер-изготовитель), “ПА” (мастер-изготовитель), “ДМ” (пробирный мастер).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,3 × 28,0 × 2,5 см.

Серебро, чеканка, гравировка, золочение.

Инв. НИ–18/52.

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбург.

Реставрация: 1999 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя); 2000 г. В. Кондюров.

Не опубликована.

3. НИКОЛАЙ МОЖАЙСКИЙ со сценами жития и чудес:

Рождество Николы; Крещение Николы; Приведение во ученики; Постановление в Епископы; Явление во сне царю Константину и епарху Евлавию с повелением освободить трех невинно осужденных; Никола избавляет от казни трех неправедно осужденных; Успение Николы; Перенесение мощей Николы из Мир Ликийских в Бар; Чудо спасения патриарха Афанасия от потопления; Чудо спасения Дмитрия от потопления; Чудо возвращения Агрикова сына Василия от сарацин; Чудо о трех иконах и умножении вина; Чудо явления Николы и Симеона Богоприимца Петру военачальнику; Чудо о ковре (створка от складня) (цв. вкладка, ил. 2).

1762 г.

На нижнем поле надпись в одну строку: “7270 года месяца мая в 7 день”.

Дерево, бронза, бронзовые орнаментированные по углам рамки. Паволока, левкас, темпера, золочение.

34,0 × 31,0 см.

Инв. НИ–18/53.

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбург.

Технологическое описание¹⁰:

Поверх красочного слоя плотный слой коричневого лака (смесь канифоли и масла), который меняет цвет авторского слоя.

Грунт — гипс CaSO_4 ;

Лики: высокий рельеф; по общей подготовке желтой охры, охрение — белила, желтая охра;

Одежды Николы: малиновая — плотный красочный слой красного органического пигмента (КОП) и свинцовых белил, поверх лессировка КОП в виде лака (окрашенное связующее); синяя — смесь берлинской лазури и свинцовых белил, лессировка чистыми свинцовыми белилами; оранжевый плащ — пока не идентифицирован (содержит свинец);

¹⁰ Технологическое исследование выполнено в 2000 г. в ГНИИР г. Москва

Синий фон (2 клейма рядом с Николой) — берлинская лазурь свинцовые белила.

Реставрация: 1999 г. Л. и Ю. Рязановы (укрепление и частичное раскрытие красочного слоя); 2001 г. А. Михайлов, А. Яблоков (раскрытие и тонировки).

Не опубликована.

4. БОГОМАТЕРЬ “ВСЕМ СКОРБЯЩИМ РАДОСТЬ” с избранными святыми на полях (слева — Гурий и Зосима; справа — Варсонофий и Савватий).

1771—1780 гг.

На нижнем поле надпись в две строки: “728... году месяца ноября... день”.

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

18,3 × 15,0 × 2,5 см.

Инв. НИ—18/79.

Происходит из г. Невьянск Свердловской обл.

Реставрация: 2000 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя), А. Яблоков (раскрытие), 2001 г. С. Сперанский (тонировки).

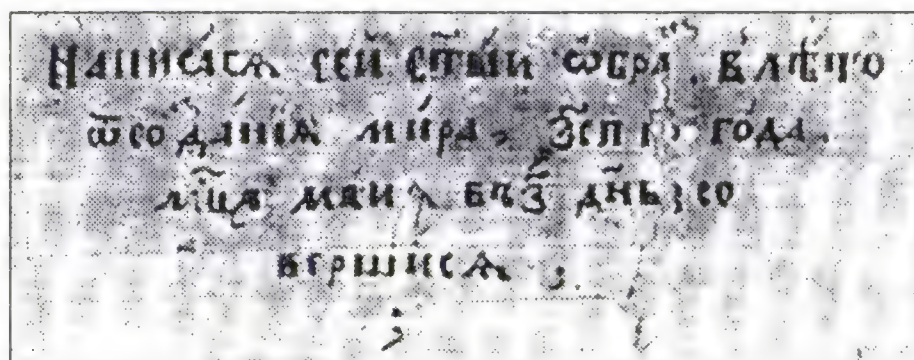
Не опубликована.

5. ЧЕТЫРЕХЧАСТНАЯ ИКОНА: РОЖДЕСТВО БОГОМАТЕРИ; УСЕКНОВЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ; СОБОР СВЯТЫХ (мученицы Парасковья и Екатерина, священномученик Харлампий, Архангел Гавриил, Архангел Михаил, мученица Варвара, неопределимая святая, Ангел-хранитель, Стефан), предстоящих иконе Богоматерь Владимирская; Собор святых мучеников Кизицких (Фиогний (Фиогнист), Руф, Антипатр, Феостих, Артема, Магн, Фиодот, Фавмасий, Филимон) с избранными святыми на полях (слева — Иоанн Златоуст, Сергей Радонежский и Мина; справа — Антипа; Ануфрий и Мелания).

1772 г.

На нижнем поле надпись в четыре строки: “Написася сей святой образ в лето от создания мира 7280-го года, месяца мая въ 7 день, совершися” (ил. 1).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.



ил. 1.

33,8 × 27,7 × 2,8 см.

Инв. НИ–18/54.

Происходит из г. Невьянск Свердловской обл.

Реставрация: 2000 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя), А. Яблоков (раскрытие), 2001 г. С. Сперанский (тонировки).

Не опубликована.

6. БОГОМАТЕРЬ КАЗАНСКАЯ с избранными святыми на полях (слева — Ангел-хранитель и Паисий; справа — Иоанн Предтеча и неопределимая святая).

1774 г.

На нижнем поле по центру надпись в одну строку: “7282 году генваря 22 день” (ил. 2).



Ил. 2

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

18,5 × 15,3 × 2,1 см.

Инв. НИ–18/55.

Дар музею Л. И. Малютина.

Происходит из г. Невьянск Свердловской обл.

Реставрация: 1996 г. Л. Рязанова (частичное раскрытие и консервация).

Выставки: Невьянская икона. Екатеринбург. 1997.

Литература: Невьянская икона. Альбом-монография. Екатеринбург, 1997. Кат. № 113. С. 138 (ил.); Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX в. Альбом-каталог. Екатеринбург, 1998. Кат. № 18. С. 150.

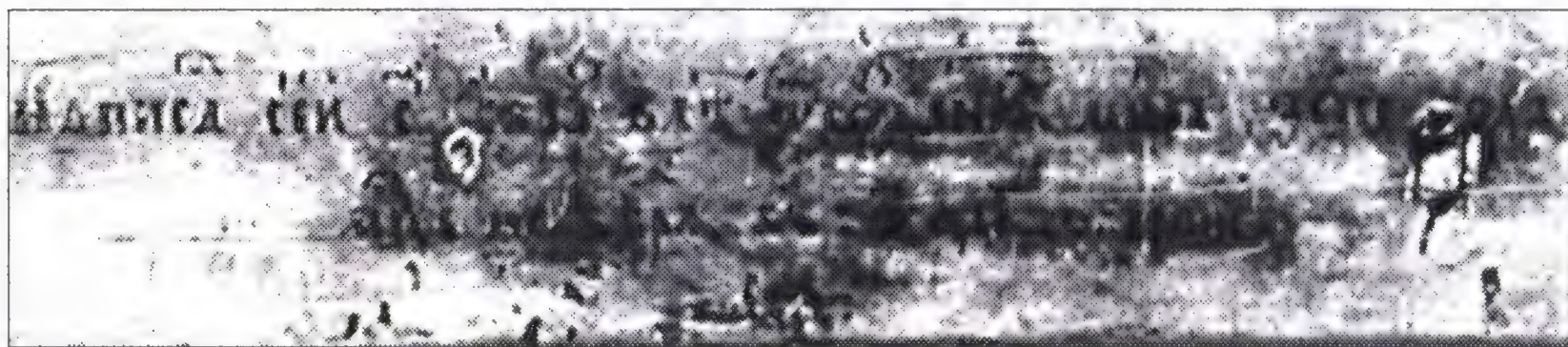
7. СОБОР АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА и прочих небесных сил с избранными святыми на полях (из шести святых, ввиду утраты подписей, ни один не определим).

1776 г.

На нижнем поле надпись в три строки: “Написася сей святой образъ в ле[то] от создания мира 7285 года месяца ноября в 7 день совершися” (ил. 3).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

34,0 × 28,3 × 2,7 см.



Ил. 3

Инв. НИ–18/27.

Происходит из дер. Шарташская Свердловской обл.

Реставрация: 1998 г. В. Кондюров.

Не опубликована.

8. БОГОМАТЕРЬ ОДИГИТРИЯ.

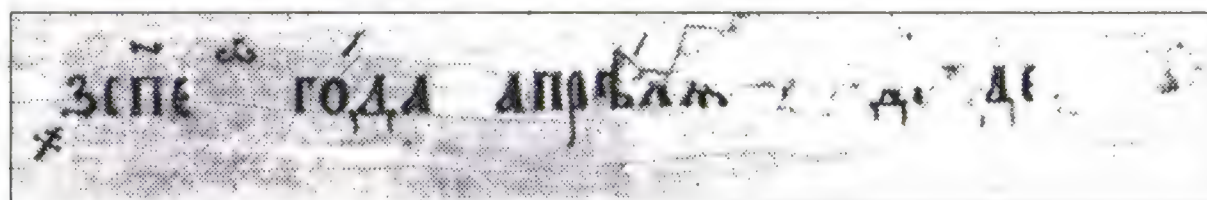
1777 г.

На нижнем поле надпись: “7285 года апреля 14 день” (ил. 4)

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,0 × 28,0 × 2,3 см.

Инв. НИ–18/8.



Ил. 4

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбург.

Реставрация: 1999 г. Л. Рязанова.

Не опубликована.

9. “НЕ РЫДАЙ МЕНЕ МАТИ” (в окладе).

Живопись: 1777 г.

На нижнем поле надпись в две строки: “7285 году февраля, в 6-й день” (ил. 5).

Оклад: 40–50-е гг. XIX в., Москва, пробирный мастер Андрей Антонович Ковалский¹¹.

На нижнем поле оклада клейма: города Москвы, “84” (проба серебра), “АК/....” (пробирный мастер), “СЕ” (неизвестный мастер-изготовитель). На нимбе Богоматери клейма: города Москвы, “84” (проба серебра), “СЕ” (неизвестный мастер-изготовитель).

¹¹ Гольберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело... С. 178. Кат. № 617–618.

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

17,5 × 14,8 × 2,2 см.

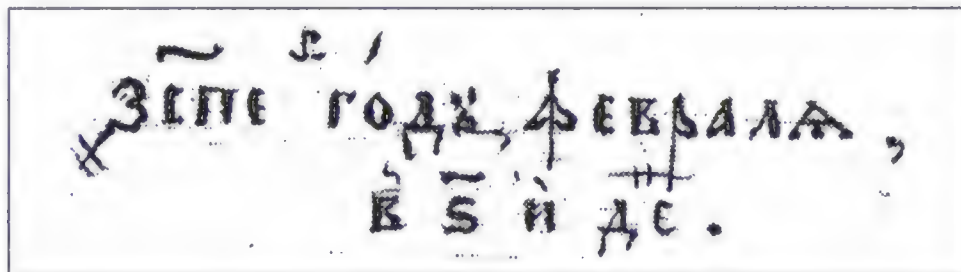
Серебро, штамп, чеканка, золочение, горный хрусталь (13 камней на нимбах), эмалевые дробницы.

Инв. НИ–18/31.

Происходит с территории Свердловской обл.

Реставрация: 1998 г. Л. Рязанова.

Не опубликована.



Ил. 5

10. БОГОМАТЕРЬ НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА на троне (?) с избранными святыми на полях (слева — Стефан; справа — мученик Тимофей). (Икона подписана по верхнему полю Образъ Пресвятыя Богородицы Неопалимая Купины. Вероятно, данный случай является примером “ошибки” иконописца. Дело в том, что изображенная композиция повторяет иконографию “Богоматерь Камень Горы нерукосечной”¹²).

1780 г.

В нижней части средника иконы по позему надпись черной краской в одну строку: “7388 м[есяца] мая въ 30 д[ень] и[сполнися]” (ил. 6а, 6б).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,0 × 28,3 × 2,8 см.

Инв. НИ–18/47.

Происходит с территории Свердловской обл.



Ил. 6а



Ил. 6б

¹² Полякова О. А. Шедевры русской иконописи XVI–XIX веков. М., 1999. Кат № 1. С. 25 (ил.), С. 144–145; “Пречистому образу Твоему поклоняемся...” Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб., 1995. Кат № 61. С. 104 (ил.), 105.

Реставрация: 1997 г. О. Бызов; 1998 г. Л. Рязанова.
Не опубликована.

11. РОЖДЕСТВО БОГОМАТЕРИ с избранными святыми на полях (слева — Ангел-хранитель и преподобная Матрона; справа — мученик Антипа и мученица Евфимия).

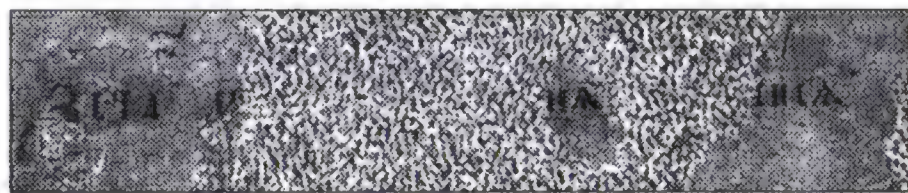
1783 г.

На нижнем поле надпись с многочисленными утратами: “7291 м[есяца ию]ня [соверш]ися” (ил. 7).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

22,1 × 18,9 × 2,3 см.

Инв. НИ—18/16.



ил. 7

Происходит из г. Реж Свердловской обл.
Реставрация: 1998 г. Л. и Ю. Рязановы.
Не опубликована.

12. БОГОМАТЕРЬ КАЗАНСКАЯ с избранными святыми на полях (слева — Архангел Михаил и Ангел-хранитель; справа — Архангел Гавриил и преподобный мученик Стефан).

1785 г.

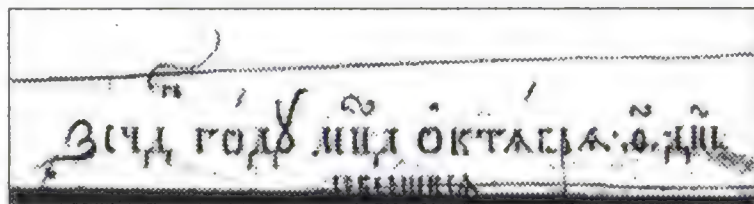
На нижнем поле надпись в две строки: “7294-го году месяца октября 9 день совершися” (ил. 8).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,8 × 28,0 × 2,8 см.

Инв. НИ—18/22.

Происходит с территории Свердловской обл.
Реставрация: 1999 г. Л. и Ю. Рязановы.
Не опубликована.



Ил. 8

13. СКЛАДЕНЬ ДВУХСТВОРЧАТЫЙ: МИХАИЛ АРХАНГЕЛ АРХИСТРАТИГ (левая створка) И ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ (правая створка). Цв. вкладка, ил. 4а, 4б.

1785 г.

В правом нижнем углу левой створки в черневой рамке на красном фоне надпись белилами (в конце текста кондака): “написанъ сей образъ в лето 7293 году мая 13 дня”.

Дерево. Медные уголки. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,3 × 57,7 × 1,2 см.

Инв. НИ—18/56.

Происходит из дер. Конеево Свердловской обл.

Реставрация: 2000 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя), 2001 г. Максим Ратковский (раскрытие и тонировки).

Не опубликована.

14. БОГОМАТЕРЬ ТИХВИНСКАЯ (в окладе).

Живопись: последняя четверть XVIII в.

Оклад: 1785 г., Калуга, пробирный мастер Афанасий Красильников¹³.

На нижнем торце оклада клейма: города Калуги, “1785”, “АК” (пробирный мастер).

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

22,0 × 17,8 × 2,7 см.

Серебро, чеканка, гравировка, золочение.

Инв. НИ—18/57.

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбурга.

Реставрация: 1997 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя, частичное раскрытие).

Не опубликована.



Ил. 9

15. СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ.

1786 г.

На нижнем поле в картуше текст: “[Писанъ] бысть сей святой образъ в лето [о]тъ сотворения мира 7[28]5 месяца ноября въ [8] день святых чюд[отворцевъ] Козма и Домиана соверши[ся]” (ил. 9).

Дерево, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,2 × 28,3 × 2,7 см.

Инв. НИ—18/29.

Происходит из г. Невьянска Свердловской обл.

Реставрация: 1995 г. П. Горнунг.

Выставки: Невьянская икона. Екатеринбург. 1997.

Литература: Невьянская икона. Кат. № 114. С. 139 (ил.); Уральская икона. Кат. № 19. С. 150.

¹³ Гольберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Постникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело... С. 165. Кат. № 263.

16. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ.

1789 г.

На нижнем поле надпись чернью: “7298 году месяца сентября 28 день”.

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

28,1 × 33,6 × 2,4 см.

Инв. НИ—18/59.

Происходит с территории Свердловской обл.

Реставрация: 2000 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя); 2001 г. Михаил Ратковский (раскрытие).

Не опубликована.

17. БОГОМАТЕРЬ КАЗАНСКАЯ с избранными святыми на полях (слева — Архангел Михаил, Иоанн Предтеча и Василий Великий; справа — Ангел-хранитель, Иоанн Богослов и Иоанн-воин).

1790 г.

На нижнем поле надпись в пять строк: “Написася сей святой образ в лето 7298-го года месяца мая”.

Дерево, двойной ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,0 × 27,2 × 3,0 см.

Инв. НИ—18/80.

Дар музею В. Е. Чуркина.

Происходит с территории Свердловской обл.

Реставрация: 2001 г. Михаил Ратковский (раскрытие); Т. Комаровская (тонировки).

Не опубликована.

18. ПОКРОВ БОГОМАТЕРИ.

1794 г.

На нижнем поле надпись в одну строку: “7303 года месяца сентября 22 день”.

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,5 × 28,3 × 2,5 см.

Инв. НИ—18/60.

Происходит с территории Свердловской обл.

Реставрация: 2001 г. Ю. Рязанов (укрепление красочного слоя и частичное раскрытие).

Не опубликована.

19. ВОСКРЕСЕНИЕ — СОШЕСТВИЕ ВО АД с избранными святыми на полях (слева — Николай Чудотворец; справа — преподобный Марой).

1795 г.

На нижнем поле надпись в три строки: “написася сей святыи обра... лето 7303-го года месяца марта в... въ ...ся в”.

Дерево, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

76,5 × 56,0 × 4,0 см.

Инв. НИ—18/61.

Происходит с территории Пермской обл.

Реставрация: 2000—2001 гг. Максим Ратковский.

Не опубликована.

20. “НЕ РЫДАЙ МЕНЕ МАТИ” с избранными святыми на полях (слева — Ангел-хранитель; справа — Самсон).

1796 г.

На нижнем поле надпись в одну строку: “7304 года месяца июня 17 дня совершися”.

Дерево, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,3 × 28,1 × 2,5 см.

Инв. НИ—18/81.

Происходит с территории Курганской обл.

Реставрация: 2001 г. Максим Ратковский (раскрытие).

Не опубликована.

21. ИОАНН ПРЕДТЕЧА Ангел пустыни с житием в шести клеймах.

Сюжеты клейм: 1) Обретение главы Иоанна Предтечи; 2) Воспитание младенца Иоанна ангелом в пустыне; 3) Усекновение главы Иоанна Предтечи; 4) Крещение Иоанном народа; 5) Рождество Иоанна Предтечи; 6) Явление ангела Захарии в храме.

1797 г. Невьянск. Афанасий Иванович Богатырев (?)¹⁴.

На нижнем поле в картуше надпись: “Писанъ бысть сей святыи образъ в лето 7305 месяца февраля в 20 день совыершися”.

Дерево, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

33,6 × 28,1 × 2,7 см.

Инв. НИ—18/62.

Происходит с территории Свердловской обл.

Реставрация: в 1996—1997 гг. Ю. Пузанков; 2001 г. Михаил Ратковский (раскрытие — были удалены оставшаяся олифа и тонировки Ю. Пузанкова).

Литература: Уральская икона. Кат. № 45. С. 154, С. 26 (ил.)

22. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ.

1798 г.

¹⁴ См.: Байдун В. И. Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала в XVIII — начале XX в. // Невьянская икона. С. 234.

На нижнем поле надпись киноварью в три строки: “Писан бысть сей святой образ в лето от создания мира 7306 года месяца марта в 3 день совершися”.

Дерево, шпонки торцовые и врезные односторонние. Паволока, левкас, темпера, золочение.

88,2 × 70,5 × 3,1 см.

Инв. НИ—18/63.

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбург. Вывезена в начале 1980-х гг. из г. Кыштым Челябинской обл.

Реставрация: 2000—2001 гг. Максим Ратковский.

Литература: Уральская икона. Кат. № 48. С. 154.

23. РОЖДЕСТВО БОГОМАТЕРИ со сценами жития.

Сюжеты клейм (свободное расположение): Моление Иоакима и Анны; Целование Иоакима и Анны; Омовение младенца; Принесение даров; Принесение Марии в храм; Иоаким и Анна с младенцем Марией у источника.

1799 г.

На опуши надпись, разбитая на три части: слева — “7308 го..”; по центру — “месяца дек[абр]я”; справа — “в 7 де[нь] совершися”.

Дерево, шпонки торцовые и врезные сквозные фигурные. Паволока, левкас, темпера, золочение.

53,8 × 46,3 × 3,0 см.

Инв. НИ—18/64.

Происходит из г. Нижний Тагил Свердловской обл.

Реставрация: 1996—1997, 2000—2001 гг. Л. и Ю. Рязановы.

Литература: Рунева Т. А., Колосницын В. И. Невьянская икона // Регион-Урал. 1997. № 6. С. 32 (ил.); Уральская икона. Кат. № 48. С. 154, С. 27 (ил.).

24. ГОЛГОФА (цв. вкладка, ил. 3).

1799 г.

На нижнем поле надпись в две строки: “Нап[исася] сей святой образ 7307 году генваря 19 дня.”.

Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, левкас, темпера, золочение.

37,5 × 32,4 × 2,3 см.

Инв. НИ—18/65.

Происходит из дер. Малая Лая Свердловской обл.

Реставрация: 2000—2001 гг. Максим Ратковский.

Не опубликована.

25. СПАС ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ НА ПРЕСТОЛЕ с предстоящими (Седмица) и припадающими Зосимой и Савватием Соловецкими.

1799—1800 гг.

На нижнем поле надпись: "7308... совершися".
Дерево, ковчег, шпонки торцовые. Паволока, лев-
кас, темпера, золочение.

33,4 × 28,0 × 2,7 см.

Инв. НИ—18/66.

Поступила из частной коллекции г. Екатеринбург.

Реставрация: 2000 г. В. Кондюров (раскрытие); 2001 г. С. Сперанский (тонировки).

Не опубликована.



Ил. 10

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Опубликованные подписные и датированные иконы. XVIII в.*¹*

- 1754 г. Спас Вседержитель с избранными святыми на полях. Датируется по окладу. Кат. № 4—4а. С. 147.
- 1773 г. Спас Вседержитель не престоле с припадающими Антонием и Феодосием Печерскими. Кат. № 17. С. 150.
- 1780 г. Отечество. Кат. № 20. С. 150.
- 1782 г. Богоматерь Страстная. Кат. № 25. С. 151.
- 1784 г. Николай Чудотворец. Кат. № 27, С. 151.
- 1789 г. Царь Царем. Невьянская икона. Кат. № 143, С. 170.
- 1790 г. Единородный Сыне и Слово Божие. Кат. № 37, С. 152.
Исус Христос спасает апостола Петра от потопления (вверху, в облачном сегменте, — Троица Ветхозаветная). Кат. № 38, С. 152.
- 1795 г. Покров Богоматери. Кат. № 39, С. 153.
- Б/г Иван Анисимович Малыганов. Спас Нерукотворный с избранными святыми на полях. Кат. № 23. С. 150.
- 1796 г. Иван Анисимович Малыганов. Богоявление со сценами жития. Кат. № 40, С. 153.
- 1796 г. Иван Савельевич Денисов. Спас "Благое молчание". Кат. № 44, С. 153.
- 1797 г. Трехчастная икона: Спас Вседержитель; Рождество Богоматери; Собор избранных святых. Кат. № 46, С. 154.
- 1799 г. Кирик и Улита со сценами жития. Кат. № 50, С. 154.

*¹ См.: Уральская икона. Далее ссылки даны на номера в каталоге данного издания.

С. А. Белобородов, И. В. Починская

Коллекция рукописных и старопечатных книг музея “Невьянская икона”

Коллекция редких книг музея “Невьянская икона” начала комплектоваться недавно и пока еще невелика. Она насчитывает всего пять рукописных и девять печатных книг. Несмотря на скромные размеры и “случайный” характер комплектования, эта коллекция представляет определенный интерес для историков, археографов и искусствоведов.

Все рукописные кодексы достаточно позднего происхождения (четыре из них относятся к рубежу XVIII—XIX вв., один датируется концом XIX — началом XX вв.). По составу они являются сборниками.

Рукописи 8.1р и 8.4р представляют собой тип так называемых учительных сборников, чрезвычайно популярных на Руси с древнейших времен. Характерной особенностью подобных книг была большая вариативность содержания. Зачастую подбор статей осуществлялся переписчиками, выступавшими в роли редакторов-составителей. В XVII—XIX вв. такие сборники получили широкое распространение в старообрядческой среде. Со всей определенностью можно говорить о старообрядческом “происхождении” описываемых кодексов.

В сборнике 8.1р выделяются несколько крупных тематических блоков:

- подборка духовных стихов (о соловецких страдальцах, об Иоасафе царевиче, о Борисе и Глебе, о Христе);

- апокрифы (“Беседа трех святителей”, дополненная выписками из книги “Пчела” и апокрифической беседой святых Антиоха и Епифания из “Измарагда”);

- статьи из Четых миней, “Паренесиса” Ефрема Сирина, сочинений Иоанна Златоуста и Василия Великого (об умерших “внезапной смертью”, “о жалении” — против пережитков язычества, о покаянии, второбрачии, ангеле-хранителе, муках, гордости и т. п.);

- мелкие выписки из Евангелия, Стоглава, Катехизиса, Книги пророка Даниила.

Составителем основной части сборника был Пахом Евтихиевич (Евстафьевич?) Вилохин, оставивший свою подпись и инициалы на многих листах рукописи. Одна из его записей содержит дату — “1850 г.”, однако очевидно, что книга была создана раньше. Другой писец дополнил ко-

декс "Житием и чудесами св. Мины Египтянина" (см. Великие минеи четьи 15 мая и 11 ноября).

Сборник 8.4р также состоит из нескольких частей:

- учительные статьи из книг "Старчество", Пролог, Киево-Печерский патерик;
- компилятивные сочинения (о последнем времени, о причащении, о милости от праведных трудов, о страдании, о пророках и др.) с ярко выраженной эсхатологической направленностью;
- фрагмент сочинения протопопа Аввакума, озаглавленный "О просфире" и произведение его духовного сына, одного из выдающихся деятелей раннего раскола инок Авраамия, сожженного в 1672 г., "Послание ко благочестивой княгине";
- выписки из книг Цезаря Барония, "Синтагмы" Матфея Властаря, "Пандектов" Никона Черногорца о необходимости "во время гонений" держаться с особой стойкостью.

Большой интерес для исследователей, занимающихся изучением старообрядчества, может представить "функциональный" сборник (8.2р), куда вошли девять канонов, старообрядческий Синодик и святцы. В Синодике упомянуты десятки имен беглопоповцев (часовенных), многие из которых сыграли важную роль в истории уральского староверия.

Священноиннок Иов (умер в 1751 г.), чьим именем открывается Синодик, был беглым священником, которого староверы приняли к себе в 1725 г. Именно Иов руководил беглопоповцами на горных заводах Урала в 1730—1740-е гг. Старообрядческие священники Василий Никитин, Филипп, Иоанн Афанасьев, Ефрем Степанов (Сибиряк) — видные деятели уральского раскола середины XVIII в. Все они похоронены близ Невьянска. Инок-схимник Максим (умер в 1783 г.) также долгие годы возглавлял старообрядческое общество невьянской округи. В Синодике упомянуты имена старцев Германа и Григория (Коскина), похороненных, как и Максим, на Веселых горах. Примечательно, что имя четвертого местночтимого старообрядческого праведника Павла внесено в Синодик значительно позже. Возможно, это связано с тем, что культ почитания Павла, погибшего в 1836 г., оформился лишь к середине XIX в. Среди персоналий, попавших в Синодик в более позднее время, следует упомянуть инокиню Акинфу, чье имя также вписано карандашом. Возможно, речь идет о бывшей супруге одного из лидеров урало-сибирского староверия конца XIX в. о. Нифонта, принявшей иноческий постриг в 1860-х гг.

Несомненно, люди, составлявшие Синодик были связаны с невьянскими старообрядцами. Многочисленные записи на святцах свидетельствуют о том, что книга бытовала неподалеку от Невьянского завода (упоминаются г. Алапаевск, д. Кунара, расположенная в 20 км от Невьянска, прииск Слезинский). С большой вероятностью можно говорить, что владельцы рукописи происходили из крестьянской семьи, основным занятием представителей "мужской половины" которой были "отхожие промыс-



Ил. 1



Ил. 2

лы”: часто упоминаемые Прокопий и Михаил (очевидно, братья) занимались пошивом сапог. Поминальные записи представителей этого рода, фамилия которого, к сожалению, пока не установлена, велись с середины XIX в. до 1880-х гг.



Ил. 3

Сборники 4.3р и 2.5р объединяет то, что оба они — лицевые. Однако на этом их сходство заканчивается. Рукопись 4.3р содержит 36 миниатюр, иллюстрирующих текст “Страстей Христовых” (ил. 1). Кроме того, в книгу вошла подборка статей с описанием чудес св. Николая, архиепископа Мир Ликийских, составленных, как полагают некоторые исследователи, древнерусским книжником Ефремом Переяславским еще в конце XI в. Завершают кодекс выписки с поучениями из “Маргарита” Иоанна Златоуста, “Апокалипсиса” Иоанна Богослова, Кормчей, Апостола, Катехизиса. Отметим наличие списка “Предисловия к читателю” (“Премова до чителника”), написанного архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем (ок. 1600—1683) для издания

Нового Завета с Псалтырью (Киев, 1658).

Миниатюры, выполненные в так называемой “примитивной” манере, явно копируют протограф. Достоинно примечания, что один из читателей



Ил. 4

беспоощадно отнесся к изображениям противников Христа, выскоблив их лица. Кроме рисованных, в рукописи есть иллюстрация, гравированная на меди, — раскрашенное изображение Богородицы с Младенцем (ил. 2).

Иллюстрации сборника 2.5р, напротив, поражают высочайшим уровнем мастерства “изографа” (ил. 3, 4). Всего миниатюр 53 и они довольно равномерно распределены по тексту. Необходимо упомянуть и о других элементах оформления, также выполненных с большой художественностью: заставка-рамка, инициалы, выразительные концовки. Определенные “приметы” позволяют высказать предположение о “московском” происхождении рукописи.

По составу сборник можно разделить на несколько частей:

- слово Палладия Мниха “О втором пришествии Христове” (для которого сделано наибольшее количество миниатюр — 12);
- слова и поучения из Пролога (8 иллюстраций);
- повести из “Зерцала Великого” (18);
- притчи из Евангелия (10);
- выписки из Златоуста, Апостола, Катехизиса о соборности Церкви, “О девстве и чистоте”, “О аде и мытарствах” (5).

Углубленное изучение иллюстраций этой замечательной рукописи и попытка установления автора миниатюр — дело будущего.

Печатные книги представлены двумя изданиями первой половины XVII в., двумя — XVIII в. и четырьмя — начала XX в.

К XVII в. относятся выпущенные Московским печатным двором Часовник 1634 г. (8.8п) и Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца 1643 г. (4.5п).

Особый интерес представляет Часовник. Имеющийся в коллекции экземпляр является вариантом набора этого издания, не учтенным в каталоге классика советского книговедения А. С. Зерновой¹. Сопоставление экземпляра Часовника из коллекции НИ с экземплярами Часовника 1634 г. Древлехранилища ЛАИ УрГУ показало, что выявленный вариант набора отличается от описанного А. С. Зерновой полным перенабором л. 25, имеющего к тому же другую заставку и вязь, а также вставкой трех новых тетрадей с текстом канона-молебна ангелу-хранителю между тетрадями 25 и 26. К сожалению, дефектность всех имевшихся в нашем распоряжении экземпляров не позволила провести сопоставление двух вариантов набора издания Часовника до л. 25.

К XVIII в. относится Молитвослов, напечатанный в типографии Черниговского Троице-Ильинского монастыря в 1744 г. (12.7п). Он является третьим изданием, выпущенным этой типографией с момента возобновления ее деятельности в 1743 г. после более чем 20-летнего перерыва. Она была закрыта по инициативе духовных властей в 1721 г. за сотрудничество со старообрядцами². Издание Молитвослова, несмотря на миниатюрный формат, содержит большое количество гравюр (27 с 24 досок), что не является редким для западно-русской традиции оформления печатных книг. Однако в силу дефектности в описываемом экземпляре сохранилось только четыре гравюры.

Вторым изданием XVIII в. является Часовник, изданный по заказу старообрядцев типографией униатского Почаевского Успенского монастыря не ранее 1789 г. (датировка по бумаге) и имеющий ложную дату выхода в свет — 1778 (8.6п).

XX в. в коллекции НИ представлен сборником, составленным, как указано на титуле, Антонием (Поромовым), старообрядческим епископом Пермским и Тобольским (1855—1918) под названием “Святоотеческий сборник” (4.9п). Он содержит тематические выписки из Священного Писания и Священного Предания по актуальным для старообрядцев конца XIX — начала XX вв. вопросам. В него также включены полемические сочинения, отражающие характер дискуссий как между старообрядцами различных согласий, так и между старообрядцами и миссионерами официальной церкви.

Несмотря на то, что Антоний указан в качестве единственного автора-составителя сборника, ему помогали в этой работе начетчики, в роли

¹ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958.

² Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII — начала XIX веков. Екатеринбург, 1994. С. 32.



Ил. 5

которых, вероятно, выступили Ф. Е. Мельников, один из активнейших старообрядческих писателей и философов конца XIX — начала XX вв., а также В. Г. Усов³, фигура менее яркая, чем его соавторы; он не был отмечен особыми достижениями в литературном творчестве, однако известна его причастность к организации старообрядческого книгопечатания в Нижнем Новгороде, где старообрядческим епископом был его брат, и в Екатеринбурге⁴.

Книга издана в 1910 г. в типографии П. П. Рябушинского, который, как и авторы сборника, принадлежал к старообрядцам, приемлющим белокриницкую иерархию. В его типографии было выпущено немало книг по заказам старообрядцев различных согласий.

Четыре других книги начала XX в. в составе коллекции (2 экземпляра Псалтыри (4.1п, 4.2п), Житие Василия Нового и Григориевы видения (4.3п), Устав церковный (4.4п)), как и названный выше сборник, являются старообрядческими изданиями. Все они напечатаны в 1912 г. и содержат цветные иллюстрации, выполненные литографическим способом⁵.

³ Среди "австрийцев" // ЕЕВ. 1913. № 2. С. 998—999.

⁴ Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701—1918). Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 53—54; Белобородов С. А. "Австрийцы" на Урале и в Западной Сибири (из истории русской православной церкви — белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 160.

⁵ Подробнее об оформлении старообрядческих изданий начала XX в. см. статью в настоящем сборнике: Починская И. В. Об особенностях художественного оформления старообрядческих изданий XVIII — начала XX вв.



Ил. 6

Имена авторов гравюр Псалтыри (ил. 5), изданной “Московской старообрядческой книгопечатней”, и Устава⁶, выпущенного саратовскими поморцами-брачниками в типографии издательства “Энергия”, известны. В первом случае это один из крупнейших старообрядческих художников начала XX в. И. Г. Блинов, во втором — Немиров, творчество которого пока, к сожалению, не изучено.

По поводу же имени оформителя Жития Василия Нового (ил. 6), изданного типографией Преображенского кладбища, можно только строить гипотезы. Возможно, им был управля-

ющий типографией Р. И. Кистанов. Известно, что он много работал с рукописями ГИМ⁷. Был ли это только просмотр и отбор для публикации текстов или в том числе копирование миниатюр, еще предстоит выяснить исследователям.

Научные описания книг проведены по схемам, разработанным в ЛАИ УрГУ на основе анализа опыта, имеющегося в отечественном книговедении. Рукописные книги, а также печатная 4.9п описаны С. А. Белобородовым, остальные издания — И. В. Починской.

ОРК НИ 8.1р. СБОРНИК. Начало XIX в. II, 178 л. 8°, 16,1 × 10,4.

Бумага: л. I, II, плотные, с вержерами и понтюзо — форзацные листы, вставленные при современной реставрации; л. 1—132, плотная, нач. XIX в. Фрагменты филигрانی по справочникам атрибутировать не удалось; л. 133—143, филигрань “герб Ярославской губ.”, белая дата “18..”; л. 144—178, филигрань “герб Ярославской губ.” (большой), белая дата “1785”.

⁶ См. цв. вкладку, ил. 17.

⁷ Починская И. В. Об особенностях художественного оформления...

Л. I—I об., II—II об., 107 об.—108, 176—178 об., без текста. Между л. 132 и 133 утрачен лист.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением. На верхней крышке "средник" — стилизованная лилия в овале. Из двух металлических застежек одна утрачена.

Письмо: л. 1—132 об., полуустав 1 поч., л. 133—176, полуустав 2 поч.

Украшения: примитивная концовка пером (изображение чаши) на л. 98.

Записи: на л. 13 об., полууставом 1 поч.: "Цена самому Хр[ис]ту, егда Июда продал Исуca иудеом на распятие за 30 сребреник; каждой сребреник содержит в себе 12 литр, каждая литра 60 рублей, итого за 21 тыщица и 600 рублей. Па[хом] Ви[лохин]"; там же, скорописью 1 поч.: "Ревизия была 1850 во 11 число марта"; л. 48 об., скорописью 1 поч.: "Ревизия была 1850 года марта 11 ч[исла]. Писал Пахом Вилохин Естифея Васил. Вилохина сын. Конец сему вопросу. П[исал] П[ахом] В[илохин]"; л. 56, полууставом 1 поч.: "Сему вопросу конец. П[исал] П[ахом] В[илохин]"; л. 64, полууставом 1 поч.: "Конец сему вопросу. П[исал] П[ахом] В[илохин]".

Состав: л. 1—3, "[С]тих о Соловецких". Нач: "То во славном было царстве, во Московском государстве...";

л. 3 об.—7, "Стих о Асафе царевиче". Нач.: "В пустыню входяща...";

л. 7 об.—11 об., "Стих Бориса и Глеба". Нач.: "Восточная держава...";

л. 12—13, "Стих о Хр[ис]те Исуce". Нач.: "С небес звезда просветила...";

л. 14—25 об., "Беседа 3-х с[вя]т[ите]лей". Нач.: "Вопрос. Что есть у Спасителя нашего Б[о]га на венце...";

л. 26—48 об., "В прибавление к сим, вопросы и ответы, которои выписаны из книги Пчелы". Нач.: "Воп[рос]. В кии д[е]нь сотвори Г[оспо]дь Адама...";

л. 49—56, "Выписано из книги Измарагда с[вя]таго Антиоха и с[вя]таго Епифания вопросы и ответы". Нач.: "Вопрос. Того дея Г[оспо]дь Б[о]г...";

л. 56 об.—60, "Слово о умирающих внезапно и утопающих. Вопросы о различней смерти". Нач.: "Воп[рос]. Что убо хошем гла[гола]ти умераящих внезапно...";

л. 60—64, "Слово святых отец о соблазне бесовstem и о покаянии согрешениих. Вопросы". Нач.: "Возлюбленнии, слышите како бесове возмогают...";

л. 64—67, "Слово с[вя]таго блаженнаго Евсевия архиепископа о различней смерти". Нач.: "Во едином от дни лете...";

л. 67—72, "Слово с[вя]таго Дионисия о жалении". Нач.: "Иногда приидоша мнози...";

л. 72—75, "Слово с[вя]таго о[т]ца нашего Ефрема о покаянии". Нач.: "Братие, слышим во Псалтыри...";

л. 75—77 об., “Слово с[вя]таго Иоанна Златоустаго како подобает в ц[е]рковь приходить с верою”. Нач.: “Ц[е]ркви н[е]бо есть...”;

л. 78—84, “Слово с[вя]таго Иоанна Златоустаго ко вдовицем и вдовицам о втором браце”. Нач.: “Братие, слышите вси заповеди...”;

л. 84—87 об., “Слово с[вя]таго Великаго Василия о том, яко всякому ч[е]л[ове]ку есть хранитель с[вя]тый ангел”. Нач.: “Возлюбленнии братие, иже во вере суть...”;

л. 88—94, “Слово с[вя]тых о[те]ц о муках и о тязиоте (?)”. Нач.: “Братие, послушайте повести страшныя...”;

л. 94—98, “Слово с[вя]таго Иоанна Златоустаго о гордости”. Нач.: “Яко же сад неотреблен...”;

л. 98 об.—102 об., “Слово с[вя]тых о[те]ц о славе мира сего”. Нач.: “Уподобится слава мира сего пламени...”;

л. 103—107, “Слово с[вя]таго Иоанна Златоустаго о казнях Б[о]жиих”. Нач.: “Яко же м[и]л[о]с[е]рдые в речеве не ждут...”;

л. 108 об.—109, “От евангельских бесед”. Нач.: “Пишет аще исо всего мира...”;

л. 109 об.—110, “Книга Одинарза с[вя]таго Иоанна Б[о]гослова. Лист 333”. Нач.: “Вопроси анг[е]ла г[о]с[по]дня...”;

л. 110 об.—111, “Книга Стоглав. Глава 131”. Нач.: “В лето от Р[о]жд[е]ства Х[ри]с[то]ва по плоти 1508 года...”;

л. 111—112 об., “Книги Катихисиса большего. Лист 19”. Нач.: “Вопрос. Истинны ли первыя преч[и]стыя тайны Хр[и]стовы...”;

л. 113—126, “В Библии пророка Даниила. Глав[а] 12”. Нач. “Не знаменуя гл[а]г[о]л реченный...”;

л. 126 об., “Книга Потребник большей. Глав[а] 11”. Нач.: “Иже не крестит двема перстома...”;

л. 126 об.—132 об., “Минея четия м[е]сяца мая в 15 д[е]нь. От жития пр[е]п[од]обнаго о[т]ца нашего Пахомия Великаго”. Нач.: “Единою, стоя на молитве...” (окончание утрачено);

л. 133—147, “Месяца ноября 11 д[е]нь. Страдания с[вя]таго великом[у]ч[е]н[и]ка Мины”. Нач.: “С[вя]тый м[у]ч[е]н[и]к Мина Египтянин...”;

л. 147—175 об., “Сказание Тимофея архиеп[и]ск[о]па Александрийскаго о чудесех с[вя]таго великомученика Мины”. Нач.: “По смерти нечистивых...”;

л. 176, молитва Кресту. Нач.: “Да воскреснет Б[о]г...”.

Поступила из Курганской обл. Реставрирована В. Б. Виницким. Описана 15.11.2001.

ОРК НИ 8.2р. КАНОННИК С ПРИБАВЛЕНИЕМ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СИНОДИКА И СВЯТЦЕВ. Конвolut. Конец XVIII в., первая треть XIX в. VI, 144 л. 8°, 15,5 × 10,0.

Бумага: л. I и VI, плотные, с вержерами и понтюзо — форзацные листы, вставленные при современной реставрации; л. II—IV, 99—102, V, плотные, машинной выработки, без водяных знаков и штемпелей, встав-

ленные при переплете в кон. XIX в.; л. IV об., синяя, начала XIX в., наклеен на оборот предыдущего; л. 1—50, 63—86, 97—98, плотная, желтоватая, с вержерами и понтюзо, конца XVIII в., фрагмент белой даты "...0"; л. 51—62, рыхлая, синяя, фрагмент белой даты "[17]82"; л. 87—96, тонкая, голубая, фрагмент белой даты "[18]25"; л. 103—144, тонкая, голубая, белая дата "1823".

Л. I—IV, 19 об., 50 об., 72 об., 86 об., 99—102 об., 143 об., 144 об., V—VI об., без текста.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением; две металлические застёжки утрачены.

Письмо: л. IV об., 1—86, полуустав 1 поч.; л. 87—96, полуустав 2 поч.; л. 97—98, полуустав 3 поч.; л. 103—144, полуустав 4 поч.

Украшения: на л. 20, 73 многоцветные заставки растительно-геометрического орнамента; примитивная заставка пером на л. 87.

Записи: л. 104—144, многочисленные записи поминального характера, выполненные разными почерками в XIX в. (преимущественно в 1860—1870-е гг.).

Состав: л. IV об., оглавление;

л. 1—9 об., канон Кресту. Нач.: "Сп[а]си, Г[оспо]ди, люди своя...";

л. 10—19, канон Спасу. Нач.: "Свышних презирая, убогия приемля...";

л. 20—33 об., канон Софии Премудрости Божией. Нач.: "Велия неизреченная прем[удрости б[о]жии...";

л. 34—39 об., Иоанн Дамаскин. Канон Рождеству Богородицы. Нач.: "Р[о]ж[де]ство твое, Б[огоро]д[и]це, Д[е]во...";

л. 40—50, канон Покрову Богородицы. Нач.: "Днесь, благовернии люди...";

л. 51—62 об., канон иконе Богородицы Казанской. Нач.: "Заступница усердная...";

л. 63—72, канон иконе Богородицы Одигитрии. Нач.: "К Б[огоро]д[и]це прилежно...";

л. 73—86, канон ангелу-хранителю. Нач.: "Анг[е]льским зраком сияя...";

л. 87—96 об., канон Николаю Чудотворцу. Нач.: "Правило вере и образ кротости...";

л. 97—98 об., старообрядческий синодик. Упомянуты священноиноки: Иов, Иоанн, священноиереи: Иоанн, Филипп, Василий, Ефрем, иноки-схимники: Максим, Герман, Григорий, Феодосий, Сергей, иноки: Стефаний, Илия, Павел убиенный, Афоня, инокини: Макрина, Акинфа и более 60 имен мирян;

л. 103—144, святцы с месяцесловом.

Поступила из Курганской обл. Реставрирована В. Б. Виницким. Описана 16.11.2001.

ОРК НИ 4.3р. СБОРНИК. Конвюлют. Конец XVIII в., первая четверть XIX в. II, 109 л. 4°, 18,9 × 15,5.

Бумага: л. I и II, плотные, с вержерами и понтюзо, вставленные при современной реставрации; л. 1–90, белая дата “1779”; л. 91–94, фрагмент белой даты “[17]80”; л. 95–109, филигрань “герб Ярославской губ.”, белая дата “1817”.

Л. I–I об., II–II об., 41, 43, 45, 50, 52, 79, без текста. На л. 2–79 сохранилась буквенная фолляция: 2–11, 15–16, 12–14, 17–78, 80 (порядок листов перепутан при реставрации); на л. 6–109 буквенная сигнатура (2–15).

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, одна металлическая застежка; на нижней крышке одна металлическая жуковина, обрез окрашен в зеленый цвет.

Письмо: л. 2–78 об., полуустав 1 поч.; л. 81–109 об. полуустав с элементами скорописи 2 поч.

Украшения: 36 многокрасочных миниатюр примитивного характера, иллюстрирующие текст (у “противников” Христа выскоблены лица) на л.: 1 об., 3 об., 5 об., 7, 7 об., 9 об., 13 об., 14 об., 16 об., 19 об., 20 об., 22 об., 24 об., 25 об., 28 об., 31 об., 33 об., 35 об., 38 об., 39 об., 41 об., 43 об., 45 об., 50 об., 52 об., 55 об., 57 об., 60 об., 61 об., 62 об., 65 об., 67 об., 69 об., 76 об., 78, 78 об.; многокрасочная заставка-рамка на л. 2; изображение Богородицы с Младенцем, раскрашенная гравюра на меди на л. 80 об.

Записи: л. 1, карандашом: “Сия книга Аверьяна Аверьяныча господина Пильшикова. 14-го февраля 1859-го года”.

Состав: л. 2–78 об., Иоанн Златоуст. Страсти Христовы. “Во с[вя]тый и великий пяток страстных недели сказание иже во с[вя]тых отца нашего Иоанна архиепископа Константина града Златоустаго о волном страдании Г[оспо]да нашего И[су]са Х[рист]а”. Нач.: “Ныне всех пророк пророчества збыться...”;

л. 81–82 об., “Чудо о некоем мужи Димитрии, его же с[вя]тый Николае избави от потопления”. Нач.: “Добро есть б[о]жественное писание...”;

л. 83–89 об., “Чудо о трех иконах с[вя]таго о[т]ца Николы. Лист 159”. Нач.: “Праведно убо мню...”;

л. 89 об.–90 об., “Тоя ж книги с[вя]таго о[т]ца Николы о гладе, бывшем в стране Ликийстей. Лист 96”. Нач.: “Некогда убо Ликийскую страну...”;

л. 90 об.–93, “Чюдо о Христофоре, како с[вя]тые Николае избавил от посечения меча. Лист 151”. Нач.: “В древних убо временех...”;

л. 93 об.–94 об., “Поучение иже во с[вя]тых о[т]ца нашего Иоанна Златоустаго. От книги Маргарита. Лист 588”. Нач.: “Послушайте, с[вя]ти]телие и князи и вси судии...”;

л. 95–97, “Катихисис. Глава 12. Лист 67”. Нач.: “Вопрос. О всяцем ли усопшем...”;

л. 97–99 об., “Апокалепсис с[вя]таго Иоанна. Глава 21. Лист 535”. Нач.: “И видех н[е]бо новое...”;

л. 99 об. — 100, "О хвалении и призывании с[вя]тых". Нач.: "Глава 39. Вопрос. О прочих же человецех сицево...";

л. 100 об., "Выписано ис Кормчей книги. Лист 3 на обороте, 15 строка". Нач.: "Таже по сих четырех патриархов...";

л. 100 об. — 102, "Тоя же книги. Лист 629 на обороте. Вопросы Анастасия Синайского о знаменях". Нач.: "Коея ради вины...";

л. 102 — 102 об., "Тоя же книги от правил с[вя]тых ап[о]с[то]л Петра и Павла. Глава 3. Лист 89. Правило 16". Нач.: "Гл[аго]лет бо писание...";

л. 103 — 106, "Катихисис. Глава 59". Нач.: "Вопрос. Рождает ли ся д[у]ша в нас...";

л. 106 — 108 об., "Книги Новаго Завета... г[оспо]дина отца Иннокентия Гизиеля... Первое типом издате в лето... 1758 (так !) месяца декабря дня 8". Нач.: "Премова до чителника. Не ооща ч[е]л[ове]к...";

л. 109 — 109 об., "Конец книги" и "Слово ко читателем".

Поступила из Екатеринбурга. Реставрирована В. Б. Виницким. Описана 18.11.2001.

ОРК НИ 8.4р. СБОРНИК. Конец XVIII — начало XIX вв. II, 241 л. 8°, 16,0 × 10,5.

Бумага: л. 1 — 143, белая дата "1785"; л. 144 — 151, голубая, с вержерами и понтюзо; л. 152 — 167, филигрань "Герб города Амстердама" (малый), конец XVIII в.; л. 168 — 189, светло-голубая, с вержерами и понтюзо; л. 190 — 197, филигрань "РФ ИЛ", белая дата "1796", типа Клепиков I, № 496 (1798 — 1799); л. 198 — 229, филигрань "Герб Ярославской губ."; л. 230 — 231, голубая, с вержерами и понтюзо; л. 232 — 233, синяя, филигрань "Герб Ярославской губ.", тип 9 — Клепиков I, (1801 — 1806); л. 234 — 241, синяя, фрагмент белой даты "180".

Л. I — II об., 231, 241 об., без текста. Между л. 5 и 6 утрачено 4 л. Блок разбит, некоторые л. выпадают.

Переплет: доски, обтянутые кожей с примитивным тиснением. Из двух металлических застежек сохранилась одна.

Письмо: л. 1 — 11 об., полуустав 1 поч.; л. 11 об. — 151 об., полуустав 2 поч.; л. 152 — 233 об., полуустав 3 поч.; л. 234 — 241, скоропись.

Состав: л. 1 — 3, "[Марта?] в 17 день. Слово от Старчества". Нач.: "О двою брату, сотвориша обещания...";

л. 3 об. — 4, "Пролог. Марта 23". Нач.: "Аще кто в дому есть...";

л. 4 — 5 об., "Апрель 1 день". Нач.: "Григорий рече, многажды б[л]агочестивии...";

л. 5 об., "[Апреля] 12 день. В той же д[е]нь слово Иоанна Лес[твичника] о терпении Кирила Мниха". Нач.: "Слышите, братие..." (окончание утрачено);

л. 6 — 7, "М[е]с[я]ца апреля в 29 д[е]нь. Слово о мнise, наказаннем от жены". Нач.: "Поведаше некто...";

л. 7 об. — 8 об., "В той же день поучение с[вя]таго Нила". Нач.: "Седя в келии своей...";

л. 8 об.—9, “М[е]с[я]ца того ж слово от Патерика о некоем старце, иже умирая возвести братии, яко в покои грядет”. Нач.: “Гл[агола]ху о едином старце...”;

л. 9—9 об., “М[е]с[я]ц май в 2 день. Слово от Патерика, яко послушание боле есть постнаго жития и пустыннаго”. Нач.: “Два брата присная приидоста жити...”;

л. 9 об.—10 об., “М[е]с[я]ца того ж в 10 день. Слово о черноризце исходящем из монастыря”. Нач.: “В земли Русстеи во граде Киеве...”;

л. 10 об.—11 об., “От Пат[е]ри[ка]. Апреля 25”. Нач.: “Поведаше авва Касиян...”;

л. 11 об., “Пролог. Геваря 23”. Нач.: “Ап[ост]ол Павел бяше вещая...”;

л. 12—18, “В неделю 5-ю поста слово с[вя]таго Иоанна Златоустаго како с разумом искати спасения”. Нач.: “Приимем, братие, от хранительницы сея...”;

л. 18 об.—50 об., “Сказание от божественнаго писания о последнем времени”. Компильтивное сочинение о конце света, Антихристе и т. п. (выписки из Книги о вере, Сивиллина пророчества, Минеи Апокалипсиса, Соборника, Зерцала душезрительного, книги Небеса, Максима Грека, Синоксаря, Кирилловой книги, Катехизиса). Нач.: “Хр[и]стос, Спаситель наш...”;

л. 51—57, “Собрание от с[вя]таго писания о с[вя]тем причащении”. Компильтивное сочинение, с выписками из Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Катехизиса, Бесед евангельских, Цветника духовного и др.;

л. 57 об.—76, [О милости от праведных трудов, а не от лихоимства]. Компильтивное сочинение, с выписками из Зерцала великого, Анастасия Синайского, Григория Нисского, Афанасия Александрийского, книги Старчество и др. Нач.: “Яко от лица змеина...”;

л. 76—107 об., [О лжи, незлобии и беспристрастности, о любви]. Компильтивное сочинение с выписками из Никона Черногорца, св. Варсонофия, мч. Зосимы, аввы Дорофея и др.;

л. 108—151 об., “Показание от с[вя]таго божественнаго писания о связании сатаны на тысящу лет,... и о седмицах, и о пророках Илии и Енохе и Иоанне Богослове, и о прорицании их”. Нач.: “Покажите ми, иже г[ла]голет архипастырь наш Стефан Рязанский...”;

л. 152—167 об., [О страдании]. Компильтивное сочинение с выписками из Риторики, Иосифа Волоцкого, Евангелия, Симеона Солунского и др.;

л. 168—189 об., [О тайнах церковных]. Компильтивное сочинение с выписками из толковой Псалтыри, Соборника, Петра Дамаскина и др.;

л. 190—193, “М[е]с[я]ц август 17 день. Повесть с[в]ятаго Василия Великаго”. Нач.: “Ныне же мнози от человек...”;

л. 193—195, “М[е]с[я]ц апрель 9 день. Слово с[в]ятаго Исаака Сирина о милостыни”. Нач.: “Рече св. Исак Сирин...”;

л. 195 об.—196 об., “Апрель 22 день. Слово от Патерика”. Нач.: “Поведаше авва Касиан...”;

л. 196 об.—197 об., "В 16 день. Притча Варлаама старца о трех друзьях". Нач.: "Подобни суть, рече старец...";

л. 198—217 об., [О ересьях]. Компилятивное сочинение с выписками из Потребника, Евангелия, Василия Великого, Измарагда и др.;

л. 218—220, "Сказание с[вя]щеннопротопопа Аввакума. О просфи[ре]". Нач.: "Грешному мне ч[е]л[ове]к доброй...";

л. 220 об.—229 об., "Послание инок Авраамия ко благочестивой княгине". Нач.: "Инок Авраамий заключенный...";

л. 230—231, "Книга Бароний. Лист 398. Лист 405. Поучение 9". Нач.: "Обрати око, Златоустый, на клир свой...";

л. 232—233 об., "Из книги Матфея Правилника". Нач.: "Аще христианин во время гонений отступит...";

л. 234—241, "Книга Никона Черногорца". Нач.: "...Рече с[вя]тый Исаак, яко отступить от мира...".

Поступила из Екатеринбурга. Описана 18.11.2001.

ОРК НИ 2.5р. СБОРНИК. Конец XIX — начало XX вв. II, 134 л. 2°, 33,0 × 21,0.

Бумага: л. 1—134, плотная, машинной выработки конца XIX — начала XX вв., без штемпелей и водяных знаков.

Л. I, II, 1, без текста. Окончание утрачено. На л. 1—134 сохранилась старая буквенная фолиация (1—125, 127—135).

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, две застёжки утрачены, на нижней крышке сохранилось пять металлических жуковин.

Письмо: л. 1 об.—122, 126—134 об., полуустав 1 поч.; л. 122 об.—125 об., полуустав 2 поч.

Украшения: 53 многокрасочные миниатюры, выполненные на высоком художественном уровне на л.: 6, 7 об., 9, 10, 11, 13, 17, 26 об., 29 об., 31, 31 об., 32, 39 об., 41, 45 об., 48, 50 об., 52, 53, 55 об., 57 об., 59 об., 61 об., 63 об., 65 об., 66 об., 69 об., 71, 74, 76, 77, 78, 81, 82, 84, 86, 87 об., 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 112 об., 114, 118 об.; 28 концовок геометрического ораamenta, выполненные черными чернилами на л.: 37, 46 об., 49, 50, 51 об., 53 об., 56, 60 об., 61 64 об., 67 об., 71 об., 75, 79 об., 82 об., 84 об., 86 об., 88, 88 об., 89 об., 90 об., 91 об., 96 об., 99 об., 103, 113, 114 об., 122; многокрасочная заставка-рамка на л. 1 об., 2 инициала на л. 2, 126.

Состав: л. 1 об.—37, "В н[е]д[е]лю мясопустную слово преподобнаго отца нашего Палладия Мниха о втором пришествии Хр[и]стове, и о страшном суде, и о будущей муце, и о умилении души". Нач.: "Ныне исповеждься д[у]ше...";

л. 37 об.—46 об., "М[еся]ца октября в 5 день. Повесть о видении Козмы игумена". Нач.: "В третье на десять лето царствия Романа греческаго ц[а]ря...";

л. 47—49, "М[е]с[я]ца ноября в 5 день. Притча с[вя]таго Варлаама о

временном сем веце”. Нач.: “Сего света житие ч[е]л[ове]ческое мало-временное...”;

л. 49 об.—50, “М[еся]ца октября в 16 день. Слово о лицемерном чернице”. Нач.: “Поведаше Афанасий...”;

л. 51—51 об., “М[е]с[я]ца декабря в 4 [день]. О нерадивом мнисе”. Нач.: “Игумен некий...”;

л. 52—53 об., “М[е]с[я]ца генваря в 14 день. Слово о погрешающих в церкви грешниках”. Нач.: “Бе некая черноризица...”;

л. 54—56, “Повесть преподобнаго о[т]ца нашего Макария Великаго како виде диавола с различными сосуды ходяща по пустыни”. Нач.: “Ходящу некогда о[т]цу Макарию...”;

л. 56 об.—60 об., “Выписано из книги Великаго Зерцала. Глава 406. О еже, како подобает исповедания творити, а не таити”. Нач.: “Два мниха добродетельна...”;

л. 61—61 об., “Глава 31. О некоей д[е]вице. Первому подобно”. Нач.: “Некая девица таила на исповеди...”;

л. 62—64 об., “Глава 230. О некоем с[вя]щенноиноке, иже о м[а]т[е]ри своей моляся”. Нач.: “Некто с[вя]щенноинок...”;

л. 65—67 об., “Глава 97. Повесть о жене. Некая жена грех утаила”. Нач.: “Парахония с[вя]таго Илария...”;

л. 68—71 об., “Глава 209. Повесть о[т]це с с[ы]ном в муках взаимно себе проклинаят”. Нач.: “Поведаше некий...”;

л. 72—75, “Глава 98. Повесть о жене потаившей грех”. Нач.: “Во плохах бысть некая жена...”;

л. 75 об.—79 об., “Глава 35. О том, как тысяща лет пред Г[о]с[по]дем яко един день”. Нач.: “Некий совершенный...”;

л. 80—82 об., “Глава 33. Повесть како zde лучши скорби и болезни терпети и приимати беды, нежели тамо”. Нач.: “Бе некий ч[е]л[о]век...”;

л. 83—84 об., “Глава 112. Исклонение ко греху”. Нач.: “Во единой от женских монастырей...”;

л. 85—86 об., “Глава 89. Повесть о некоем попе умершем”. Нач.: “В веси некоей поп невоздержаннаго жития...”;

л. 87—89 об., “О блудном демоне”. Нач.: “Видев же праведник...”;

л. 90 об., Евангелие от Матфея. Зачало 20. Нач.: “Что же видеши сущец...”;

л. 91 об., Евангелие от Луки. Зачало 89. Нач.: “Рече Господь...”;

л. 92 об.—96 об., Евангелие от Луки. Зачало 79. Нач.: “Рече Господь...”;

л. 97 об.—98 об., Евангелие от Иоанна. Зачало 36”. Нач.: “Аз есмь пастырь...”;

л. 99 об., Евангелие от Луки. Зачало 78. Нач.: “Рече Господь...”;

л. 100 об.—103, “Сказание истолковано о премудрости б[о]жии соборней и ап[о]с[то]льстей Ц[е]ркви, о д[е]встве и о чистоте”. Нач.: “Первое о сем подобает...”;

л. 103 об.—113, “О девственниках”. Нач.: “Хощете ли слышати...”;

л. 113 об. — 114 об., "Повесть страшного видения". Нач.: "В Царе граде воин...";

л. 115 — 122, [О милостыне]. "Апостол толковой. Зачало 188. Пс. 111". Нач.: "Яко же есть писано...";

л. 122 об. — 125 об., "М[е]с[я]ца октября в 15 д[е]нь слово о с[вя]тем Андрее, како виде богатаго умерша". Нач.: "С[вя]тому Андрею ходящу...";

л. 126 — 134 об., "Выписано из Болшаго Катехиса [!] о аде и о мытарствах". Нач.: "Вопрос. Где н[ы]не пребывают д[у]ша...".

Поступила из Екатеринбурга. Реставрирована В. Б. Виницким. Описана 18.11.2001.

ОРК НИ 4.1п. ПСАЛТЫРЬ. М., "Старообрядческая книгопечатня", 25.11.1912. Перепечатано с изд. М., 20.09.1645. Зерн., 180. 4°, 22,0 × 18,0; $1^8 - 3^8 4^2 1^2 [1]^8 - 1^8 - 14^{8+1} 15^{8+2} 16^{8+1} - 19^{8+1} 20^8 - 39^8 40^2 1^8 - 10^8 =$ л.: 1 — 26, 1 — 7, 1 ил., 8 — 14, 1 ил., 15 — 22, 1 ил., 23 — 30, 1 ил., 31 — 38, 1 ил., 39 — 47, 1 ил., 48 — 56, 1 ил., 57 — 63, 1 ил., 64 — 71, 1 ил., 72 — 79, 1 ил., 80 — 89, 1 ил., 90 — 97, 1 ил., 98 — 105, 1 ил., 106 — 112, 1 ил., 113 — 119, 1 ил., 120 — 125, 1 ил., 126 — 134, 1 ил., 135 — 140, 1 ил., 141 — 149, 1 ил., 150 — 314, 1 — 80 = 440 л.; формат полосы набора 170 × 110, шрифт: высота 10 строк = 90, строк на странице 18; колонтитулы, печать в две краски.

20 цветных иллюстраций на вклейках, расположение их см. в листовой формуле.

49 заставок 19 досок по л.: 2 об. перв. сч., 14 об., 20, 2 втор. сч. цветная, 7 об., 14 об., 23, 31, 38 об., 48, 56 об., 64, 71, 80, 90, 98, 105, 112 об., 120, 126, 135, 141, 149, 156, 170, 173, 227, 254, 260 об., 266, 273, 282, 295 об., 304, 307, 1 трет. сч., 12, 18 об., 24 об., 29 об., 34, 38 об., 42, 47, 51, 56 об., 62 об., 63 об., 80 об.

21 инициал с 13 досок по л.: 2 втор. сч. цветной (Б), 7 об. (И), 14 об. (В), 23 (К), 31 (Р), 38 об. (Г), 48 (В), 56 об. (П), 64 (Т), 71 (Н), 80 (В₂), 90 (П), 98 (Б), 105 (Г), 112 об. (И), 120 (Р), 126 (Б), 135 (К), 141 (Х), 149 (Б), 156 (П).

Киноварные и черные ломбарды, вязь.

1 рамка на полях цветная на л. 2 втор. сч.

Состав: л. 1 — 2, оглавление;

л. 3 — 14, о крестном знамении;

л. 14 об. — 15, о молитве Исусовой;

л. 15 об. — 19, сказание о Псалтыри;

л. 20 — 24 об., устав о Псалтыри;

л. 25 — 26 об., "...како начать иноку особь пети Псалтырь";

л. 2 втор. сч. — 155 об., псалмы;

л. 156 — 172 об., песни пророческие;

л. 173 — 226 об., псалмы избранные;

л. 227 — 253 об., тропари покаянные;

л. 254 — 260, канон Спасу;

л. 260 об.—262, канон Николаю Чудотворцу;
л. 263—272 об., канон-молебен за творящих милостыню;
л. 273—281 об., канон за болящего;
л. 282—295, канон на исход души;
л. 295 об.—303 об., канон за умерших;
л. 304—306 об., предисловие пред каноном за единоумершего;
л. 307—314 об., канон за единоумершего;
л. 1 втор. сч.—63, последование церковного пения;
л. 63 об.—70, пасхалия;
л. 70 об.—77, лунное течение;
л. 78—80, послесловие с выходными данными XVII в.;
л. 80 об., выходные данные XX в.: “Ныне же печатася с оной / древле-печатной Псалтыри с до/полнением семи канонов, / святцев, пасхалий и луннаго/течения, в царствующем граде / Москве, в московской старо-обрядческой книопечатне, в / лето 7421 (1912) месяца / ноября 25 дня”.

Сохранившиеся л.: 1—26, 1—314, 1—80.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, две застежки утрачены.

Поступила из Екатеринбурга. Реставрирована В. Б. Виницким в 2001 г. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 4.2п. Второй экземпляр.

Сохранившиеся л.: 1—26, 1—314, 1—80.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, две застежки утрачены.

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 4.3п. ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ГРИГОРИЕВЫ ВИДЕНИЯ. М., тип. Преображенского кладб., 1912. 4°, 22,7x17,8. 1⁴ 2⁴⁺¹ 3⁴⁺¹ 4⁴⁺² 5⁴⁺² 6⁴⁺¹ 7⁴⁺² 9⁴⁺² 10⁴—12⁴ 13⁴⁺² 14⁴⁺¹ 15⁴⁺³ 16⁴⁺¹ 17⁴⁺¹ 18⁴⁺⁴ 19⁴⁺³ 20⁴⁺³ 21⁴⁺² 22⁴⁺² 23⁴⁺³ 24⁴⁺¹—26⁴⁺¹ 27⁴ 28⁴⁺¹—30⁴⁺¹ 31⁴—35⁴ 36⁴⁺¹ = л.: 1—7, 1 ил., 1—10, 1 ил., 11—15, 1 ил., 16, 1 ил., 17, 18, 1 ил., 19, 1 ил., 20, 21, 1 ил., 24, 25, 1 ил., 26, 27, 1 ил., 28—30, 1 ил., 31, 32, 1 ил., 33, 1 ил., 34, 1 ил., 35—51, 1 ил., 52, 1 ил., 53—55, 1 ил., 56, 57, 1 ил., 58, 1 ил., 59, 1 ил., 60—63, 1 ил., 64—66, 1 ил., 67—69, 1 ил., 70, 1 ил., 71, 1 ил., 72, 1 ил., 73, 1 ил., 74, 75, 1 ил., 76, 1 ил., 77, 78, 1 ил., 79, 1 ил., 80, 1 ил., 81, 1 ил., 82, 83, 1 ил., 84, 85, 1 ил., 86, 87, 1 ил., 88, 89, 1 ил., 90, 91, 1 ил., 92, 1 ил., 93—95, 1 ил., 96—100, 1 ил., 101—104, 1 ил., 105—109, 1 ил., 110—115, 1 ил., 116, 117, 1 ил., 119—145=190 л.; формат полосы набора 166 × 117, шрифт: высота 10 строк=86, строк на странице 18; колонтитулы, печать в две краски.

44 цветных иллюстрации, расположение их см. в листовой формуле.

4 заставки с 3 досок по л.: 1, 8, 52, 145.

Киноварные ломбарды.

Состав: л. 1—51, Житие Василия Нового;

л. 52—144, Григориево видение;

л. 145, выходные данные: "Сия с(вя)тая книга Житие и сказание / от части чудес пре(по)д(о)бного Василия Но/ваго, и видение уч(е)ника его Григория, / напечатана с рукописной Минеи четей / с(вя)тейшаго Макария, митрополита Мо/сковскаго, первым тиснением в хр(и)сти/янской типографии, при Преобра/жеском богадельном до/ме в Москве в / лето 7420 (1911/12)".

Примечание: на л. 137 об.—144 об. в колонтитулах опечатка — вместо "Видение Григория/ученика Василиева" напечатано "Житие пр(е)п(о)-д(о)бнаго/Василия Новаго".

Сохранившиеся л.: 1—145, 44 ил.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, две застежки утрачены.

Записи: л. 145 об. скорописью 1 поч.: "Сия книга принадле... Тобольской губернии Ялutorовскаго уезда Архангельской волости деревни Ивониной Мирону Васи Кот... с 1912 года с марта 25 дня"; л. ф. в конце книги 2 поч.: "Сия богодухновенная книжка принадлежит Мирону Василь. Кот. деревни Ивониной. Сия богодухновенная книга напечатана с рукописна Минеи четей в богадельном доме в Москве в лето 7042".

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 4.4п. УСТАВ ЦЕРКОВНЫЙ. [Саратов, тип. изд-ва "Энергия", издатель П. И. Соколов, 1912]. 4°, 21,0 × 16,6. [1]¹—[3]¹ 1⁸—22⁸ 23^[8] = л.: 1—3 нн., 1—180...=не менее 183 л.; формат полосы набора 161 × 108, шрифт: высота 10 строк=67, строк на странице 24; сигнатура арабскими цифрами в правом нижнем углу, фолиация в центре нижнего поля; печатать в две краски.

3 цветные литогравюры, выполненные в литографии Немирова по л.: 1 нн., 2 нн., 3 нн.

1 заставка на л. 1.

9 концовок с 2 досок по л.: 44, 55, 69, 83 об., 109 об., 119, 138 об., 157 об., 163.

Состав: л. 1 нн.—1 нн. об., титул;

л. 1—4 об., о малой вечерне;

л. 4 об.—6, о павечернице;

л. 6—12, о всенощном бдении;

л. 12 об.—14, о молебне и часах;

л. 14—18 об., о повседневной службе;

л. 18 об.—19 об., о молебнах;

л. 19 об., о панихидах;

л. 19 об.—20, о звоне;

л. 20, о службе всей седмице;

л. 20—22, о звоне;

л. 22 об. — 180, о вселетнем пении.

Сохранившиеся л.: 1—3 нн., 1—180.

Переплет: картон в искусственной коже, изготовлен реставратором В. Б. Винницким в 2001 г.

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 4.5п. СЛУЖБА, ЖИТИЕ И ЧУДЕСА НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. М., Печ. двор, 07.08.1643 (22.03.—07.08.7151). 4°, 18,3 × 14,7. $[1]^{4-1} 1^{8-1} 2^8 - 8^8 [1]^2 9^8 - 30^8 31^4 32^{4-1} =$ л.: 1—3, 1—28, 1 нн., 30—55, 57—66, 64—154, нре, 156—246=252 л.; формат полосы набора: 154 × 98, шрифт: высота 10 строк=91, строк на странице 15; на л. 1 перв. сч. и 65, 66 втор. сч. фолиация в центре нижнего поля; колонтитулы, печать в две краски.

4 заставки с 3 досок по л.: 1 втор. сч. (Зерн. I, 353), 40 (Зерн. I, 352), 64₂ (Зерн. I, 352), 242 (Зерн. I, 355).

Киноварные ломбарды и вязь.

Состав: л. 1—3 перв. сч., оглавление;

л. 1—39 втор. сч., служба Николаю Чудотворцу 6 декабря;

л. 40—64, служба Николаю Чудотворцу 9 мая;

л. 65₁—66₁ об., предисловие о чудесах;

л. 64₂—241 об., житие и чудеса Николая Чудотворца;

л. 242—246 об., послесловие с выходными данными.

Зерн., 166.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, две медные застёжки.

Сохранившиеся л.: 1—3, 1—246; между листами 39 и 40 вставлено 3 рукописных листа, на бумаге XIX в. полууставом переписан текст службы на перенесение мощей Николая Чудотворца 9 мая.

На л. 2 ф. в начале книги наклеена печатная икона Николая Чудотворца.

Записи: л. 1 перв. сч. на верхнем поле: “№ 14”; л. 18—22, по нижнему полю скорописью XVII в.: “Сия книга глаголемая Николино житие”, далее на л. 23—27 поверх записи XVII в. более поздняя, XIX в.: “церкви живоначальная Троицы, что Никитников строения”; л. 246 об., та же запись полностью написанная скорописью XVII в.; там же: типа “проба пера”.

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 8.6п. ЧАСОВНИК. [Почаев, не ранее 1789 (белая дата)]. Перепечатано с изд. М., 1615 (08.10.7124); М., 1651 (24.06—11.07.7159). Зерн., 230; Псалтырь с воследованием, М., 1632 (08.09.7139—11.09.7141). Зерн., 93. Ложный выход “1778” (7286). 8°, 15,4 × 10,0. $A^8 Y^8 Я^{8-2} =$ л. 1 нн., [2 нн.], 1—46, 49, 48, 47, 50—77, 76, 79—140, 41, 142—268, [269]=271 л., А—Ю=33 буквы; формат полосы набора 120, 123, 125 × 67, шрифт: высота 10 строк=50, 61, строк на странице 19, 20 (23 — л. 12 об., 138 об.—139 об.); колонтитулы, печать в две краски.

14 заставок с 4 досок по л.: 1 нн., 1 (Поч. 226), 13, 39 об. (Поч. 226), 61 (Поч. 226), 96 об. (Поч. 226), 112 об. (Поч. 226), 123 (Поч. 226), 132 об. (Поч. 226), 146 (Поч. 227), 154 (Поч. 227), 163 (Поч. 224), 165 (Поч. 227), 175 (Поч. 226), 217 об. (Поч. 227); наборные украшения.

Состав: 1 нн.—2 нн., оглавление;

л. 1—12 об., чин вечерни;

л. 13—39, часы;

л. 39 об.—60, чин утрени;

л. 61—90 об., павечерница великая;

л. 90 об.—96, молитвы спальные;

л. 96 об.—112, полуношница повседневная;

л. 112 об.—122 об., полуношница субботняя;

л. 123—132, тропари воскресные;

л. 132 об.—138, тропари дневные и крестобогородичны;

л. 139—145 об. "от устава";

л. 146—153 об., канон ангелу-хранителю;

л. 154—162 об., канон за умерших;

л. 163—164 об., "предисловие пред каноном за единоумершего";

л. 165—174 об., канон за единоумершего;

л. 175—216 об., служба воскресная;

л. 216 об.—217 об., "блаженна по вся дни";

л. 217 об.—251 об., последование церковного пения;

л. 252, "устав о искушении скитских инок";

л. 252 об.—254, пасхалия зрячая;

л. 255—267, лунное течение;

л. 268—269, послесловие с выходными данными: "Напечатана бысть сия святая и богодухновенная книга, гл(аго)лемая Часовник в богоспасаемом монастыре Почаевском году 7286 с переводу многих книг с Часовников двоих в осьмуху печатанных в Великой России в царствующем богоспасаемом граде Москве в лето 7124 месяца октября в 8 день при ...Михаиле Федоровиче..., да з другаго Часовника печатанного там же ...при царе Алексее Михайловиче, а при патриархе Иосифе... в лето 7159, да со Псалтыри со возследованием, тамо же печатанной при царе Михаиле Федоровиче, а при ...патриархе Филарете Никитиче в лето 7139...".

Вознесенский, 308; Починская, 66.

Переплет: доски, обтянутые кожей с тиснением, одна застежка утрачена.

Сохранившиеся л.: 1 нн., 1—268.

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 12.7п. МОЛИТВОСЛОВ. [Чернигов, тип. Троице-Ильинского мон., 1744]. 12°, 12,8 × 7,6. ... А⁶—Х⁶ [W⁶—V⁶ Аа⁶—Ии⁶] Кк⁶—Мм⁶ [Нн⁶—Фф⁶] Хх⁶—Vv⁶ Ааа⁶—Ммм⁶ = л.: ...[1], [2], 1—36, [37—44], 45—136,

[137–314], 315–328, [329–379], 380–575...=не менее 577 л.; А–V=42 буквы, А–М=20 букв; формат полосы набора 114 × 60; шрифт: высота 10 строк 46, 38, строк на странице 21–24; фолиация в правом верхнем углу; колонтитулы, кустоды, печать в одну краску.

Не менее 3 гравюр с 3 досок по л.: 2 нн. об., 36 об., 38 об.; не менее 1 миниатюры в тексте на л. 391.

Не менее 10 заставок с 4 досок по л.: 1, 18 об., 27 об., 70 об., 79, 84, 89, 121 об., 315, 381.

Не менее 1 концовки на л. 74 об.

Инициалы, наборные украшения.

Состав: л. 1–2 нн., оглавление;

л. 1–149 об., часовник;

[л. 150–160, молитвы на сон грядущий;

л. 161–185 об., акафист Богородице;

л. 186–209, акафист Иисусу;

л. 210–219 об., служба ангелам;

л. 220–226 об., правило Иоанну Предтече;

л. 227–250 об., акафист Успению Богородицы;

л. 251–261 об., служба апостолам;

л. 262–279 об., акафист святителю Николаю;

л. 280–291, правило Кресту;

л. 292–301 об., правило всем святым;

л. 302 об.–314 об., правило преподобным отцам печерским];

л. 315–329 об., служба воскресная;

[л. 330–350 об., последование к святому причатию;

л. 351–353 об., молитвы по святом причащении;

л. 354–359 об., тропари и воскресны;

л. 360, тропари дневные, богородичные, кондаки и икосы по Пятидесятнице;

л. 361–363 об., богородичны и креснобогородичны на 8 гласов;

л. 366–369 об., тропари и кондаки святой Сороковице;

л. 370–374 об., канон Пасхе;

л. 375–376 об., часы в неделю Пасхи;

л. 377–380, тропари и кондаки святой Пятидесятнице];

л. 381–574, месяцеслов;

л. 574 об.–575 об., пасхалия зрячая;

[л. 576–576 об., исповедание грехов повседневно;

л. 577–581 об., правило от искушения во сне;

л. 582–583 об., правило на злые помыслы;

л. 584–584 об., молитва благодарственная;

л. 585–586, вопрос о причащении].

Запаско, Исаевич, 1480.

Переплет: доски, обтянутые кожей, реставрированы В. Б. Венициным в 2001 г.

Сохранившиеся л.: 1 нн., 2 нн., 1–136, 315–328, 380–575; л. 1 нн. и

2 нн. перепутаны при переплете; между л. 1 нн. и 1 — один пустой лист, между листами 136 и 315 два пустых листа XVIII в.

Записи: на л. 1 и 2 пуст. служебного характера полууставом и скорописью XIX в.

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 8.8п. ЧАСОВНИК. [М., Печ. двор, 11.10.1634 (05.09—11.10.7143)]. 8°, 12,2 × 9,1. ...[4⁸—9⁸ 10⁸⁺¹] 11⁸—25⁸ 1⁸ 2⁸ 3² 26⁸—35⁸ 36⁸ [37⁸—40⁸] = [[25]—[81]], [82]—[307], [[308]—[339]] = не менее 339 л.; формат полосы набора 100 × 61, шрифт: высота 10 строк = 90, строк на странице 11; сигнатура в правом нижнем углу, печать в две краски.

Не менее 9 заставок с 5 досок по л.: [86] (Зерн. I, 343), [133] (Зерн. I, 342), [170] (Зерн. I, 332), [202] (Зерн. I, 345), [220] (Зерн. I, 343), [233] (Зерн. I, 344), [247] (Зерн. I, 344), [[309] (Зерн. I, 342), [335] (Зерн. I, 345)].

Состав: л. [25]—[85], часы;

л. [86]—[132], утренняя;

л. [133]—[169] об., павечерница;

л. [170]—[201], канон Богородице;

л. [202]—[219], канон-молебен ангелу-хранителю;

л. [220]—[232], тропари воскресны и богородичны;

л. [232]—[246], тропари богородичны и кондаки дневные;

л. [247]—[308], полунощница;

л. [309]—[334] об., полунощница воскресная;

л. [335]—[339], послесловие с выходными данными.

Зерн., 120. Описание издания проводилось по экземплярам НИ 8.8п и НБ УрГУ XVI.34п/2527, являющимся идентичными. Они сопоставлялись с экземпляром НБ УрГУ IX.222п/3593, соответствующим описанному А. С. Зерновой под номером 120. Вероятно, рассматриваемый здесь экземпляр следует считать вариантом набора издания 1634 г., в части тиража которого между тетрадями 25 и 26 вставлены тетради 1—3.

Переплет: доски, обтянутые кожей, две застежки утрачены; реставрация 2001 г., реставратор В. Б. Веницкий.

Сохранившиеся л.: [82]—[89], [91]—[176], [178]—[217], [219]—[307].

В начале книги 81 и 1 между л. [217] и [219] рукописные листы, на бумаге конца XIX в., полууставом восстановлен текст утраченных печатных листов, между л. [89] и [91], [176] и [178] по 1 рукописному листу втор. пол. XVIII в., полууставом восстановлен текст утраченных печатных листов.

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.

ОРК НИ 4.9п. АНТОНИЙ (ПОРОМОВ), СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ЕПИСКОП ПЕРМСКИЙ И ТОБОЛЬСКИЙ. СВЯТООТЕЧЕСКИЙ СБОРНИК. О ПРОРОКАХ ИЛИИ И ЕНОХЕ И ОБ АНТИХРИСТЕ. О ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ И ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВАХ. О ЕРЕТИКАХ

И О ПРИНЯТИИ ОТ НИХ ХИРОТОНИИ. М., тип. П. П. Рябушинского, 1910. 4°, 21,9x17,0. VII, 543 с. Текст набран тремя шрифтами: цитаты из старопечатных книг — церковнославянским, из “переводной святоотеческой и исторической литературы” — курсивом, авторские пояснения и рассуждения — корпусом.

- Состав:* с. I, титул;
с. III—IV, оглавление;
с. V—VII, предисловие;
с. 1—89, “Беседа о пророках Илии и Енохе”;
с. 90—198, “Об Антихристе”;
с. 199—223, “О вечности Христовой Церкви, священства и таинств”;
с. 224—232, “О существе Церкви, что есть Церковь соборная и какое она имеет значение”;
с. 233—236, “Вне Церкви нет благодати Святого Духа и потому там нельзя получить спасение”;
с. 237—240, “О власти епископской”;
с. 241—245, “Благодать действует и через недостойного священника, священнодействующего по воле епископской”;
с. 246—310, “О таинствах церковных”;
с. 311—316, “Почему познаются еретики”;
с. 317—322, “Об юнитах”;
с. 323—353, “В чем заблуждается господствующая Церковь”;
с. 354—357, “От еретиков должно удаляться”;
с. 358—373, “О падении епископов и о бедстве и страданиях гонимой Христовой Церкви”;
с. 374—381, “О вдовстве святой Христовой Церкви”;
с. 382—389, “О возстании епископов из нечестия в благочестие”;
с. 390—395, “Вопросы недоумительные об епископской власти”;
с. 396—397, “Может ли иерей принять епископа, от ереси приходящего?”;
с. 398—399, “Может ли епископ от митрополита или священник от епископа отступить?”
с. 400—403, “Разделение еретиков на три чина. О еретиках первого чина; их образ принятия”;
с. 404—412, “О еретиках второго и третьего чина; их образ принятия”;
с. 413, “Крещеных во Святую Троицу перекрещивают одни только еретики”;
с. 414—430, “От еретиков второго и третьего чина, хотя бы они были осуждены и извержены, хиротония принимается”;
с. 431—437, “Вдовство святой православной Церкви в Антиохии, продолжавшееся несколько лет, было прекращено обратившимся от арианской ереси епископом Мелетием. Не признавшие его епископства сделались еретиками-люциферианами”;
с. 438—461, “Беседа И. К. Перетрухина с нетовцем А. А. Коноваловым (слепцом) о крещении греческой церкви и митрополита Амвросия”;

с. 461—494, "Беседа старообрядца, приемлющего хриstopреданное священство чрез митрополита Амвросия, с миссионером господствующей церкви (об уклонении епископов в ересь при Никоне и небытии 180 лет православных епископов)";

с. 495—524, "Беседа старообрядца, приемлющего священство, с наставником беспоповцев о том, могут ли епископы, рукоположенные в ереси, при обращении их в истинное православие, оставаться в сущих санах чрез принятие их меньшим по сану лицом, т. е. священником";

с. 525—543, "Виновен ли митрополит Амвросий в грехе симонии?"

Переплет: доски в коже с тиснением, две металлические застёжки.

Записи: л. 1 ф. "Е. Ройзман. г. Екатеринбург, 1992. Куплена у Букиниста (сдал Лившиц, редактор Ур. следопыта получил ее от Рязанова)"; там же, скорописью нач. XX в. "Цена 3 ру 60"; л. 1 ф. об. краткий указатель-оглавление; на с. II штамп НБ УрГУ "С-179", запись "См. письмо УрГУ о возврате книги 30.1.80 г."; на с. III след записи, читается в "зеркальном" виде: "Кашанский (?) Давид Яковлевич".

Поступила из Екатеринбурга. Описана 24.12.2001.



Раздел II

Статьи, публикации, сообщения



В. И. Байдин

**Заметки об иконописцах-старообрядцах
на горных заводах Урала
в первой половине — середине XVIII в.:
новые имена и новое об известных мастерах
(к вопросу об источниках и времени складывания
невьянской иконописной школы)**

Подписные или приписываемые местным старообрядческим мастерам иконы отмеченного в заглавии периода в настоящее время неизвестны. Надписи и подписи на прорисях, трафаретах, сколках с икон, хранящихся в государственных и частных собраниях, содержат, за единичными и недатированными исключениями, имена иконописцев, работавших не ранее конца XVIII в. Г. В. Голынец в обзорной статье к альбому-монографии, подводящей предварительные итоги изучения уральского горнозаводского старообрядческого иконописания, констатирует: “Касаясь первых десятилетий XVIII в., приходится ограничиваться документальными свидетельствами и преданиями”¹. Опираясь на эти отрывочные данные и, главным образом, на анализ стилистических, композиционных, колористических особенностей произведений конца XVIII — XIX вв., используя результаты работ своих коллег и учеников, Г. В. Голынец, отказавшись от ранее высказываемого ею мнения о воздействии традиций “строгановских писем” на формирование местной старообрядческой иконописи², пришла к выводам о том, что “главными для невянской школы оказались... те (традиции — В. Б.), которые были заложены Московской Оружейной палатой уже в середине XVII столетия и развиты в конце XVII — первой половине XVIII вв. в Ярославле, Ростове Великом, Костроме”. Исследовательница указывает также на синтез и переосмысление в невянской иконе различных западных влияний: стилистики барокко и классицизма, веяний романтизма. “Наименее

¹ Голынец Г. В. Невьянская икона: традиции Древней Руси и контекст Нового времени // Невьянская икона. Екатеринбург, 1997. С. 208.

² См., например: Голынец Г. В. Невьянская иконописная школа XVIII—XIX вв. и ее стилистические особенности // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1988. С. 32—33.

изученная сегодня проблема — замечает Г. В. Голынец, — невьянская школа и живопись других старообрядческих центров”. Она называет Выг, Ветку, Гуслицы³.

Решение последней проблемы осложняется слабой изученностью иконописания самих этих центров. Так, из всех областей искусства Выга иконопись к настоящему моменту является наименее исследованной. До сих пор чуть ли не единственной по данному вопросу остается короткая обзорная статья В. Г. Дружинина, изданная в 1926 г. Судя по ней, иконы “поморского письма” за двухвековой период существования заметно эволюционировали в стилистическом отношении⁴. Относительно Ветки ситуация усугубляется тем, что, по результатам последних работ, истоки традиции иконописания также восходят к достижениям мастеров Оружейной палаты и поволжских городов (Романова, Ярославля, Костромы) второй половины XVII—XVIII вв.⁵, сыгравшим столь значительную роль в становлении невьянской иконописной школы. Вопрос же об изучении гуслицкой иконописи только-только поставлен⁶.

Отмеченные обстоятельства делают весьма значимыми любые сведения о первых старообрядческих иконописцах горнозаводского Урала. Основные известные к 1997 г. материалы с уточняющими комментариями мною приведены в специальном разделе указанного выше альбома-монографии⁷. Затем эти данные были включены (не полностью; видимо, из-за отрывочности некоторых) в словарь мастеров и мастерских церковного искусства Урала XVII — начала XX вв. альбома-каталога “Уральская икона”⁸. Сейчас список уральских иконописцев, работавших в период не позднее середины XVIII в., пополнился новыми именами. В отношении уже известных мастеров удалось уточнить некоторые факты биографий и подтвердить или опровергнуть высказанные ранее предположения. Эти сведения и связанные с ними соображения приводятся ниже.

³ Голынец Г. В. Невьянская икона... С. 210—212.

⁴ Иткина Е. И., Юхименко Е. М. Иконописная школа // Неизвестная Россия: к 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. М., 1994. С. 32; Платонов В. Г. Иконопись // Культура староверов Выга: каталог (К 300-летию Выговского старообрядческого общежития). Петрозаводск, 1994. С. 13.

⁵ Гребенюк Т. Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Техничко-технологический аспект // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21—24 ноября 1995 г. М., 1998. С. 387.

⁶ Агеева Е. А. Из истории старообрядческих центров: подмосковные Гуслицы XVII—XX вв. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. С. 15—16 (сн. 35).

⁷ Байдин В. И. Повествовательные и документальные источники по истории старообрядческого иконописания на горных заводах Урала в XVIII — начале XX вв. // Невьянская икона. Екатеринбург, 1997. С. 233—244.

⁸ Гончаров Ю. А., Гончарова Н. А. Мастера и мастерские церковного искусства на Урале XVII — начале XX вв.: материалы к словарю // Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX вв. Екатеринбург, 1998.

* * *

Иконы отмечены среди казенного имущества в описных и отдаточных книгах 1702 г. при передаче Невьянского завода Никите Демидову. “На государеве дворе”, в доменном и молотовом цехах, “и в иных местах” находились 9 образов на досках без окладов. Это были (по порядку перечисления) три Спаса: “Вседержитель”, “На престоле” и “Нерукотворный”; “Воскресение Христово с Дванадесятыми праздниками”, Богородица, Благовещение, Иоанн Предтеча, Никола Чудотворец, Богоматерь “Неопалимая Купина с Дванадесятыми праздниками”. Все они перешли к Демидову вместе с заводом⁹. Эти иконы, скорее всего, были местного происхождения. Из центра на строящийся Невьянский завод присылались только квалифицированные специалисты, оборудование и некоторые материалы. Остальные потребности стройки обеспечивались за счет местных ресурсов. За постройкой завода надзирали верхотурские воеводы. А в Верхотурье в последние годы XVII в. известны, как минимум, два иконника, выполнявших серьезные заказы, один из которых работал с начала 1670-х гг. В приходно-расходных книгах Верхотурского Николаевского монастыря 1701 г. упоминаются еще двое; возможно, это один человек, только тогда он был усольцем по происхождению (то есть из Соли Камской)¹⁰.

В переписной книге Верхотурья и уезда за 1710 г. на Невьянском заводе в своем дворе записан “промышленной человек Григорей Яковлев Иконник”, 50 лет, жены нет, сын Еремей 22 лет, и три дочери: 13, 9 и 6 лет¹¹. Именование “промышленным человеком” и прозвище позволили сделать предположение, что Григорий Яковлев профессионально занимался иконописанием. Предположение подтвердилось данными ландратской переписи Невьянских заводов 1717 г. Это на настоящий момент самое раннее прямое свидетельство о существовании и работе иконописцев не только в Невьянске, но и на уральских заводах вообще. Поэтому приведу его целиком: “Во дворе Григорей Яковлев сын Сахаров восмидесяти лет, вдов; у него дочь Парасковья пятнатцати (в 1710 г. ее возраст указан 6 лет — В. Б.) да невестка — вдова Татьяна Степанова дочь Еремеевская жена Сахарова ж тритцати, сын (Еремей — В. Б.) Василей шести лет. Родом он, Григорей, Аяцкой слободы, которая приписана к Фетковским (Невьянским — В. Б.) заводам, и тому одиннатцать лет съехал он на Фетковские заводы и кормитца от иконного художества”¹².

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 167—167 об., 241 об.

¹⁰ Гончаров Ю. А., Гончарова Н. А. Мастера и мастерские церковного искусства... С. 253 (М. Аврамов), 318 (И. Путимцов), 289 (И. Корот); РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 853. Л. 130. Все эти сведения — информация И. Л. Маньковой.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1539. Л. 447 об. Выражаю глубочайшую благодарность С. В. Трофимову за предоставление материалов переписной книги 1710 г. по Невьянскому заводу.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 316. У Б. Б. Кафенгауза в его фундаментальной монографии — опечатка: “...приписной крестьянин Аятской слободы Г. Сахаров, 80 лет, кормится

По словам С. В. Трофимова, работавшего с переписной книгой Аятской слободы 1703 г., там отмечены беспашенные промышленные люди Григорий и Семен Яковлевы, очевидно, братья. Конкретно о их занятиях ничего не сообщается. Семен, видимо, как и Григорий, являлся иконописцем. Его сыновья в ландратской переписи Невьянского завода названы “дети Иконниковы”. Но им иконописного мастерства отец передать не успел, наверное, потому что рано умер (в 1705 г. вдова с детьми “сехали” на Невьянский завод)¹³. Потомки Семена, за которыми, по данным того же С. В. Трофимова, закрепилась фамилия Просвиряковы, в первой половине — середине XVIII в. были молотовыми подмастерьями и мастерами на Невьянском и Верхне-Тагильском заводах.

В недавно опубликованных переписных и отдаточных книгах 1704 г., приписанных к Невьянскому заводу Аятской, Краснопольской слобод и владений Богоявленского Невьянского монастыря, ни Григорий Яковлев, ни его сын не записаны, как нет там и Семена Яковлева. Однако среди тех жителей Аятской слободы, “которые Никите Демидову в прошлом 1703 году в работы не отданы” (и были приписаны в 1704 г. — В. Б.) зафиксирован промышленный человек Яков Фролов с тремя сыновьями возрастом от 9 лет до 21 года. “Платит... в казну с торгового промыслу оброк: с ыконного промыслу по осми алтын, по две денги на год”. Занятия иконописью он совмещал с земледелием¹⁴. Тут же жил еще один Яков Фролов Арапапов (!), “у него брат Степан женат”. Второй аятский Яков Фролов числился бобылем, но у него имелась довольно значительная запашка (примерно 6 десятин в озимом и яровом полях), покосы на 100 копен сена, охотничье угодье: тетеревиный путик в двадцати верстах от слободы¹⁵. Как показала проверка по переписной книге Верхотурского уезда Л. Поскочина 1680 г., отцом обоих Яковов оказался стрелецкий сын из Уфы Фрол Иванов Арапов, заложивший в 1669 г. Аятскую слободу (ранее, в 1656 г., он выступал одним из основателей Уткинской слободы на Чусовой)¹⁶. Второй Яков, младший, в 1717 г. служил дьячком в мест-

«от конного художества»” (*Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.—Л., 1949. Т. 1. С. 354). Поэтому понять, что Сахаров — иконописец, а не, скажем, коновал, каковой среди промыслового населения Невьянского завода в то время тоже имелся, было невозможно. Данные о возрасте старших членов семей в переписях начала XVIII в. характеризуются значительной вариативностью, как правило, в сторону увеличения. Поэтому для каких-либо расчетов существеннее совокупность указаний на лета всех упомянутых в переписных документах родственников.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 285 об.

¹⁴ *Елькин М. Ю., Трофимов С. В.* Отдаточные книги 1704 года как источник крестьянских родословий // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С. 338.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 820 об. О распространении одноименности в крестьянских, и не только, семьях см.: *Бакланова Е. Н.* Переписные книги 1678 и 1717 гг. по Вологодскому уезду как ономастический источник // Этнография имен. М., 1971. С. 107—108; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти

ной церкви. Старший Яков (60 лет) с женой, дочерью и семьей среднего сына Тараса (30 лет), тоже жил в Аятской слободе¹⁷. Вряд ли он забросил иконописание, но подобные занятия приписных крестьян ландратской и последующими переписями не фиксировались. Оба Якова записаны в Аятской слободе и в подготовительных материалах к первой подушной переписи Невьянских заводов (конец 1721 — начало 1722 гг.). Один, по-прежнему, числился дьячком, другой, тот, что был иконописцем, сообщил о себе стандартно: “по указу отдан... и работает на заводах”. Свои показания он подписал: “сказал Яков Фролов и руку приложил”¹⁸. Григорий Яковлев Сахаров этой переписью на Невьянском заводе не отмечен (умер?).

По расчетам, этот Яков Фролов и Г. Я. Сахаров были почти ровесниками и могли приходиться друг другу двоюродными братьями. Можно так же предполагать, что кузены обучились иконописному ремеслу в Аятской слободе и могли совершенствоваться в нем, участвуя в работах на стороне: тот же Григорий Яковлев ни в 1680 г., ни в 1704 г. в слободе не зафиксирован.

Из-за положения на одной из дорог через Уральский хребет Аятская слобода вскоре после основания приобрела заметное торгово-промышленное значение в масштабах всего Среднего Зауралья. Переписные книги 1680 г., помимо обычных для здешних слобод крестьянских мельниц и кузниц, отметили в ней 4 двора промышленных людей и столько же дворов захребетников, которые “кормятся работою, пашен не пашут”. Один из промышленных людей занимался плавкой железа, другой — мыловарением, а двое — красильным промыслом. Оба они оказались выходцами из Нижнего Прикамья: пришли в Аятскую слободу из окрестностей Сарапула и из Рождественского погоста Осинского острога соответственно в 1670/71 и 1679/80 гг.¹⁹ Отец первого, Ивашки Красильника, Тимошка Иванов сын Красильников, поселившийся тут практически со времени возникновения слободы (1680 г.) служил пищим дьячком местной судной избы и содержал на откупе площадное письмо в слободе²⁰, то

XVIII вв. М., 1998. Т. 1. С. 10—11. О Ф. И. Арапове как слободчике см.: *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972. С. 62, 123, 148, 150—151. Он был грамотным и, к тому же, выступал в роли толмача (переводчика).

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 344, 345 об. Видимо, их сестра Матрена Фролова была замужем за пищим дьячком слободы А. И. Головиных. В 1717 г. у них было два сына (старшему, имевшему жену и детей, было 30 лет) и 15-летняя дочь.

¹⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1394. Л. 395. Внук старшего Я. Ф. Арапова, сын его старшего сына Ивана, Акинфий отмечен переписью 1732 г. на Невьянском заводе без указания профессии с прозванием “Иконниковых”: возраст 21 год, в подушный оклад не писан (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1504. Л. 65).

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 855—857. Этим промысловый потенциал Аяти не исчерпывался. В 1687 г. верхотурский воевода проведал о тайной кузнице в слободе, владелец которой оброка не платил. “Также есть — доносил он, — воровские мыльные вари и рыбные ловли” (*Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 288).

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 821.

есть был грамотным человеком. Функциональную грамотность, умение читать и писать, я вообще полагаю важным профессиональным признаком любого более-менее квалифицированного иконописца. По возрасту, семейной специализации, грамотности Т. И. Красильников вполне подходит на роль учителя, по крайней мере первого, в иконописном ремесле для Я. Ф. Арапова и Г. Я. Сахарова. Но это всего лишь предположение.

Яков Фролов, проживавший в Аятской слободе, в качестве иконописца обслуживал, вероятно, запросы окрестных крестьян и многочисленного прохожего и проезжего люда. Григорий, обосновавшийся в Невьянском заводе, по его собственным словам, с 1706 г., удовлетворял более взыскательные вкусы его обитателей. К 1717 г. Невьянский завод насчитывал свыше 300 дворов и превратился в один из крупнейших населенных пунктов Урала, уступая только Соликамску и Кунгуру, и превосходя все остальные города, включая Верхотурье. Потребности его промышленного населения обеспечивали несколько торговцев “харчевыми” и иными припасами, портной, серебряник, горшечник, пряник и другие ремесленники²¹. Резонно считать, что оба названных иконописца отличались, очевидно, уровнем мастерства, работали в традиционной манере. Вряд ли их творчество было дифференцировано по заказчикам: старообрядцам и приверженцам официального православия.

Вплоть до 1726 г. по всей Сибирской губернии старообрядцы официально вообще не были зарегистрированы. Для востока страны на бытовом уровне традиционно отсутствие четких границ между староверами и “никонианами” (хотя бы из-за широкого распространения двоеперстия)²², да и сама проблема старообрядчества стала актуальной для горнозаводских районов Урала лишь с 1730-х гг.

С 1732 г. и, по крайней мере, по начало 1735 г., скорее всего, именно на Невьянском заводе “питался иконным мастерством” Иван Кузьмин Холуев, по происхождению сын бобыля Верхней слободы с. Городца Балахонского уезда Нижегородской губернии. Иконописи он, по собственным словам, обучился где-то в нижегородских краях, а перед тем, как появиться на Урале, “ходил по разным русским городам”. Весной 1735 г. Холуев по его просьбе записан в подушный оклад при Екатеринбурге²³.

* * *

Сейчас к списку первых старообрядческих иконописцев Урала можно добавить некоторые новые имена. Одно из них — священника Симеона Ключарева (Вятского), имевшего обширный приход на территории За-

²¹ Иоффе Л. Е. Города Урала. М., 1951. Ч. 1: Период феодализма. С. 127; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых... С. 353–354, 357.

²² Покровский Н. Н. Организации учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма). М., 1973. С. 381, 393–396, 405.

²³ Байдин В. И. Повествовательные и документальные источники... С. 234–235, 240–241.

уралья и Яицкого казачьего войска (оппоненты Симеона из числа заводских скитских старцев оценивали численность его паствы в 3000 человек). Биографией Симеона, вслед за академиком РАН Н. Н. Покровским, специально занимался в своей магистерской диссертации мой ученик А. Ю. Бабилов. Он и установил, что Ключарев являлся иконописцем.

Семен Васильев сын Ключарев (1697—1754), младший сын приходского священника с. Верходворского в северозападной части Хлыновского уезда, около 1720 г. был избран местным крестьянским миром на место умершего отца. В 1723 г. Ирюмский собор, по рекомендации керженского священноинока Никифора, перебравшегося с братией на уральские заводы, а впоследствии на Яик, избрал его главой старообрядческого прихода в Зауралье. Однако вплоть до конца 1720-х гг. Симеон продолжал служить в церкви Покрова Богородицы своего родного села; при этом у него в доме по дороге в устюжские леса не раз останавливались старцы с Керженца, в числе которых был будущий руководитель “подзаводского” скитского центра Дионисий. С ними С. В. Ключарев ушел сначала в обвинские леса в Прикамье, затем в начале 1730-х гг. — в висимские леса близ демидовских заводов. Отсюда он время от времени наезжал на Яик и в Зауралье, куда в 1743 г. переехал окончательно. Резиденция его находилась в д. Саламатовой на р. Ирюм недалеко от Исецкого острога. В конце 1749 г. С. В. Ключарев был арестован воинским отрядом и впоследствии замучен в Тобольске²⁴.

При аресте Ключарева в руки властей попал его личный архив. Он до нас не дошел, но в консисторском следственном деле сохранились показания Симеона о примерной датировке и содержании имевшихся в его составе писем и документов. Так, где-то во второй половине 1730-х гг. по дороге из Яицкого городка в Сакмарский С. В. Ключарев составил памятную записку, в которой среди прочего зафиксировал для себя, “чтоб написать святыя образа по приезде своем в демидовские висимские леса” по заказу сакмарского казака-раскольника и кузнеца Иванова. Примерно в конце 30-х гг. XVIII в. Симеон в висимских лесах получил письмо с Яика от инока-схимника Ионы “о написании ему образов, по которому те образа и писал, а по написании те образа уже из Исецка увез”. Весной 1748 г. датировано письмо С. В. Ключареву в д. Саламатову от священноинока Авраамия, незадолго перед этим ушедшего с уральских демидовских заводов на Яик, с просьбой “три богородичных образа писать четвертные”. На Исети же было получено письмо от жителя Шайтанского завода Луки Федорова, приславшего священнику красную краску для посуды²⁵. Симеон, видимо, помимо иконописи, занимался росписью по дереву.

²⁴ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 170—190; Бабилов А. Ю. Новые памятники уральской старообрядческой литературы первой половины XVIII в.: Дисс. магистра. Екатеринбург, 1997. С. 17—35. (Архив кафедры истории России УрГУ).

²⁵ Бабилов А. Ю. Новые памятники уральской старообрядческой литературы... С. 34, 26—27, 31—32.

Таким образом, С. В. Ключарев выступал как иконописец и в период своего более чем десятилетнего проживания в скитах близ демидовских заводов, и позднее. Профессиональную подготовку он, очевидно, получил еще в юности. Места, откуда был родом С. В. Ключарев, располагались на пути от Хлынова (Вятки) к Устюгу Великому. А слава устюжской школы иконописания в XVII—XVIII вв. стояла высоко²⁶. В любом случае Симеон обладал достаточной квалификацией, чтобы удовлетворять художественным запросам известных скитских старцев²⁷. С другой стороны, популярности творчества Ключарева могли существенно препятствовать весьма осложнившиеся со временем его отношения с руководством наиболее влиятельных заводских скитских центров. Одно из писем к нему упомянутого выше Дионисия 1740-х гг. Симеон даже охарактеризовал как написанное “по ненависти”.

В самом конце 1750 г. командой каптенармуса Хлебникова, посланной Сибирской губернской канцелярией на демидовские заводы для борьбы с расколом по требованию митрополита Сибирского и Тобольского Сильвестра (Главацкого), в Нижнем Тагиле был захвачен двадцативосьмилетний игумен одного из беглопоповских (софонтиевских) скитов Паисий Переберин. На допросах он выдал всех, кого только мог, сообщив немало ценных для Сильвестра подробностей²⁸. Занятие староверов иконописанием, с точки зрения консисторских следователей, являлось сугубо отягчавшим вину обстоятельством. Когда это, например, стало известно (не от Переберина) про упоминаемого ниже Тимофея Заверткина, он оказался в списке наиболее важных подследственных вместе с демидовскими приказчиками-старообрядцами, обитателями только что разгромленного выговского представительства в Невьянске и другими лидерами урало-сибирского раскола. Поэтому Паисий Переберин в своих показаниях специально старательно указывал на известных ему иконописцев.

На одном из допросов в Тобольске в 1751 г. он сообщил, что, выйдя три года назад из лесных келий в заводской поселок, “пристал к раскольнику-иконописцу Тихону Козмину, у которого наперво жил на подворье, а потом двор его перевел на себя и тут поднесь жил”²⁹. Тихон Козмин (Кузьмин, Косьмин), “послушник” и “подначальный человек” Паисия, — родом москвич. Он то ли был сослан в Сибирь по огромному розыску

²⁶ *Тельтевский П. А.* Великий Устюг: Архитектура и искусство XVII—XIX вв. М., 1977. С. 140—141; *Брюсова В. Г.* Русская живопись 17 века. М., 1984. С. 143—152.

²⁷ Тот же Иона (по-видимому, Иона Городецкий), пришедший на Урал с Керженца, являлся постриженником самого Софонтия (Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. / *В. И. Байдин, Н. С. Гурьянова, Н. А. Зольникова, А. И. Мальцев* и др. Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1999. С. 31, 36—37, 627—628). В XVIII в. урало-сибирские беглопоповцы назывались софонтиевцами.

²⁸ Авантюрную биографию Переберина, которого постригал и поставил в игумены упомянутый выше священноинок Авраамий, см.: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест... С. 203—204.

²⁹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 406. Л. 308 об.

1745 г. о “квакерской ереси” (“хлыстовщине”, или “христоверни”), то ли бежал туда еще накануне следствия. В Сибири Г. Козмин обратился из хлыстовщины в старообрядчество софонтиевского толка и при поддержке заводских приказчиков скрывался в скитах. С помощью Козмина почти неграмотный Паисий Переберин завоевал огромную популярность далеко за пределами Урала и Сибири. Тихон связал его со старообрядческими центрами в Москве, Владимире, Ржеве, Ярославле, на Керженце, а также с ушедшей в заонежские поморские скиты двоюродной сестрой Акинфия Демидова Анной³⁰. Своей славой Переберин и Козмин ловко пользовались в целях наживы. Когда Паисий собрался уезжать с Урала и в начале 1750 г. послал вперед Т. Козмина “на Русь в керженские леса, а может пробраться, то и в Польшу ехал на Ветку”, тот повез с собой одних денег 800 рублей. “И с ним весь свой багаж, сколько оного не было, [Переберин] отослал”³¹.

На следующем допросе среди отправленных с Козминым икон Переберин упомянул “образа Богородичны штилистовые Успенья и Введения, да Знамения с изображением херувимов, и Николая Чюдотворца на окладах серебряных под золотом, ценою в 30 рублей”. “Успение” и “Введение” достались ему от умерших инока-схимника Иллариона и старицы Евпраксии, а “Знамение” и “Николая Чудотворца” писал Тихон Козмин³². Таким образом, Т. Козмин, несомненно, работал на Урале в качестве иконописца. Но прожил он на заводах недолго, не более 5 лет, и вряд ли успел обзавестись учениками.

Гораздо более интересной в этом плане представляется фигура другого названного П. Переберинным иконописца. Первыми из увезенных Козминым икон Паисия значились “створы большие со изображением двенадцати господских праздников: средняя доска — кипарисная, а побочные — ореховы, оклад около их, также и венцы — серебряные под золотом, в нем три камня цветом вишневые: ...ценою те створы в семьдесят рублей”³³. Их он купил около 5 лет назад “у находящегося в Черноисточинском заводе раскольника-иконописца Ивана Перфирьева.., а ро-

³⁰ В собственноручно написанном письме она приглашала Паисия приехать в Выго-Лексинское общежитие и сообщала, что послала ему “в гостинцы: крест на выи носимой, деревянной, обложен серебром, и два пояса шелковые”. Посылку эту, по словам Переберина, он не получил. — Там же. Л. 314. Если эти пояса, что вероятно, были выговской работы, то перед нами наиболее раннее свидетельство о развитии там художественного шитья. Ср.: Винокурова Э. П. О художественном наследии Выго-Лексинской старообрядческой пустыни (состояние вопроса) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 140–142.

³¹ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 204; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 406. Л. 307–307 об., 308 об.

³² ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 406. Л. 312.

³³ Для сравнения приведу описание и оценку двора, который Переберин “перевел на себя” и где жил: “двор: на том дворе горница с сенми, в сенях чюлан; ценою в дватцать рублей” — РГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 270. Л. 3. Вообще, в подборе икон, книг и другого имущества у Паисия явно проявилась тяга к вещам дорогим и красивым. Помимо упомянутых выше Богородичных образов и иконы Николая Чудотворца, среди отправленного с Козми-

дом-де он из Заонежья и прихаживал к ним в леса по праздничным дням на молитву". Прозванья (фамилии) иконописца, к счастью для него, Переберин не знал³⁴.

На самом деле умерший в 1753 г. Иван Перфильев сын Попов, по сообщению вдовы на следствии о пришедших на Нижне-Тагильских заводах в 1759 г., происходил из г. Галича Архангельской губернии. Отец его был взят в рекруты. После чего, видимо, малолетний Иван и оказался увезен матерью на Выг (который имеется в виду под "Заонежьем" в показаниях Переберина). Там же, судя по всему, Перфильев обучился иконописи. Примерно в 1723 г., двадцатилетним, он с матерью пришел в "новопоселенную" дворцовую Устинскую волость Царевосанчурского уезда Казанской губернии в д. Емельянову с Уреня³⁵. Район Уреня традиционно известен разнообразием старообрядческих согласий. На Керженце до сих пор говорят: "Урень — сорок деревень, что ни двор, то вера"³⁶. Здесь Иван шесть лет спустя женился на местной девушке-сироте Ульяне Никитиной, у них родились сын и дочь, мать Ивана умерла. В 1740 г. Поповы "сошли" на Черноисточинский завод А. Н. Демидова. Это был довольно обычный маршрут³⁷. В том же уезде недалеко от Царевосанчурска находились демидовские вотчины, откуда ежегодно на уральские заводы посылались крестьяне на работы и на сплав караванов. Некоторые переселялись на заводы и на постоянное жительство³⁸.

ным имелись "небольшие складни с изображением на одних Воскресения, а на других — Деисус, на кипарисных досках в оправе медной; ценою оба в семь рублей" и "крест кипарисной, оправлен серебром, с цепочкою серебряною — в четыре рубли" (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 406. Л. 312).

³⁴ Там же. Из слов Паисия неясно, продал ему Перфильев образа своего письма или чужой работы. Судя по описанию (материал и проч.), вернее второе. Возможно, это было произведение (подписное?) его тезки, иконника вотчины Соловецкого монастыря из Сумского острога на побережье Белого моря Ивана Перфильева (Перфильева), который индивидуально и с двумя родными братьями-иконописцами активно работал, в том числе и над аналогичными сюжетами, в середине — второй половине XVII в. (Кольцова Т. М. Северные иконописцы: Опыт библиографического словаря. Архангельск, 1998. С. 60). В других местах своих показаний (Л. 313 об. — 314) Паисий под "Заонежьем" и "Поморьем" явно имеет в виду именно Выго-Лексинское общежительство. Впрочем, у Выга тесные связи с Сумским острогом (посадом) существовали изначально. Выходцы оттуда были среди первых насельников пустыни. Всю первую половину XVIII в. в посаде почти постоянно находилось представительство общежительства "для отпусков на море судов и братии на промыслы", скупки нерпы у мелких промышленников и т. п. (Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 316—318, 319—320).

³⁵ Между Выгом и лесным Заволжьем существовали давние тесные контакты (Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 123, 128—129, 137, 288, 322, 340 и др.).

³⁶ Сироткин С. В. Устный керженский синодик // Старообрядчество в России (XVII—XX века). М., 1999. С. 297.

³⁷ Так, примерно год спустя после ухода Поповых с Уреня, туда в починок Токарев пришел с Керженца родоначальник династии уральских художников Худояровых Андрей Степанов, прожил несколько лет, женился, а затем перебрался на Нижне-Тагильский завод (Байдин В. И. О происхождении художников Худояровых // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ. 1999—2000. (в печати)).

³⁸ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых... С. 224, 340; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1127. С. 640—646, 652—653 (в деле постраничная нумерация).

С началом второй ревизии Иван Перфильевич оказался среди тех пришлых, кого демидовские приказчики написали “подложно к заводским жителям братьями, племянниками, и сыновьями”. По сенатскому указу 14.03.1746 г., изданному в ходе ревизии и призванному урегулировать проблему многочисленных пришлых на уральских заводах, им, “ежели явятца к заводским мастерствам обучившимися”, после освидетельствования екатеринбургскими чиновниками разрешалось оставаться. И. П. Попов был записан на Черноисточинском заводе кучеосыпщиком. Мне уже приходилось писать о том, что подобные малоквалифицированные специальности, исполнение работ по которым носило периодический характер или позволяло нанимать за себя людей, имело большинство заводского торгово-промышленного населения³⁹. В том же 1746 г. И. П. Попов с семьей записался в двойной раскольничий оклад. Его вдова в 1759 г. уточнила: “муж ее в жизнь свою... находился в разных заводских черных работах и никакому ремеслу обучен не был”. Главным его занятием все 13 лет жизни на Урале являлось иконописание. Сын Ивана Перфильевича Сергей в 1759 г. был служителем Черноисточинского завода⁴⁰, что означало не только его грамотность, но и особое положение семьи: приказчи́ко-служительский корпус на уральских демидовских заводах к этому времени фактически превратился в довольно замкнутую корпорацию, во многом саму себя воспроизводящую; посторонние в ее состав попадали редко.

Если И. П. Попов получил подготовку как иконописец в Выго-Лексинском общежительстве, то его можно считать одним из ранних “выпускников” тамошней иконописной школы. Впрочем, в последующих своих многолетних скитаниях он, несомненно, пополнил профессиональные навыки. Следует при этом учитывать, что первые выговские иконописцы были выходцами из разных мест: Каргополя, Вязников, Архангельска, Новгорода и др. — и представляли различные иконописные традиции⁴¹.

С 1720-х гг. Невьянск стал резиденцией главного выговского эмиссара на востоке страны Гавриила Семенова (Митрофановых) Украинцева⁴². Переписью, проведенной в конце 1735 г. по инициативе В. Н. Татищева — нового начальника Сибирского обербергамта, пере-

³⁹ Байдин В. И. Повествовательные и документальные источники... С. 241–242. Кучеосыпщиками или кучеломами Нижне-Тагильского завода значились иконописцы Василий Григорьев Седышев (Перетрутов), Петр (в иночестве Паисий) Заверткин и мастер художественной росписи Андрей Степанов (Худояров). На Невьянском заводе кучеосыпщиком был записан отец иконописца Гавриила (впоследствии, в иночестве Григория) Коскина (ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 240. Л. 126, 174 об.; Д. 102. Л. 268; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1172. Л. 137).

⁴⁰ При реконструкции биографии И. П. Попова использованы следующие материалы: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1172. Л. 263, 264; Д. 1618. Л. 402 об., 431–432.

⁴¹ Иткина Е. И., Юхименко Е. М. Иконописная школа. С. 31–32.

⁴² Мангилев П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 8.



Ил. 1. Вид Невьянского завода. Гравюра XVIII в.

именованного в Канцелярию главного заводов правления, только “живущих при Таватуге озере близ Шайтанского цегеннтнера Никиты Демидова (брата А. Н. Демидова — В. Б.) завода” было выявлено 86 мужчин и 48 женщин, принадлежащих к поморскому согласию⁴³. Хорошо известно, что в значительном количестве производимые на Выгу культовые предметы: иконы, медные образа, рукописные книги и т. п. — рассылались в поморские общины по всей России. При характерном для Урала первой половины XVIII в. своеобразном переплетении поповщины и беглопоповщины⁴⁴ (их отношения заметно обострились лишь во второй половине столетия) вполне вероятно воздействие выговских произведений на становление местной старообрядческой иконописной школы.

В феврале 1739 г. Г. Семенов вернулся на Невьянский завод из поездки на Выг, куда он отвозил, уже во второй раз (первый имел место в 1733 г.), подаренные Акинфием Демидовым колокола, “с великославным и пречюдным даром — Пречестыя Богородицы образом «Всем скорбящим радость»”. С влиятельной на Выгу, и не только там, семьей Семеновых тесно связан иконописец Поликарп Яковлев (1712—1772). Он хорошо знал и почитал Гавриила, его сестру Февронию, однажды гостившую у брата в Невьянске. Особенно близок был П. Яковлев к младшему брату Никифору Семенову. Поликарп жил в скиту на Чаженге, где тот настоятельствовал; после того, как в 1759 г. Никифор стал киновиярхом Выговского общежительства, П. Яковлев ему наследовал. Сам Никифор неоднократно бывал на Урале, последний раз — 6 марта 1750 г., после смерти Гавриила — забирал “братния пожитки”⁴⁵.

Несколько месяцев спустя, при разгроме на Невьянском заводе уральской резиденции Выговской пустыни, размещавшейся в большом доме,

⁴³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 560. Л. 636 об.

⁴⁴ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 80—81 и др.

⁴⁵ Юхименко Е. М. “Таковых братьев сестра единокровная...” (новые сведения о семье Семеновых) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 494—499; Она же. Акинфий Демидов и выговские старообрядцы // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посв. 2000-летию христианства 22—25 ноября 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 230—231.

построенном “господским коштом” (то есть за счет заводовладельца, покойного А. Н. Демидова), были обнаружены “целые деисусы икон, из которых несколько явилось местных, наподобие того, как в церквах или монастырях бывает”. Хотя все помещения усадьбы были опечатаны, часть икон и книг Невьянская заводская контора сумела спасти⁴⁶. Выше упоминалась двоюродная сестра Акинфия Демидова Анна Дмитриевна, примерно с 1740 г. жившая в заонежских скитах. В 1760-е гг. она была с Выга выдворена и отдана властями на поруки П. А. Демидову, владевшему в то время Невьянским заводом, где и содержалась под своеобразным домашним арестом. Ночью 12 января 1766 г. Анна из завода скрылась. Находящийся там сын Прокофия Демидова Лев, раздосадованный этим, распорядился о продаже оставшегося после нее “шкарбу” в заводской лавке. Позднее в доме невянца Осипа Перфильева были найдены принадлежащие Анне “в четырех сундуках деньги, святыя образа, книги и прочее”⁴⁷. Таким образом, даже немногие имеющиеся факты позволяют считать, что иконы поморского письма могли быть представлены в XVIII в. на Урале в заметном количестве.

* * *

Фрагментарность сведений о первых иконописцах-старообрядцах на горнозаводском Урале заставляет обратить внимание на тех, кого в местной старообрядческой традиции рассматривали в качестве основоположников иконописания на заводах. Изучением этого вопроса в начале 1920-х гг. занимался Сюшель Дюлонг. Результаты он в январе 1923 г. представил в докладе на заседании УОЛЕ. С. Дюлонг побывал в часовнях и частных домах староверов-часовенных (ранее беглопоповцев софонтиевского толка) г. Екатеринбурга и соседнего с. Шарташ, на Нижне-Тагильском и Невьянском заводах. Особую ценность данным С. Дюлонга придает то обстоятельство, что в розысканиях ему помогали Г. С. Романов, сам иконописец в третьем поколении (С. Дюлонг даже назвал Романова “последним уральским иконописцем”) и известный екатеринбургский антиквар Д. Н. Плешков, знакомый с большинством работавших на Урале в начале XX в. иконописцев и связанный родством с Романовыми⁴⁸. Доклад С. Дюлонга почти целиком опубликован мною в альбоме-монографии “Невьянская икона”. При этом отрывочные и не всегда точные сведения С. Дюлонга о старообрядческих иконописцах, работавших в первой половине — середине XVIII в., были откор-

⁴⁶ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 192—193. Интересно отметить, что в 1753 г. Поликарп Яковлев выполнил образ Александра Свирского для местного ряда Бого-явленской часовни Выговского (мужского) общежительства (Иткина Е. И., Юхименко Е. М. Иконописная школа. С. 32).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 704. Л. 9 об., 12; Д. 707. Л. 9—9 об.

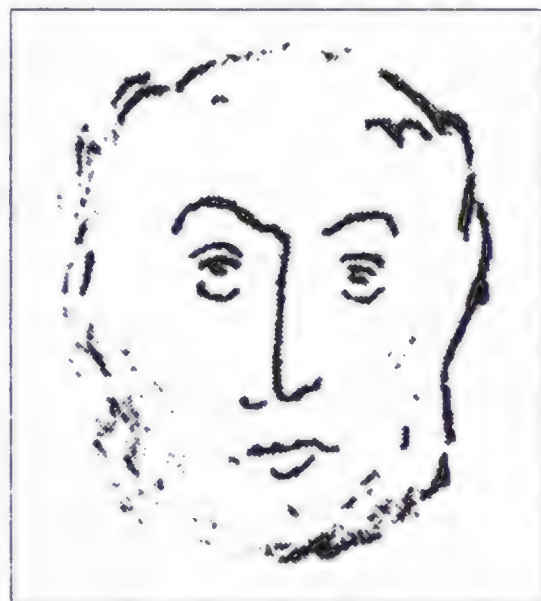
⁴⁸ Гончаров Ю. А., Гончарова Н. А. Мастера и мастерские церковного искусства... С. 319—320.

ректированы и дополнены по другим документальным и повествовательным источникам⁴⁹.

С. Дюлонгу назвали четырех мастеров указанного периода. Это отец Григорий (в миру Гавриил Сергеев) Коскин, из Невьянского завода, Григорий Андреевич Перетрутов, поселившийся на Нижне-Тагильском заводе, отец Паисий (Петр Федоров Заверткин) и некто Заверткин, племянник Паисия, второй сын его младшего брата-торговца Тимофей Борисов Заверткин. Но дело в том, что первое и последнее имена из данного списка принадлежат представителям уже второго поколения местных иконописцев-старообрядцев. “Инок-схимник Паисей Заверткин — ...изуграф искусный, который довольно оставил по себе учеников; первый (здесь, очевидно, в смысле “лучший” — В. Б.)⁵⁰ из них — инок-схимник Григорий Коскин”. Учеником Паисия был, видимо, и Тимофей Заверткин.

Произведений Паисия Заверткина Дюлонг не видел, но его информатор, екатеринбургский иконописец Г. С. Романов отзывался о них комплиментарно: “работа отца Паисия гораздо мягче, чем работа отца Григория”. При всей расплывчатости определения “мягче”, оно в данном контексте в устах профессионала имело смысл, близкий к значению “более свободная манера письма” или “более искусная работа”.

В настоящее время как принадлежащие Паисию Заверткину более-менее определенно можно атрибутировать лишь 43 миниатюры (некоторые, очевидно, создавались с участием учеников) лицевого Апокалипсиса Толкового 1730—1740-х гг. из собрания Древлехранилища УрГУ⁵¹, действительно в большинстве неординарных по художественным достоинствам. Первая из них, вставная и, видимо, самая поздняя — поясное изображение Иоанна Богослова — выполнена на пролевкашенном листе бумаги с использованием типично иконописной техники прориси (см. цв. вкладку, ил. 7).



Ил. 2. Портрет
П. Ф. Заверткина. 1740-е гг.

⁴⁹ В дальнейшем ссылка на этот раздел альбома-монографии даются в тексте статьи в квадратных скобках: первая цифра, курсивом, означает порядковый номер источника в публикации; вторая, курсивом, через запятую, — лист или страницу источника; после точки с запятой указаны страницы, на которых находится комментарий к опубликованным материалам.

⁵⁰ Г. С. Коскина С. Дюлонг называл “самым великим, самым крупным уральским иконописцем”. Икону Богородицы работы Коскина, виденную им в частном доме в Екатеринбурге, С. Дюлонг охарактеризовал даже как “гениальную”. По уточненным данным, Гавриил (Григорий) Коскин, умерший где-то в конце XVIII в., родился в 1728 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 819. Л. 135 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 587. Л. 83 об.—84; ГАПО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2962. Л. 236).

⁵¹ НБ УрГУ. XIV (Шалинское) собр. 42р/421.

Петр (в иночестве Паисий) Федорович Заверткин (ок. 1689—01.05.1768) — родом из-под Ярославля, из семьи крепостных крестьян-предпринимателей помещиков Хомутовых, в молодости, вероятно, работал при Оружейной палате в Москве и Оружейной канцелярии в Санкт-Петербурге, скорее всего, в качестве одного из “мастеровых разных художеств”. Бежал на Керженец, откуда вместе с тамошними скитскими старцами около середины 1720-х гг. перебрался на уральские демидовские заводы. Отсюда несколько лет спустя через Москву ушел в ветковские старообрядческие слободы на территории Польши. Здесь Заверткин стал одним из лидеров оппозиции старообрядческому епископу Епифанию [№ 1, Л. 96—99; 239—240; № 3, Л. 1, 11; № 4, Л. 28; № 5, С. 70; 241]. Вновь выявленные источники позволяют считать, что именно с целью пропаганды против Епифания и рукоположенных им священников в начале 1735 г., незадолго до первой “выгонки” Ветки, Петр Федорович возвращается в Россию. В марте 1735 г. он с женой и семьей младшего брата, с полученными от помещика паспортами, появляется на Нижне-Тагильском заводе и остается там жить. С 1741 г. Заверткины значатся крепостными князя А. М. Черкасского, приписанными к знаменитому промыслово-торговому с. Иваново, которое два года спустя переходит к графу П. Б. Шереметеву в приданное за дочерью князя. Но в это время П. Ф. Заверткин под именем Паисия уже находился в лесных “подзаводских” скитах. Там Паисия около 1742 г. встречал очевидец, кстати, вместе с его учеником С. Г. Коскиным. После окончания второй ревизии демидовские приказчики дополнительно включают Заверткина в ревизские сказки по Нижне-Тагильскому заводу (принадлежащий ему двор зафиксирован там подворной переписью начала 1747 г.) в качестве одного из “пришлых”, не упоминая о том, что он шереметевский крестьянин. В 1749 г. его, тоже дополнительно, записывают в двойной раскольничий оклад. По данным третьей ревизии (1763 г.) Петр Федорович с 1750 г. официально числился беглым. Однако по документам внутреннего финансового учета заводской конторы он продолжал аккуратно вносить приходящиеся на него платежи, по крайней мере, по начало 1753 г. в известных мне уральских материалах за последующие 11 лет имя Заверткина не встречается. Учитывая дату его возвращения из бегов в Нижний Тагил (1764 г.)⁵², совпадающую со второй, екатерининской “выгонкой” возродившейся Ветки, велик соблазн предположить, что в начале 1750-х гг. инок Паисий вновь ушел за “польский рубеж”.

Шаг, как мы видели в намерении Паисия Переберина и Т. Козмина “пробраться” на Ветку, довольно обычный в эти годы. Другой пример: в 1751 г. близ границы в г. Почепе при попытке уйти в ветковские слободы с лошадью и телегой был задержан, судя по всему, хороший знако-

⁵² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3 об., 87—87 об.; Д. 15. Л. 26 об.; Д. 33. Л. 12 об.; Д. 38. Л. 151 об.; Д. 43. Л. 134; Д. 102. Л. 281 об.; Д. 117. Л. 230; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 451. Л. 144, 145 об.



Ил. 2. Николай Можайский со сценами жития и чудес. 1762 г.
 Дерево, бронзовые орнаментированные по углам рамки
 Паволока, левкас, темпера, золочение
 34,0 × 31,0 см НИ—18/53

Кстатъям М. П. Боровика, Е. В. Ройзмана и В. И. Байдина



Ил. 3. Голгофа. 1799 г.
 Дерево, ковчег, шпонки торцевые.
 Паволока, левкас, темпера, золочение
 37,5 × 32,4 × 2,3 см НИ—18/65
 Кстатье М. П. Боровика, Е. В. Ройзмана



Ил. 4а. Михаил Архангел Архистратиг. Левая створка двухстворчатого складня. 1785 г. Дерево. Медные уголки. Паволока, левкас, темпера, золочение
33,3 × 28,8 × 1,2 см НИ–18/56

К статье М. П. Боровика, Е. В. Ройзмана



Ил. 46. Георгий Победоносец. Правая створка двухстворчатого складня. 1785 г.
Дерево. Медные уголки. Паволока, левкас, темпера, золочение
33,3 × 28,8 × 1,2 см НИ-18/56

К статье М. П. Боровика, Е. В. Ройзмана



Ил. 5. Змей и лицемерный чернец
Миниатюра из лицевого Сборника. Конец XIX — начало XX вв.
Цв. карандаш, чернила, темпера. 28 × 16,2 см
ОРК НИ. 2.5р. Л. 50 об.

К статье С. А. Белобородова, И. В. Починской

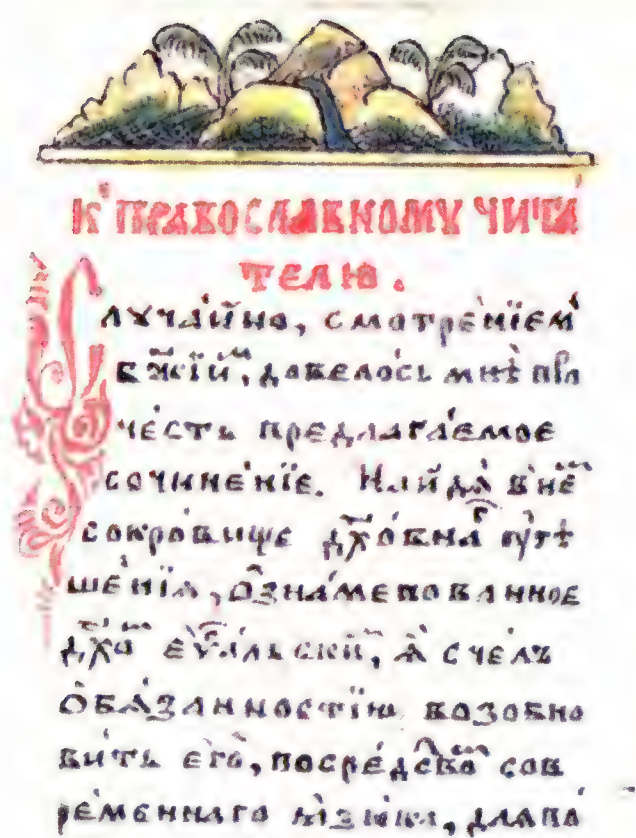


Ил. 6. Жена, утаившая грех на исповеди
Миниатюра из лицевого Сборника. Конец XIX — начало XX вв.
Цв. карандаш, чернила, темпера. 26,4 × 17,1 см
ОРК НИ. 2.5р. Л. 59 об.

К статье С. А. Белобородова, И. В. Починской



Ил. 7. Иоанн Богослов. 1730–1740-е гг.
Левкас, прорись, перо, чернила, темпера. 20 × 17 см
НБ УрГУ. XIV (Шалинское) собр. 42р/421. Л. 20
К статье В. И. Байдина



Ил. 8. Первый лист и миниатюра из рукописи
 “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. 1937 г.

Цв. чернила, карандаш. 7,8 × 10,5 см

УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № I. Л. 1 об., 42 об.

К статье Ю. В. Клюкиной



Ил. 9. “Василий и Григорий” и “Преставление Феодоры”
 Вторая четверть XVIII в., 1930-е гг. Чернила, темпера, цв. карандаш. 14,0 × 18,7 см
 УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № II/4. Л. 1 об., 2 об.

К статье Ю. В. Клюкиной

всѣ сїѣ скирающе стїи а́н҃гли, и мѣрис-
та на мѣрилѣхъ сѣ мойми грѣхѣи еди́но
по еди́ному, и испуоваѣта сїѣ. И́ сїмъ
тако вика́ющимъ, е́фѣопи же о́ни скреже
та́ху зу́бы на́ма, хотя́ще ма́ исхѣтити
ѿ нею́, и свести́ ма́ въ бѣдѣхъ. И́
сїмъ тако вика́ющимъ.



Ил. 10. “Испытание души”. 1930-е гг. Чернила, цв. карандаш. 14,0 × 18,7 см
УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/4. Л. 2 об.

Кстатье Ю. В. Клюкиной



Ил. 11. Обложка рукописи “Сказание о том, как дьявол изобрел карты”. 1923 г.
Цв. чернила, карандаш. 10,6 × 17 см
УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № VI. Л. 1

Кстатье Ю. В. Клюкиной



*Ил. 12. Верхнетагильская чудотворная икона Божией Матери "Знамение".
Фото 2000 г.*

К статье прот. Петра Мангилева



*Ил. 13. Чтимый Быньговский список
с Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери "Знамение". Фото 2000 г.*

К статье прот. Петра Мангилева



Ил. 14а. Миниатюра из Поморских ответов.
М., тип. Преображенского кладбища. Начало XX в. 2°.
НБ УрГУ. V (Курганское) собр. 72п/3483. Л. [11] об.

К статье И. В. Починской



Ил. 146. Заставка из Поморских ответов.
 М., тип. Преображенского кладбища. Начало XX в. 2°.

НБ УрГУ. V (Курганское) собр. 72п/3483. Л. 12

К статье И. В. Починской



Ил. 15. Титульный лист (вверху) и фронтиспис (внизу)
Устава монастырского. Саратов, тип. В. Яксанова, 1912 г. 4°.
НБ УрГУ. XVIII (Челябинское) собр. 66п/3585. Л. 1 нн., 2 нн.

Кстатье И. В. Починской

мый Паисия, инок из уральских скитов Дионисий — в миру беглый крепостной из костромской вотчины княгини М. Д. Куракиной Д. К. Белый. Среди его скарба, помимо старопечатных и рукописных книг, богослужебной утвари и прочего, были образа, правда, только медные (уральского производства?). Первый раз на Ветку он бежал еще в 1731 г., послушничал там в Покровском монастыре, после “выгонки” 1735 г. оказался в скитах при демидовских заводах, где три года спустя был пострижен известным священноиноком Иовом. Вообще, после 1735 г. во многих уральских горнозаводских поселках возникли небольшие колонии выходцев с Ветки, “раскольников польской нации”⁵³, что стимулировало развитие контактов между этими центрами староверия, в том числе, очевидно, культурных. К тому же беглопоповцы Ветки и горнозаводского Урала были весьма близки догматически. Старообрядческий автор рукописной “Летописи Ветковской старообрядческой церкви” Я. С. Беляев, постоянно общавшийся с невянскими и тагильскими торговцами-старообрядцами на Ирбитской ярмарке 1782 г., а затем проживший несколько недель в г. Екатеринбурге и с. Шарташе, всячески подчеркивал данное обстоятельство. Иконостасы шарташских часовен ему, кстати, очень понравились⁵⁴.

Григорий Андреевич Перетрутов, по преданию, сообщенному С. Дюлонгу, а ранее нашедшему отражение на страницах местной старообрядческой периодики начала XX в.⁵⁵, “был царский иконописец при Петре Первом и бежал на Урал”, поселился в Нижнем Тагиле, потом принял иноческое имя Гурий. Постригал его все тот же священноинок Иов. По приказанию Петра I, Гурия, якобы, несколько раз приезжали искать специальные посланные, но безуспешно. На Урале выходцы из Нижнего Новгорода Перетрутовы (нижегородские иконописцы действительно нередко привлекались Оружейной палатой для работ в Москве), как оказалось, значились под фамилией Седышевы [№ 1, Л. 98; 239].

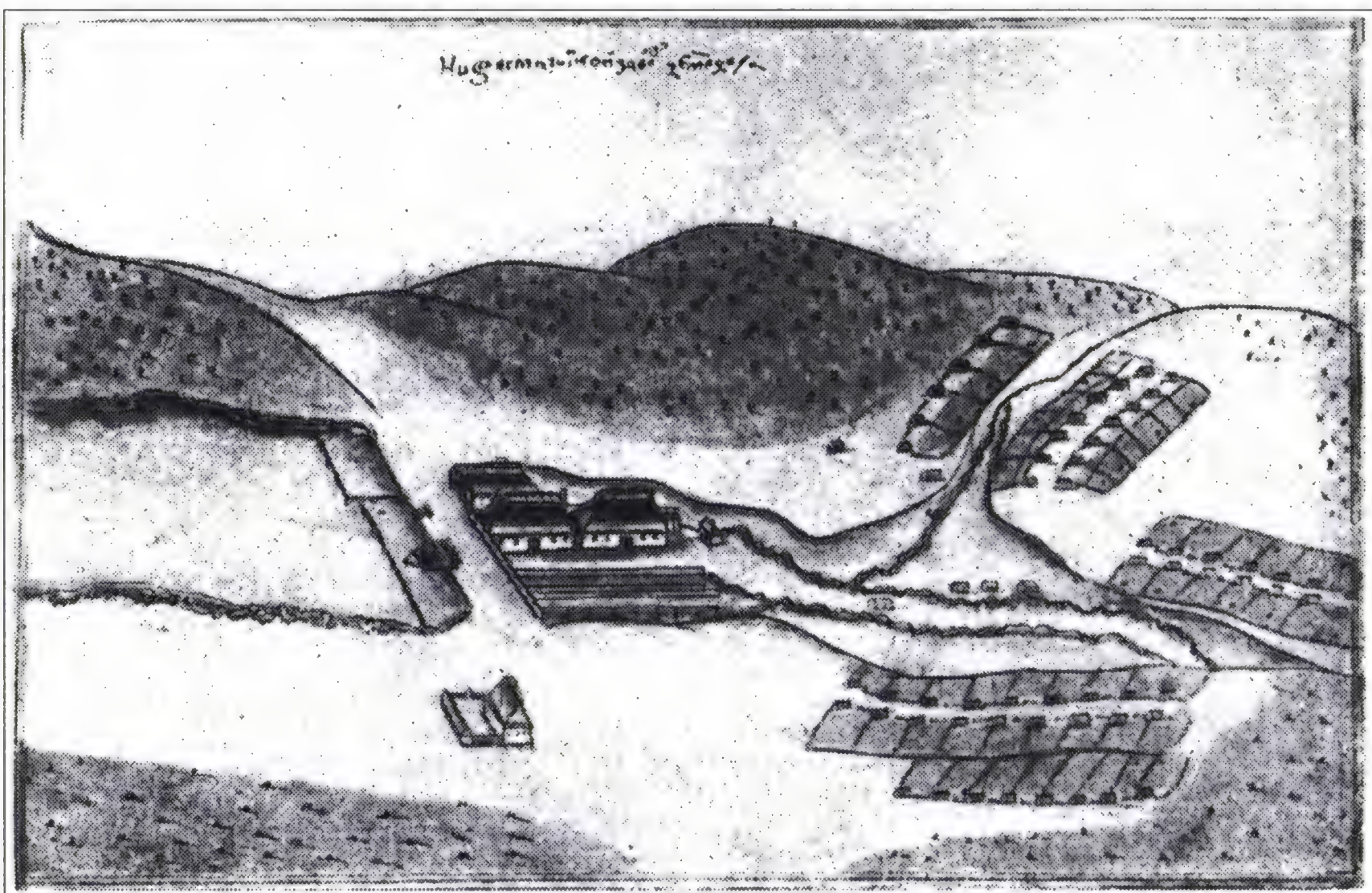
По дополнительным источникам подтвердилось предположение о родстве Г. А. Перетрутова (Седышева) с иконописцем из патриаршей Благовещенской слободы Нижнего Новгорода Иваном Андреевым, оказавшимся в 1712 г. под следствием в Преображенском приказе в Москве и находившемся к этому времени в бегах уже более 20 лет, в том числе жившем в старообрядческих пустынях на Керженце⁵⁶. Правда Иван оказался старшим, а Григорий младшим сыном (ранее я предполагал обратное) бобыля Благовещенского монастыря Андрюшки Юрьева Пе-

⁵³ Байдин В. И. Кто ты, Иона Курносый? // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 38–39; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1421. Л. 26–27.

⁵⁴ Древлехранилище ИРЛИ. Собр. Перетца. № 387. Л. 182–183 об.

⁵⁵ Кузнецов А. Т. Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 11. С. 25.

⁵⁶ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайных розыскных дел канцелярии. Т. 2: Материалы и приложения. СПб., 1863. С. 61.



Ил. 3. Вид Нижне-Тагильского завода. 1734 г.

ретрутова⁵⁷. Вероятно, он тоже был иконописцем. Показания Ивана Перетрутова в Преображенском приказе, хотя и не однозначно, позволяют так считать: “живучи с отцом своим, изучился иконному письму”. То есть в этом случае Г. А. Перетрутов оказывается иконописцем, как минимум, во втором поколении, а сын Григория Василий, с которым они, очевидно, вместе работали (см. ниже) — уже в третьем.

Заявления, сделанные Г. А. Седышевым при переписи раскольников на Нижне-Тагильском заводе в 1739 г., что он “в переписных и подушных книгах нигде за старостию не писан, и подушных денег не плачивал”, и что он якобы сошел из Нижнего в 1720 г. [№ 6, Л. 223], — истине не соответствовали. В сводных ведомостях первой ревизии по Нижнему Новгороду, датируемых временем не ранее 1722 г., среди крестьян Благовещенской слободы отмечен Григорий Перетрутов с тремя душами мужского пола в семье⁵⁸: помимо его самого, сын Василий и старший сын последнего от первого брака, но явно не Тихон, упоминаемый ниже. Потом Григорий Андреевич, видимо, бежал и “жил по разным местам”. Бытование на Урале версии о том, что Г. А. Перетрутов “был царский иконописец при Петре Первом”, и его настойчиво разыскивали власти, как

⁵⁷ “Андрюшка Юрьев Перетрутов, у него детей: Ивашко — двенатцати лет, Гришка — девяти лет; у него племянник Ивашко Гаврилов”. (Переписная книга 1678 г. по Нижнему Новгороду // РИБ. СПб., 1896. Т. 17. Стлб. 453). Тут же, в Благовещенской слободе, в другом дворе, — тоже монастырский бобыль Стенька Юрьев Перетрутов с сыном Сенькой. (Там же. Стлб. 464). В переписной книге на посаде Нижнего отмечено не менее пяти иконописцев, в том числе один — Оружейной палаты (Там же. Стлб. 372, 374, 375, 380, 430), но занятия монастырских крестьян и бобылей переписью, к сожалению, не фиксировались.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 2019. Л. 87 об.

и несомненная взаимосвязь старообрядческой иконописи и росписи по дереву, а затем и по металлу на бытовых предметах, делает интересным следующее керженское предание о зарождении “золотой” хохломской росписи (первоначально тамошние расписные деревянные изделия были “киноварные” и “под суриком”). “Среди прибывших в Заволжье иконописцев — рассказывали старые мастера, — был один особенно знаменитый. Прячась от царских солдат, он ушел в дремучие леса, где основал мастерскую, в которой изготавливал деревянные чаши, похожие на золотые, а верные ему люди их продавали. Разведали о том царские слуги и послали за ним солдат, но солдаты не успели его изловить. Собрал мастер мужиков из соседних деревень, показал им свое умение, отдал кисти и краски, да исчез неизвестно куда”⁵⁹.

Момент укрывательства от властей в биографии Перетрутовых, несомненно, присутствовал. Не случайно на Урале они официально значились как Седышевы. По словам Г. А. Перетрутова в Нижний Тагил он пришел в 1733 г. Кстати, самая ранняя из известных в данный момент уральских датированных икон, “Богоматерь Египетская”, подписана декабрем 1734 г. Она характеризуется достаточно высоким уровнем исполнения и по стилистике вполне соответствует нижегородским письмам начала XVIII в. (см. цв. вкладку, ил. 1). В. Г. Седышев, который, в отличие от отца, факта своей записи в нижегородский посад по первой ревизии не скрывал, оттуда “сшел своей волею” (то есть бежал) на Нижне-Тагильский завод в 1736 г. И, хотя вместе со старшим сыном он “явился” для записи в ревизские сказки по заводу только в 1746 г., его младший сын от первого брака Семен и только что родившийся первый ребенок от второго брака Хрисанф, зафиксированы в Нижнем Тагиле в 1739 г. переписью раскольников межевщика И. Н. Юдина. Три года спустя они жили с бабкой, вдовой Г. А. Перетрутова, в “подзаводской” д. Малые Галашки [№ 7, Л. 77; № 8, Л. 229 об.]⁶⁰.

Весьма вероятными представляются давние тесные связи, в том числе творческие и родственные, между семействами Перетрутовых-Седышевых и Заверткиных. Григорий Перетрутов и Петр (Паисий) Заверткин вполне могли хорошо знать друг друга по работе в Оружейной палате. Младший брат П. Ф. Заверткина Борис имел предпринимательские интересы в Нижнем Новгороде. В 1714 г., например, он, будучи еще 16-летним юношей, доставил оттуда в Новгород Великий 90 кулей пшеничной муки и продал ее за 193 рубля 25 копеек⁶¹. Не была ли его жена Евдокия Григорьевна дочерью Г. А. Перетрутова? Привлекает внимание и то, что эти семьи на Урале десятилетиями жили рядом. Так было в д. Малые Галашки в лесах Нижне-Тагильского завода в начале 1740-х гг. А усадьбы

⁵⁹ Горячев А. Я., Горячев В. А. Старообрядцы Узольской долины // Мир старообрядчества. Вып. 3: Книга. Традиция. Культура. М. — Бородулино, 1996. С. 181.

⁶⁰ См. также: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 240. Л. 126.

⁶¹ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958. С. 88—89.

Заверткиных и Седышевых по “правому порядку” Большерудянской улицы Нижнего Тагила непосредственно соседствовали на протяжении не менее четверти века⁶².

Это соседство позволило обратившемуся из раскола в лоно официального православия сыну В. Г. Седышева Тихону подать в начале 1752 г. квалифицированный донос екатеринбургскому духовному заказчику протопопу Ф. Кочневу о том, что в доме записного раскольника Бориса Федорова Заверткина “имеется собрание раскольников, откуда по оному заводу раскольничьей прелести размножается учение”, живут старцы и старицы, хранится много старопечатных книг и прочего. Налет церковников в сопровождении воинской команды не удалось сделать полностью внезапным из-за восьмичасовой задержки в Невьянске “за недачею в скорости приказчиками-раскольниками подвод”. Предупрежденный гонцом Б. Ф. Заверткин (“из Екатеринбурга едут за вами солдаты и надобно-де вам куда убраться”), собрав книги, “домовой шкарб и прочее, приличествующее к расколу”, успел уйти. Однако в руки властей попало немало улик: в трех тайниках, один из которых был оборудован для проживания людей, обнаружили монашеские одежды, рукописные книги, переписка и целый иконостас (тайник для него находился в супружеской кровати); почти все образа оказались в золоченых серебряных окладах. Был арестован младший сын Б. Ф. Заверткина 12-летний Гавриил, впоследствии бежавший из Екатеринбурга. Впрочем, его успели основательно допросить⁶³. Видимо, в результате показаний Гавриила имя его старшего брата нижнетагильского “маляра” Тимофея Заверткина попало в ведомости особо важных подследственных-раскольников Тобольской епархии с краткой, но яркой характеристикой: “Злой раскольник, который... пишет иконы по раскольничему суемудрию... и разсылает по всем раскольническим местам, где оные и приемляются... за чудотворные” [№ 9, Л. 81 об.; 242]. Ранее, гипотетически, я полагал, что за популярностью работ еще молодого Тимофея в старообрядческой среде могла скрываться деятельность семейной иконописной мастерской Заверткиных во главе со знаменитым дядей, иноком Паисием⁶⁴. Сейчас, когда имеются данные о пребывании Паисия Заверткина на Урале до 1753 г., это предположение выглядит более определенно.

О немалом авторитете семейства Заверткиных на Урале свидетельствует попытка их реабилитации, предпринятая главной Невьянской конторой Демидовых. В 1754 г. умер иконописец В. Г. Седышев. А в начале 1755 г. его сына Тихона, в отместку за донос на Б. Ф. Заверткина сдали в рекруты. Перед отправкой в Тобольск он сделал заявление, что

⁶² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 15. Л. 26–26 об.; Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁶³ Байдин В. И. К вопросу о старообрядческом иконописании на горнозаводском Урале в XVIII–XIX вв. // Древнерусская традиция в культуре Урала: Материалы науч.-практ. конф. 28–30 апреля 1992 г. Челябинск, 1992. С. 30–31.

⁶⁴ Там же. С. 29.

“показал на Заверткина напрасно, по злобе”. Когда Седышев за долги находился под арестом в ратуше в Екатеринбурге, Б. Заверткин не дал ему займы денег для расплаты с кредиторами. Через несколько месяцев Невьянская контора представила показания Тихона в Канцелярию главного правления заводов и духовное правление в Екатеринбурге, откуда их копию отправили митрополиту в Тобольск. Церковники, впрочем, в раскаяние доносчика не поверили, заявив, что тот покался “из-под пристрастия тамошних приказчиков-раскольников или маны какой-либо”. В качестве “маны” использовалось, по всей видимости, разрешение Т. Седышеву забрать с собой семью, так как вместе с ним уехала жена и 11-летний сын Лазарь. После чего в отношении последнего заводские приказчики меланхолично констатировали: “и потому стал быть в бегах...”⁶⁵.

Весьма вероятно, что линия преемственности иконописного мастерства, по крайней мере прямая, от отца к сыну, в роду уральских Перетрутовых-Седышевых прервалась. Старший сын Василия Григорьевича Тихон, как мы видели, пошел по торговой части, а потом был сдан в рекруты. Второй сын Семен Седышев (“он же и Перетрутов”) в 1752 г. попался на “блудодействии” с девкой с Выйского завода, хотя и по ее “приглашению”; был отдан под церковный суд и обращен в официальное православие (Семен умер еще до конца 1750-х гг.). Вместе с ним заодно обратили и его сводного 12-летнего брата Хрисанфа, который в дальнейшем в документах проходит молотовым работником, что вряд ли было совместимо с занятием иконописью. Младший сын от второго брака умершего в 1754 г. В. Г. Седышева Василий остался от отца всего лишь на четвертом году⁶⁶. Правда, в соседнем дворе жили Заверткины...

За 80 лет до С. Дюлонга, в 1843–1844 гг. для домовой моленной крупных екатеринбургских купцов-старообрядцев И. Л. и С. Л. Тарасовых работал известный на Урале нижнетагильский иконописец Федот Германов (Ушаков) с сыном Гавриилом. Они написали несколько новых образов, один купили у кого-то из современных им Заверткиных, но в основном занимались, по выражению Ф. Германова, поновлением старых икон. В представленных им счетах за работу преобладают термины “починка”, “переправлено”, “перезолочена”. Тарасовы, располагавшие немалыми средствами, имели возможность целенаправленного подбора престижных произведений живописи для своей моленной. Подобных икон с указанием авторства в счетах Германова упоминается всего четыре. Это — “складни-тройни Праздники Перетрутовых” (видимо, Г. А. и В. Г. Перет-

⁶⁵ Байдин В. И. К вопросу о старообрядческом иконописании... С. 31; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 102. Л. 254–255.

⁶⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 102. Л. 254 об.; Д. 39. Л. 27–31 (судя по этому делу, священник Нижне-Тагильского завода десятоналичник Д. Лапин буквально специализировался, и не безуспешно, на подобном способе обращения местных староверов к церкви: обвинение в “блудодействии” и снятие обвинения в случае обращения); Д. 43. Л. 16 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1618. Л. 160–162.

рутовых-Седышевых), “Седмица” и “Знамение Богородицы” “писма Паисеева” (то есть кисти Петра, в иночестве Паисия, Заверткина) и “Седмица” же “писма Сергея Иван[ова?]”. Обращает на себя внимание совпадение указанных имен с теми, которые называли Дюлонгу последние уральские иконописцы-старообрядцы [№ 13, Л. 38–39; 243–244].

Новое имя здесь только Сергея Иванова. Он родился около 1700 г. и был, по собственным словам, “недействительным церковным причетником”, сыном дьякона церкви Вознесения Христова в Коломне; жена его — поповской дочерью из расположенного неподалеку с. Белый Омут Переяславль-Рязанской провинции той же Московской губернии. В 1740 г. под стандартным предлогом: “от хлебной скудности”, они пришли на Невьянский завод. Имевшиеся у них к тому времени дети: два сына и дочь — оставались на родине с дедом и в Невьянск перебрались только в самом конце 1740-х гг. Однако еще в 1746 г., в ходе второй ревизии, не только Сергей Иванов, но и сыновья Иван и Назар были записаны с другими “необучившимися никаким заводским мастерствам” пришлыми, включенными в подушный оклад и оставленными при заводе “впредь до указу”. Между тем, в двойной раскольничий оклад семья одновременно оказалась записанной совсем при другом демидовском заводе, Черноисточинском⁶⁷, что предполагало их проживание именно там. При неопределенности в отношении законности пребывания Ивановых на “партикулярных” демидовских заводах (вопрос оставался неясным и в конце 1750-х гг.), все отмеченное можно рассматривать как свидетельство особой заботы об этом семействе приказчиков-староверов. Очевидно, в данном случае имела место одна из тех хитростей заводских администраторов, о которых, правда в отношении скитских старцев и стариц, с возмущением доносил в Синод митрополит Тобольский и Сибирский Сильвестр в 1751 г.: “Знатно, что под таким... ухищренным вымыслом чтоб по прошествии ревизии можно было... *акыбы двоекратно написанных... выключить* (курсив мой — В. Б.); ибо когда та ревизия миновала, по прежнему оные ... жить стали в том состоянии, в каком и до ревизии находились, а прикащики-раскольники о выключке двоекратно написанных уже давно в... губернской канцелярии просили...”⁶⁸.

В 1759 г., во время очередного следствия о пришлых на заводах, Сергей Иванов в собственноручно подписанных показаниях сообщил, что жена его умерла в 1752 г., у него пять дочерей, сам он находится при Невьянской заводской конторе “у письменных дел подъячим”, 28-летний женатый Иван — “в разных работах”, 19-летний Назар — учеником на меднокотельной фабрике. Более точное представление о реальных занятиях мужской половины семьи Ивановых дает краткая ведомость, составленная в Невьянской конторе для собственных нужд на основе

⁶⁷ ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 873. Л. 144 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1172. Л. 62, 266 об.

⁶⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 270. Л. 1 об.

материалов следствия 1759 г. Сергей Иванов в ней отмечен как находящийся “во услужении подъячим”, а не собственно подъячим (то есть его должность носила оттенок синекуры); его старший сын значился “в простых заводских работах”, что открывало возможность для других занятий, а младший являлся меднолитейным учеником⁶⁹ (готовился продолжить дело отца в области культовой металлопластики?).

“Сергий-диакон”, если это Сергей Иванов, умер до 1769 г. в скиту близкого к Заверткиным старца Даниила. Именно последний, как выяснилось после вышеупомянутого доноса Т. В. Седышева и последовавшего затем налета воинской команды на усадьбу Заверткиных в Нижнем Тагиле, еще в начале 1750-х гг. отправлял в их доме утрени и вечерни; Даниил был духовным отцом иконописца Тимофея Заверткина⁷⁰. С учетом того, что обитель Даниила в 1760-х гг. находилась на самом Нижне-Тагильском заводе, и тут же с возвращения из бегов в 1764 г. до своей смерти в 1768 г. проживал Паисий Заверткин, сказанное делает весьма вероятными достаточно тесные контакты Сергея Иванова с Заверткиным.

Судя по всему, старший сын С. Иванова Иван (1731–1797) тоже занимался иконописью. Он в ревизских сказках конца XVIII в. значился под прозвищем Дьяконов, а его дети уже носили характерную фамилию Иконниковы⁷¹. Однако художественную подготовку, по крайней мере базовую, он, видимо, получил не на Урале и не у отца. Тот, как говорилось выше, с 1740 г. поселился с женой на Невьянском заводе. Иван присоединился к родителям где-то в 1749 г., когда ему было около 18 лет, то есть в том возрасте, на который обычно приходилось обучение иконописанию, он жил у деда в Коломне.

* * *

Определяющими для возникновения невянской школы иконописи стали процессы культурной самоидентификации урало-сибирской беглопоповщины. Исторически появление старообрядчества на уральских заводах связано с миграцией людей из разных регионов России, и тогдашнего “ближнего зарубежья”, соответственно различной (в рамках староверия) конфессиональной принадлежности. Ко второй половине XVIII столетия поповщина на горнозаводском Урале становится абсолютно преобладающей. На смену отмеченным выше противоречиям, имевшим место в 1730–1740-е гг., между различными беглопоповскими центра-

⁶⁹ Ср.: ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 873. Л. 144 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1619. Л. 20 об. В Невьянске в эти годы имелся еще один Сергей Иванов. Это Коскин, отец иконописца Гавриила (о. Григория) Коскина. По происхождению С. И. Коскин (ок. 1692–1758) был посадским Нижнего Новгорода, ушедшим оттуда еще до первой ревизии (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 2. Д. 587. Л. 83 об.; Ф. 248. Оп. 1. Д. 1504. Л. 65). На данный момент никаких свидетельств о занятиях отца С. И. Коскина иконописанием нет, да и его сын в старообрядческой традиции считался учеником П. Ф. Заверткина.

⁷⁰ ГАСО. Неопис. часть Ф. В. П. Бирюкова (Р-2266). Б. н. (“Вопросы изуграфа Тимофея Заверткина и ответы инока-схимника Максима”). Л. 20–20 об.

⁷¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 148. Л. 163, 94.

ми (“подзаводские” скиты и крестьянско-казачий тайный приход С. В. Ключарева), приходит, хотя и не полностью безусловное, главенствующее положение в мире урало-сибирского раскола горнозаводских районов⁷². Тенденция эта тогда нашла выражение в попытках унификации культовой практики⁷³ (Невьянский собор 1777 г., одним из участников которого, что специально отмечено протоколом, был инок Григорий Коскин)⁷⁴, и хорошо объясняет последующее распространение невьянской иконы на территории Западной Сибири. С другой стороны, во второй половине XVIII в. происходит обособление урало-сибирской беглопоповщины от своих собратьев в европейской части России. Не случайно на судьбоносном для беглопоповщины соборе 1779–1780 гг. в Москве не было представителей востока страны⁷⁵, даже при том, что здешние сторонники старой веры разделяли позиции “перемазанского” большинства собора. Уже упоминавшийся старообрядческий историограф Я. С. Беляев, побывавший на Урале в начале 1780-х гг. “по следам” собора и по поручению одного из его руководителей, московского купца 1-й гильдии Г. Ф. Ямщикова, отмечая вероисповедную и обрядовую близость местных староверов-поповцев, воспринимал их как достаточно обособленную систему в рамках беглопоповщины. Эта автономия сохранялась и получила развитие в последующие десятилетия⁷⁶, а затем нашла воплощение в формировании часовенного согласия, наиболее многочисленного на Урале и в Сибири. Именно с часовенными прочно ассоциируется невьянская икона.

Разнородность начальных художественных истоков (школа Оружейной палаты, иконопись городов Поволжья, Подмосквоя, Русского Севера, в частности, Выга, Ветки и др.), несмотря на тесные контакты, вполне вероятно, и творческие, между “основоположниками”, требовала значительного промежутка времени для унификации стилистических особенностей и технико-технологических приемов, обусловивших своеобразие уральского горнозаводского старообрядческого иконописания. Это конечно же не отрицает сохранения некоторых, иногда явных, отличий между работами, вышедшими из разных мастерских⁷⁷. Косвенным, но

⁷² См., например: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест... С. 339, 351, 354, 357, 379 и др.

⁷³ *Он же.* Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // *Культура славян и Русь.* М., 1998. С. 518–528.

⁷⁴ Собр. ИИ СО РАН. № 9/73. Л. 24; НБ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 54р/386. Л. 1.

⁷⁵ *Байдин В. И.* Кто ты, Иона Курносый? С. 32–33.

⁷⁶ *Байдин В. И.* Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII – середина XIX вв. Дисс. на соиск уч. степ. канд. ист. наук. Свердловск, 1983. С. 44–49; *Он же.* Общество старообрядцев Сибирского края в первой половине XIX в. (К вопросу о политической культуре российской провинции) // *Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса 25–27 ноября 1997 г., г. Тобольск.* Тобольск, 1997. С. 129–131.

⁷⁷ Последние характерны и для гораздо, если так можно выразиться, более “компактной” территориально, по сравнению с уральской, ветковской иконописи. (*Гребенюк Т. Е.* Художественное своеобразие ветковских икон... С. 388–389).

очень важным указанием на время складывания невянской школы может служить появление с 1770-х гг. и увеличение в последующие годы количества датированных икон. Предшествующие подобные произведения единичны: помимо упоминавшейся “Богоматери Египетской” 1734 г. имеются еще иконы, относящиеся к 1758 г. (условно, по клейму на окладе московской работы) и 1762 г.⁷⁸ Показательно, что тот же С. Дюлонг до конца XVIII в. называет лишь одну виденную им датированную местную работу: Тимофея Заверткина в Никольской часовне в Екатеринбурге “около 1760-го года..; работа холодная” [№ 1, Л. 99; 239–240]. Т. Б. Заверткин был фигурой во многих отношениях незаурядной: кроме иконописания, он занимался художественной росписью и выступал в качестве писателя-публициста, временами яростно полемизируя со знаменитым руководителем скитского центра на уральских заводах иноком-схимником Максимом. Происходя из очень влиятельной семьи, он и сам пользовался немалой известностью и авторитетом⁷⁹, а его работы — популярностью. Учитывая указания С. Дюлонга на датированную работу Тимофея Борисовича, возникает вопрос, не принадлежит ли кисти этого достаточно амбициозного человека и икона 1762 г.? (см. цв. вкладку, ил. 2).

Итак, можно полагать, что старообрядческая иконописная школа на горнозаводском Урале (невьянская школа) сформировалась достаточно поздно, приблизительно к последней четверти XVIII в., когда уже работали третье-четвертое поколения местных мастеров. Сложившись как самостоятельное явление, она приобрела ту устойчивость, которую, как не раз отмечалось в литературе, внешние влияния могли только обогатить, но не разрушить⁸⁰. Достаточно отметить, что Романовы, эти “последние уральские иконописцы” начала XX в., по происхождению являлись гусляками, обосновавшимися на Урале не позднее 1830-х гг.

⁷⁸ Подробнее см. статью М. П. Боровика и Е. В. Ройзмана о датированных и подписных иконах музея “Невянская икона” в настоящем сборнике.

⁷⁹ Духовная литература староверов востока России... С. 607–608, 650, 653. Сохранилось начало письма, адресованного “изуграфу Тимофею Борисьевичу”, с комплиментами в его адрес и просьбой дать совет по какому-то вопросу. НБ УрГУ. IV (Красноуфимское) собр. 7р/246. Л. 142 об.

⁸⁰ См., например: Губкин О. П. Богатыревы — династия невянских художников-иконописцев // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1988. С 135–136.

С. А. Белобородов

Иконы “неистинные” и запрещенные (к постановке проблемы)

Раскол, который в середине XVII в. потряс Русскую Православную Церковь, стал одним из важнейших событий отечественной истории. Общество разделилось на исповедовавших “древлеправославные” традиции и тех, кто жил по новым церковным канонам. Практически сразу оформилось противостояние между сторонниками “старины” и “новизны”, которые обвиняли друг друга едва ли не во всех смертных грехах. Староверы проклинали “неистинность” новых обрядов и “никонианских” книг, скорбели об оскудении благодати, грозили скорой вселенской катастрофой. Представители официальной Церкви, в свою очередь, не стеснялись в выборе средств для “разъяснения раскольничьих заблуждений”.

В развернувшейся полемике большое значение придавалось иконописи. Икона стала своеобразной “лакмусовой бумажкой”, которая позволяла безошибочно определить, кто ты — “свой” или “чужой”? Наиболее отчетливыми формальными признаками новых икон, против которых выступали староверы с самого начала истории раскола, были: изображение четырехконечного креста (“латинского крыжа”) взамен традиционного восьмиконечного; написание имени Христа **ІНѢ**, то есть “Иисус”, вместо **ІѢ** — “Исус”); троеперстие (“щепоть”) вместо истинного двуперстия.

Примечательно, что уже в конце XVII в. наиболее радикально настроенные староверы отказались принимать “новописанные” (хотя и в греческой традиции) иконы (ил. 1). Вот, например, что писал об этом Тобольский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), рассказывая о прегрешениях монаха Капитона (Колесникова): “Паки же повеле некоему изуграфу, да напишется ему образ, иже глаголется «Предста Царица одесную Тебе», в ризах позлащенных одеяна и преукрашена. Иконописцу же написавшу подобие святыя иконы, якоже пишется Спасителев образ на престоле, яко великий архиерей. Пресвятыя же Богородицы образ в царских одеяниях и в венце, яко царица небесе и земли, и прочая подобия образа того. Видев же той Капитон Пресвятую Богородицу, написану в царских одеждах, начать яко невежда сый похуляти иконописца, глаголя: почто написал еси так Богородицу, яко царицу? На Пресвятой

убо Богородице багряницы царския не бысть никогда же. И того ради и не поклонявшеся окаянный Капитон образу тому святому”¹. Капитон также отказывался признавать истинной икону “Богородица и Богомладенец”, на которой у Христа не была выписана рука с крестным знаменем. Вслед за этим он “помыслил, яко не подобает новописанным иконам поклоняться, аще бы Спаса Христа, или Пресвятыя Богородицы, или святых, но точию какого ветхого письма и старого и зачедолого, аки бы издревле писаны. И егда в дом где входяше, аще видеши икону новописану и сияющую новописанием, тогда никакоже не покланяшеся той святой иконе”².



Ил. 1. Богородица
“Всем скорбящим радость”
Невьянск. Первая четверть XIX в.

Серьезная трансформация иконописной древнерусской традиции, в том числе на Урале и в Сибири, произошла в XVIII в. С этого времени иконопись начала быстро приобретать барочные формы. Все чаще иконники, ориентированные на официальную Церковь, работали в так называемой “фряжской” (итальянской) манере. Старообрядцы решительно отвергли образы, созданные в таком стиле “по причине полного несоответствия этого рода письма с духом старины”. По словам выдающегося старообрядческого иконописца конца XIX — начала XX вв. А. Я. Богатенко, “хотя некоторые детали, например, прописывание ликов яичными красками, а не маслом, складки и пробела на рисунках фряжского стиля подражают иконописным, но в целом, это уже не иконное письмо, а живописные картины”³.

Отличие “фряжских” икон от образов, написанных в греческой, московской, строгановской и тому подобных традициях, было очевидным и легко улавливалось даже неискушенными людьми. Это давало староверам дополнительный повод возмущаться “табачниками”, которые “пишут иконы нарочно соблазнительно”. Когда в 1901 г. православные миссионеры задумали провести крестный ход по наиболее “зараженным расколом” населенным пунктам Осинского уезда Пермской губернии, то одной из причин явного провала акции стало то, что священники несли с

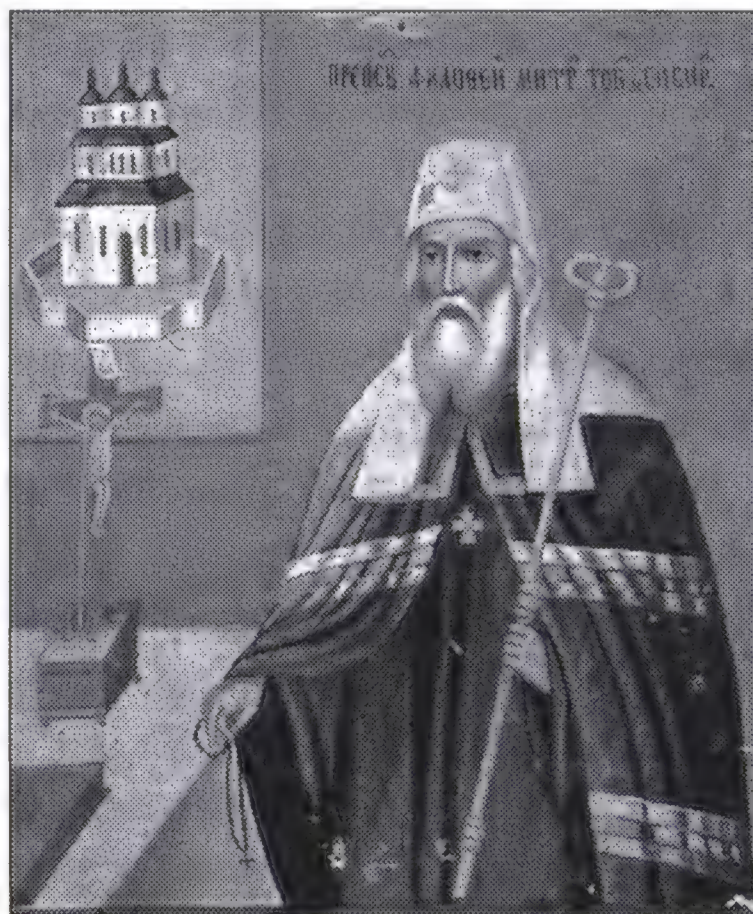
¹ Цит. по: О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядчества, во второй половине XVII и в первой половине XVIII столетия // Православный собеседник. 1857. Кн. 3. С. 675.

² Там же. С. 676.

³ Богатенко А. Я. Стиль в русской современной иконописи // Изборник “Слова правды”. Кн. 2. М., 1907. С. 44.



Ил. 2. Стефан, епископ Пермский.
Екатеринбург.
Конец XIX — начало XX вв.



Ил. 3. Филофей (Лещинский),
митрополит Тобольский.
Верхотурье (?) Конец XIX в.

собой иконы Стефана Пермского и Сергия Радонежского, написанные в так называемой академической (живописной) манере (ил. 2). Примечательно, что по такому серьезному поводу смогли на время объединиться старообрядцы разных согласий: поморцы, странники и часовенные. На экстренном соборе ими было принято постановление: “иконы не настоящие, а поддельные... они не иконы, а идолы”⁴.

Среди отличий новых икон, которые особенно бросались в глаза и вызывали негативную реакцию староверов, можно назвать также, что “последующие Никонову мудрованию, изменивше древнее церковное предание, пишут евангелиста Иоанна лицом орлим, а Марка львовым. Святая же древлеправославная Церковь повелевает писати святых евангелистов Матфея лицом человеческим, Марка орлим, Луку телячьим, Иоанна львовым”⁵.

По мнению старообрядческих уставщиков, никониане “пречистую Владычицу нашу Богородицу только от воплощения Сына Божия исповедуют православно, а до зачатия Христова мудрствуют быти ю просту девицу и подобну прочим женам”⁶. Из этого следовал вывод о “неистинном” изображении на новых иконах Девы Марии в виде обычной девушки. И, как следствие, у старообрядцев появился “извод”, иллюстрирующий непорочное зачатие святой Анной Богородицы.

⁴ Морозов В. Миссионерский крестный ход в пределах Осинского у. в 1901 г. // ПЕВ. 1901. № 14. С. 379–380.

⁵ О изображении св. евангелистов, в обличение неправды мнимых старообрядцев // Христианское чтение. 1854. № 4. С. 372.

⁶ А/рхимандрит/ П/алладий/. Обозрение Пермского раскола, так называемого “старообрядства”. СПб., 1863. С. 88.

Уральские староверы также соглашались с мнением чернеца Авраамия, который в челобитной, направленной царю Алексею Михайловичу резко выступил против изображения на архиерейских жезлах “змиев”: “а ныне он (то есть патриарх Никон — С. Б.) тую проклятую змию и ученицы его освящают и почитают, вносят в святилище Божие во алтарь и в царские двери... и везде аки некое драгоценное сокровище пред лицом своим на показание всему миру тех змей носить повелел”⁷. Поэтому все иконы, на которых архиереи (пусть даже почитаемые старообрядцами Отцы Церкви) изображались держащими “посох со змеями” (ил. 3), староверы считали “прелестью сатанинского умышления”.

Старообрядцев Пермской губернии также не устраивало то, что на некоторых новых образах “у иконы Спасительной имеются херики (то есть Херувимы — С. Б.) и уши не сквозные”⁸. Согласно “мудрствованиям” некоторых уральских раскольников “уши у святых на иконах должны быть изображены явственны, иначе молитвы, произносимые перед ними, не будут услышаны”⁹.

Староверы не могли смириться с запрещением иметь иконы, отлитые из металла. Наоборот, в XVIII — XIX вв. меднолитый промысел получил среди старообрядцев большое распространение. Литые иконы изготовлялись в тысячах экземпляров в Москве и Подмосковье, на Русском Севере и в Поволжье, на Вятке и на Урале, и были распространены по всей стране. Более того, представители некоторых беспоповских согласий отдавали предпочтение не писаным, а литым образам, объясняя это тем, что “писать икону человек может и не всегда чистыми руками, а что отлито в форме, то говорят «не руками сделанное», чисто и достойно поклонения”¹⁰.

Следует отметить, что с течением времени, когда старообрядческое движение разделилось на десятки больших и мелких толков, появились различные интерпретации изображаемых на иконах символов и сюжетов, не принимаемые в других согласиях. Из числа наиболее известных примеров можно назвать дискуссии о написании титула на кресте Христовом. В этом вопросе “отдельное мнение” было у поморцев, полагавших, что на распятии следовало изображать не оскорбительную для христиан “титлу пилатову”: “І[сус] Н[азарей] Ц[арь] Н[удейский]”, а надпись “Ц[а]рь Сл[а]вы І[су]с Х[ристо]с С[ы]н Б[о]жій”.

Федосеевцы, в отличие от поморцев, долго принимали распятия с литерами “ІНЦН”. В 1752 г. на Польском соборе, в работе которого уча-

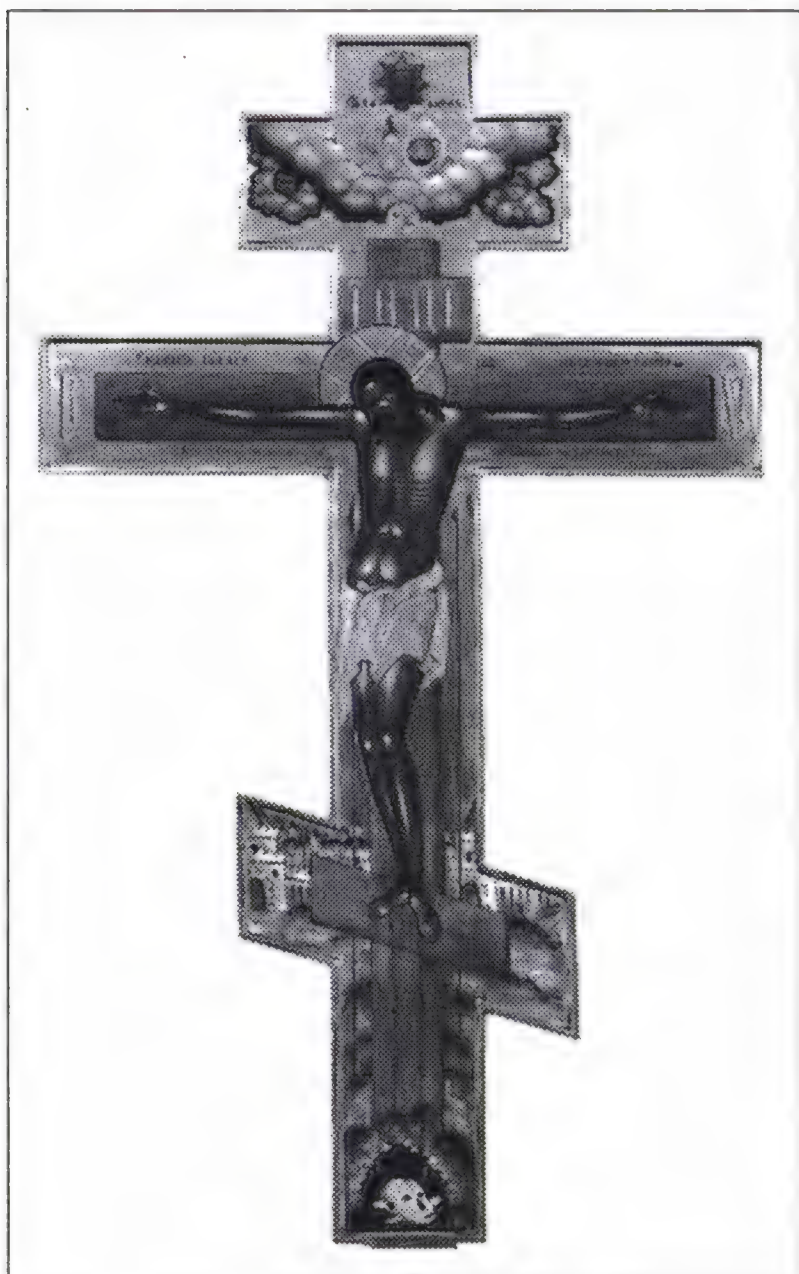
⁷ А[рхимандрит] П[алладий]. Обозрение Пермского раскола... С. 98.

⁸ Письма преосвященного Аркадия к священнику Верх-Исетского завода Успенской церкви Захарии Земляницину // ЕЕВ. 1900. № 1. С. 20.

⁹ Серебренников А. П. Раскол в Очерской вол. Оханского у. Пермской губ. в 50-х годах. (Из записок П. П. Серебренникова) // ПЕВ. 1906. № 17. С. 322.

¹⁰ Коровин А. Отчет священника о своей деятельности в раскольничьем приходе // ТЕВ. 1887. № 7–8. С. 153.

ствовали наиболее авторитетные деятели согласия, было решено считать “единоправными” написания “ІНЦІ” и “Гі Хі Црь Ёжы”. Только в XIX в. федосеевцы в этом вопросе окончательно согласились с поморцами.



Ил. 4. Распятие.
Екатеринбург. 1904 г.

Староверы остальных согласий по-прежнему поклонялись распятиям с “титлой” “ІНЦІ”.

Старообрядцы-филипповцы не принимали иконы “Богородица Всем скорбящим радость”, “Богородица Неопалимая купина” и им подобные, как явленные после реформ патриарха Никона. Представители других согласий признавали эти образы вполне “истинными”. Нетовцы особое предпочтение оказывали иконам Спасителя и Богородицы, в оглавье которых непременно должно было быть помещено изображение “Спаса нерукотворного”¹¹. К иконам же с другими персонажами они относились достаточно равнодушно.

Можно упомянуть и о рябиновцах — малочисленном согласии, сторонники которого, в XIX в. проживали во многих регионах России, в том числе и на Урале. По учению

рябиновцев, поскольку на земле не осталось истинных христианских живописцев, “да и краски и все прочее продаются неверными, не следует приобретать новых икон (даже старообрядческого письма), а надо “делать деревянные осьмиконечные кресты, безо всякого на них изображения и им поклоняться”¹². Однако, по мнению рябиновцев, и среди “старых” икон могли встречаться “неистинные”, например те, на которых был изображен кто-либо кроме Христа и святых. На этом основании не следовало поклоняться образу “Вход Господень в Иерусалим”, так как Христос изображался верхом на “жеребяти”. Нельзя было молиться на иконы с нарисованными бесами (“Воскресение с Сошествием во ад”) или противниками Христа (“Распятие с предстоящими воинами”). Кроме того, рябиновцы буквально толковали фразу Григория Двоеслова, помещенную в Большом Соборнике, где говорилось: “Отчий образ не пишем” — а потому не принимали икон с изображением Господа

¹¹ Белобородов С. А., Гончаров Ю. А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII — начале XX вв. // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 210.

¹² Деяния I Всероссийского собора поморцев. М., 1911. С. 144.

Саваофа. Примечательно, что в этом вопросе воззрения радикальных староверов буквально совпали с решениями “никонианского” Московского собора 1666–1667 гг., о которых мы расскажем ниже.

Приведенные примеры не исчерпывают всех обвинений, с которыми старообрядцы выступали против “неистинных” образов, однако, на наш взгляд, они убедительно показывают насколько сложными и противоречивыми были представления об “истинной” иконе у самих староверов. Посмотрим теперь, как эти же проблемы решали сторонники ортодоксальной Церкви.

Вплоть до начала XX в. наиболее распространенными мерами борьбы с “неистинными”, по мнению церковников, иконами были запретительные и конфискационные меры. При этом существовала своеобразная “шкала”, по которой можно было оценивать недостатки любого иконописного изображения.

С точки зрения официального православия, идеологически наиболее опасными были иконы, содержащие “суемудрие несправедливое”, однако и в этом главном вопросе существовали разные толкования “истинности”. После большого московского пожара 1547 г., когда сгорели почти все кремлевские церкви, в столицу было привезено множество икон из Великого Новгорода, Смоленска, Дмитрова, Звенигорода и других городов. С этих образов псковские и новгородские мастера, вызванные в Москву, списывали новые иконы. Тогда и обнаружилось значительное расхождение не только в стилевых направлениях, но и в интерпретации сюжетов. Дьяк Посольского приказа И. М. Висковатый, увидев новые иконы, стал публично выражать свое негодование, заявляя в частности, что не следует изображать невидимое Божество и бесплотные силы.

Оппонентом И. М. Висковатого выступил митрополит Сильвестр, потребовавший для решения вопроса созыва Собора, который состоялся в 1554 г., и дело формально было решено в пользу митрополита. Примечательно, что на Висковатого была наложена епитимья не столько за то, что “о святых иконах сомнение имел”, сколько за то, что “возмущал народ” и вообще занялся не своим делом. Характерно, что иконы, послужившие “яблоком раздора”, через некоторое время были переписаны именно так, как “учил” Висковатый.

На знаменитом Московском Соборе 1666–1667 гг. было определено: “отныне Господа Саваофа образ впредь не писати.., зане Саваофа никто же не видел во плоти”¹³. Одновременно и по тем же резонам был “запрещен ко употреблению” образ Святого Духа в виде голубя, за исключением сцены Святого Крещения в Иордане¹⁴. Однако, как показала практика, эти распоряжения остались не более чем “благопожеланиями”, на которые почти никто не обращал внимания (ил. 5).

¹³ Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 22 (четв. счет).

¹⁴ Там же. Л. 23 (четв. счет).



Ил. 5. Отечество.
Невьянск. 1780 г.

Иконы, по совершенно справедливому мнению церковников, должны были абсолютно соответствовать учению Православной Церкви. Поэтому, например, было признано недопустимым изображение “Коронавания Божией Матери”, как проявление “латинства”. Однако, как и предшествующие запрещения, это указание стало лишь констатацией факта бытования подобных икон. Например, когда в 1896 г. освящали один из храмов в одном из самых значительных по местным масштабам уральских монастырей — Белогорском (Кунгурского уезда Пермской губ.), среди икон отмечен образ “Коронавания Богородицы”¹⁵, который

назывался в числе старейших и ценнейших памятников. Большой успех имело запрещение изображать Святую Троицу в виде одного человека с тремя головами (так называемая “смесьипостасная” Троица).

С начала XVIII в. первое место в условном рейтинге “неистинных” и запрещаемых икон получали образа “писанные суемудрием раскольников”. Под эту “статью”, например, попадало произведение, созданное в 1830-е гг. знаменитыми невьянскими иконописцами Михаилом и Афанасием Богатыревыми. На иконе “Рождество Христово” они поместили на дворец царя Ирода изображение малого российского государственного герба¹⁶. Такое сравнение царствующего дома Романовых с кровавым детоубийцей, гонителем Христа царем Иродом вполне можно было квалифицировать как серьезное политическое преступление.

Конечно, появление икон, подобных богатыревскому “Рождеству”, было достаточно редким явлением. Значительно большее “хождение” имели изображения, “написанные в странном виде” или не соответствующие исторической правде. В древнерусской иконописной традиции были хорошо известны и широко использовались апокрифические сюжеты, которые позволяли создавать замечательные с художественной точки зрения, но абсолютно не каноничные, а потому запрещаемые иконописные произведения.

Весьма древнюю историю имеет апокриф “Сказание киим святым каковыя благодати исцеления от Бога даны”. Это сочинение было очень популярным среди народа (причем, не только у старообрядцев), и не случайно

¹⁵ Освящение третьего храма на Белой горе // ПЕВ. 1896. № 22. С. 460.

¹⁶ Губкин О. П. Династии невьянских иконописцев Богатыревых и Чернобровиных // Невьянская икона. Екатеринбург, 1997. С. 229.



Ил. 6. Флор, Лавр, Власий и Медост. Невьянск. Первая половина XIX в.

оно стало основой для создания иконописных произведений, почти дословно воспроизводящих литературный памятник, где изображения святых были лишь иллюстрацией текста. Наряду с ними бытовали и другие иконы, с более пространными сюжетами. К числу последних, например, можно отнести созданный в Невьянске в середине XIX в. замечательный образ святых Флора, Лавра, Власия и Модеста (Медоста). Следуя апокрифической традиции, Флор и Лавр воспринимались в народе как “конские боги”, а Власий и Модест спасали “от скотского падежа”. Именно поэтому на иконе святые изображены вместе с конями и коровами. Любопытной деталью является фигурка мальчика с дудочкой, который привел на водопой довольно редкую в наших краях “скотину” — дракона¹⁷.

¹⁷ Невьянская икона... С. 153. Ил. 127.

Весьма непростой была история иконографии святого Христофора. В одном из сказочных средневековых преданий рассказывалось об удивительных существах кинокефалах (песьеглавцах), из племени которых яко-



Ил. 7.
Христофор.
Сибирь. 1830 г.

бы и произошел Христофор. Существовал и другой апокриф, повествующий о том, что святой мученик от рождения был вполне нормальным человеком, но отличался исключительной красотой. Эта его особенность плохо отражалась на пастве (особенно ее женской половине), которая недостаточно внимательно выслушивала проповеди святого. Тогда Господь чудесным образом снабдил Христофора собачьей головой (ил. 7). Примечательно, что не позже чем с XVI в. параллельно существовали иконы с каноническим и апокрифическим изображением мученика¹⁸. Официальное запрещение “песьеглавца” последовало только в 1722 г., но вплоть до начала XX в. Христофора нередко изображали в “непотребном” виде.

Одна из самых чтимых икон России, “Божья Матерь — Троеручица”, также неоднократно подвергалась запрещению. Этот чудотворный образ представлял собой своеобразный памятник исцеления отсеченной руки святого Иоанна Дамаскина в VII в. По преданию, святой был оклеветан перед Дамасским князем и приговорен к лишению руки. Получив отрезанную конечность, святой Иоанн затворился с ней в келье. Там он начал молиться перед иконой Богородицы, а когда проснулся на следующий день, то обнаружил свою руку на привычном месте и вполне здоровую. В благодарность он сделал из серебра изображение человеческой кисти и приложил ее к иконе заступницы.

В 1661 г. икона из Хиландарского монастыря на Афоне была привезена в Москву. С этого времени ее копии разошлись по всей Руси. Когда в 1888 г. были изданы “Правила для устройства миссий”, то образ Троеручицы попал в список икон, “писанных неправильно”. С этого времени запрещалось изображать Троеручицу “с тремя естественными руками, вместо привески третьей руки”¹⁹. Примечательно, что это распоряжение, в свою очередь, противоречило синодальному указу от 1722 г., по которому привески к образам должны быть отбираемы в церковную казну, так как от них “чиниться иконам безобразие, а от инославных укоризна на Церковь”. Следует отметить, что Троеручицу запрещали еще не раз, однако этот сюжет благополучно дожил до наших дней.

Необходимо подчеркнуть, что церковные власти отнюдь не стремились запретить все иконы с апокрифическими сюжетами. В противном

¹⁸ Подлинник иконописный. М., 1998. С. 97.

¹⁹ Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам // Церковные ведомости. 1888. № 28. С. 181.

случае слишком много изображений было бы занесено в черные списки²⁰.

Столь же часто, как апокрифы, на иконные доски попадали “изображения не сходные с самими делами и истинною”. Проблема исторической достоверности икон поднималась неоднократно, начиная, по крайней мере, с середины XVII в. На Соборе 1666–1667 гг. в числе исторических несообразностей, на которые было обращено внимание, отмечено, что “иконописцы пишут святого Петра, Алексия и Иону московских чудотворцев в белых клобуках”. Однако, при жизни этих архиереев на Руси такого обычая еще не существовало, поэтому такие образы нельзя было признать “истинными”. “А иконописцы ложно сие пишут, якоже и ина многа, ко прелести невеждам”²¹.

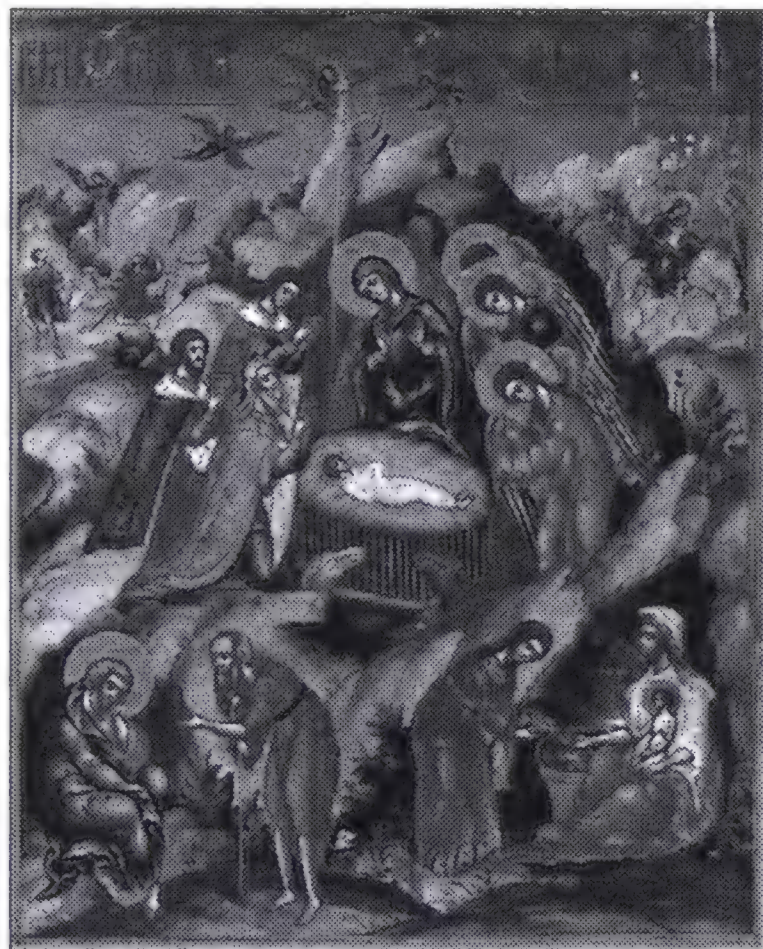
Можно привести еще несколько подобных примеров. Во второй половине XVIII в. архиепископ Славенский и Херсонский Никифор сетовал, что “на иконе Рождества Иисуса Христа пишут женщину, которая наподобие повивальной бабки отроча обмывает. В вертепе же, где Христос родился, бабки повивальной не было, да и святейшее тело Иисуса Христова, рожденное от Девы, до рождества, в рождестве и по рождестве омовения не требовало, но сама Пресвятая Дева его родившая повит его (ил. 8).

Пишут Иоанна Предтечу, держащего крест и благословляющего рукою. Но он, как скончался прежде страдания и Креста Христова, то никогда ни креста не держал, ни рукою не благословлял.

На иконе Сошествия Святого Духа пишут божественного апостола Павла сидящим вместе с апостолами, а он тогда никак не заседал с ними, поелику был еще гонителем Церкви.

Пишут иногда св. Харлампия в омофоре, а он не был архиерей, но священник. Прочия погрешности иконописцев кто может изчислить...”²².

Не менее серьезной проблемой, с которой пыталась бороться Православная Церковь, было широкое распространение среди простого народа икон “неискусно написанных”. По определению иконника-поморца С. А. Суслова, с середины XIX в. старообрядческое иконописание “сосредотачивается в руках самоучек, случайно получавших иконописные



Ил. 8. Рождество Христово.
Невьянск. Между 1814 и 1822 гг.

²⁰ Подробнее об апокрифических сюжетах в русской иконописи см.: Буслаев Ф. И. О русской иконе. М., 1997.

²¹ Деяния московских соборов... Л. 24–24 об. (четв. счет).

²² Никифор, архиепископ. Ответы преосвященного Никифора архиепископа Славенского и Херсонского, а потом бывшего Астраханского и кавалера на вопросы старообрядцов. М., 1800. С. 266.

образцы”²³, а то и вовсе “малевавших” как “Бог надоумит”. Примечательно, что если в конце XVII — первой половине XVIII вв. иконы, которые отбирали у раскольников, “топтали в бушных корытах и кололи и сжигали”²⁴, то в XIX столетии самые “неискусные” произведения все же воспринимались церковниками именно как иконы. Поэтому чаще всего максимальным “наказанием” даже для образов, которые сегодня зачастую определяют как “народный примитив”, была конфискация.

В марте 1847 г. православный миссионер, протоиерей Сергей Дьяконов направил в екатеринбургский секретный Совещательный комитет рапорт “о рассмотренных им четырех иконах, отобранных от крестьянина Вятской губернии Матвея Сорокина, пойманного в даче Сылвенского господина Яковлева завода с просроченным паспортом. Так



Ил. 9. Богородица “Неопалимая купина”.
Холуй. XX в.

как означенные иконы оказались вообще самой низкой работы, то комитет определил: признать их подлежащими конфискации”²⁵. Сотрудники комитета не имели представления, “куда отправлять иконы по законфискованию”, а потому обратились к екатеринбургскому викарному епископу Ионе (Капустину). Преосвященный тоже не знал ответа и запросил мнение Синода. В конце июня 1847 г. в Екатеринбург поступило синодальное распоряжение, в котором повелевалось: “иконы, конфискованные гражданским ведомством у раскольников, писанные неискусно и в соблазнительном виде на основании 124 статьи XIV т. Свода законов (изд. 1842 г.) и указов 16 марта 1759 и 21 июля

1760 гг., следует обращать для хранения при архиерейских домах, или, в случае невозможности, при монастырях в удобных к тому местах, с тем, чтобы оные, в отвращение могущего быть соблазна народу, никуда в употребление выпускаемы не были”²⁶.

Еще одной проблемой, от которой, кстати, одинаково страдали и православные и старообрядцы, стало необычайно широкое распространение с середины XIX в. иконного “ширпотреба” (ил. 9). В этой связи уместно

²³ Второй Всероссийский Собор христианского поморского церковного общества. М., 1913. С. 102.

²⁴ А[рхимандрит] П[алладий]. Обозрение Пермского раскола... С. 186.

²⁵ СОКМ. ПИ-938. Дела, принадлежащие преосвященному Ионе, епископу Екатеринбургскому. Л. 180.

²⁶ Там же. Л. 171—171 об.

вновь процитировать слова А. Я. Богатенко, который, характеризуя так называемый палеховский стиль (Палех, Холуй, Мстера, Вязники и другие места), писал, что местные мастера “занимаются не иконописанием, а производством икон <...> Пробелка платья, детали палат и утвари — все это только отчасти напоминает сходство с прежней иконописью <...> В дешевых иконах архитектура палат, например, имеет значение простой декорации. Производство икон такого сорта (так как нет никакого стиля) практикуется в громадном количестве. Иконы целыми возами отправляются на все базары и ярмарки, откуда офени или «ходебщики» разносят их по всем концам России”²⁷.

В качестве иллюстрации к вышесказанному можно упомянуть о старообрядческом иноке Софонии, известном в конце XIX в. уральским властям (в частности, в Оханском и Кунгурском уездах) под фамилиями Сахарова и Зверева. Основным его занятием была перепродажа икон. “Накупив дешевых, или писанных по его заказу икон плохой работы, он продавал их, как написанные иноками-старообрядцами”²⁸. Другие торговцы иконным товаром специально “коптили” образа, придавая им “древний” вид и сбывали эти подделки как старинные реликвии. Необходимо также сказать, что артели “богомазов” (в основном, выходцев из Подмосковья) каждый год посещали Урал и Сибирь в поисках заработка, насыщая местные рынки десятками и сотнями икон часто не самого высокого качества.

Ранее мы неоднократно говорили о том, что с XVI до начала XX вв. в России неоднократно выходили распоряжения, касающиеся иконописания, однако единого общероссийского свода правил, которым должны были следовать иконописцы так и не появилось. На наш взгляд, особого внимания при изучении проблемы заслуживает деятельность епископа Екатеринбургского и Ирбитского Ириней (в мире Х. М. Орда), возглавлявшего Екатеринбургскую епархию в 1900—1902 гг. Именно благодаря его усилиям была предпринята единственная известная нам попытка ввести иконописание (хотя бы на территории одного региона) в определенные рамки.

Преосвященный Ириней (1840—1904) родился в семье священника Полтавской епархии²⁹. Богословское образование он получил в Полтавской семинарии и в Киевской Духовной академии. Ириней проявил себя



Ил. 10. Ириней (Орда),
епископ Екатеринбургский
в 1900—1902 гг.

²⁷ Богатенко А. Я. Стиль в русской современной иконописи. С. 43.

²⁸ Агафонов Н. Из жизни чернецов раскола // ПЕВ. 1899. № 19. С. 445.

²⁹ Биографию еп. Ириней см.: Преосвященный Ириней, епископ Екатеринбургский и Ирбитский // ЕЕВ. 1900. № 8—9. С. 214—223; Эфрон (Литвин) С. К. Памяти епископа Ириней // Исторический вестник. 1904. № 7. С. 121—130.

не только как хороший администратор и организатор, но и как талантливый ученый-богослов, автор многочисленных научных трудов. До того, как попасть на Урал, он долгое время служил в Киевской епархии. В 1888 г. был хиротонисан в сан викарного епископа Уманского. С 1892 г. возглавлял Могилевскую епископию, с 1893 г. — Тульскую, с 1896 г. — Подольскую.

Недолгое пребывание Ириней на Урале отмечено рядом мер, направленных на упорядочение епархиальной и церковно-приходской жизни. Под его наблюдением и при непосредственном участии было предпринято издание описания всех приходов и церквей епархии (Екатеринбург, 1902), до сих пор не превзойденное по широте охвата материала. Епископ Ириней стал также инициатором составления “Правил к руководству причтам и старостам церквей епархии при устройстве иконостасов, написании новых икон и обновлении старых”, утвержденных 28 сентября 1901 г.³⁰

Естественно, что составляя эти правила Владыка Ириней отнюдь не собирался “изобретать велосипед”. Напротив, почти каждый из пунктов имеет отсылку на соответствующий законодательный акт. Всего таких ссылок 20. При этом следует отметить, что, по нашим подсчетам, за время с начала XVIII по начало XX вв. всего в России было опубликовано около 30 различных документов, касающихся иконописания (от общих распоряжений до частных, посвященных изображению того или иного святого). Таким образом, большинство из них использовано при составлении “Правил”.

“Правила” Ириней состоят из 20 параграфов, из которых 3 первых посвящены характеристике стиля и требований к качеству исполнения. В параграфах с 4 по 13 приводится список запрещенных икон, среди которых упомянутые нами сюжеты коронования Богородицы, Христофора с песьей головой, Троеручицы, Александра Невского в монашеских одеждах и т. п. Параграфы 14–16 подробно описывают иконостас и расположение в нем образов. Параграфы 17–19 касаются вопросов поновления икон. В заключительном параграфе говорится о требованиях, предъявляемых к иконописцу (см. Приложение к настоящей статье).

Необходимо признать, что “Правила”, утвержденные епископом Иринеем, в силу целого ряда причин, не оказали особого влияния на уральскую иконописную традицию. Вместе с тем, они представляют несомненный интерес как одна из наиболее завершенных попыток создания свода законов для упорядочения иконописания (хотя бы и на территории одной отдельно взятой епархии).

³⁰ Правила к руководству причтам и старостам церквей епархии при устройстве иконостасов, написании новых икон и обновлении старых // ЕЕВ. 1901. № 20. С. 415–419.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Правила к руководству причтам и старостам
церквей епархии при устройстве иконостасов,
написании новых икон и обновлении старых
и вообще при украшении храмов священными изображениями.
Утверждены Его Преосвященством 28 сентября 1901 г.*

1. Иконы как в иконостасе, так и в других местах храма, должны быть в стиле древнего греческого образописания^{*1}.

2. В иконописании церковный стиль должен быть выдерживаем во всей строгости. “Иконы суть книги, написанные вместо букв лицами и вещами”^{*2}, и отсюда их учительный характер. В то же время иконы — предмет почитания; они предназначаются для молитвы и должны возвышать дух молящегося христианина. В иконах все должно быть серьезно, величественно, все должно возвышать молитвенный дух, направляя его к небу.

3. Исполнение икон должно удовлетворять требованиям исторической истинности изображений, определяемой не произвольными домыслами и соображениями иконописца, а устойчивым церковным преданием. Это требование имеют в виду церковные определения, когда говорят о необходимости писать иконы “по образу и подобию и по лучшим древним образцам, а от своего измышления ничтоже предтворяти”. О лице и виде многих святых сохранились предания, от которых иконописец не должен отступать. В особенности не должны быть искажаемы такие важнейшие и общеизвестные иконографические образы, как образ Иисуса Христа, Богородицы, ап. Петра и Павла, ап. Андрея, Фомы и др. Изображаемые на иконах лики святых должны соответствовать возрасту, званию, трудам и подвигам тех святых. Историческая верность должна быть соблюдаема также относительно одежд, местностей и других обстановочных изображений, воспроизводимых на иконах.

4. Иконы должны соответствовать учению Православной Церкви. Поэтому латинское изображение “коронования Божией Матери” не должно быть допускаемо в церквях, как не соответствующее духу и учению Православной Церкви. Запрещаются также изображения “писанные суемудрием раскольническим”^{*3}.

5. Изображения на иконах должны удовлетворять требованиям искусства и эстетического вкуса^{*4}. Изображаемые на иконах лица и фигуры не должны иметь уродливостей, все части их должны гармонировать между собою. Следует также избегать излишней пестроты в красках. Иконы “неискусно написанные”, или “написанные в странном виде”, или содержащие в себе “вымыслы суемудрия дикого”, не должны иметь места в церквях^{*5}. Поэтому не допускается изображе-

^{*1} В тексте стоит помета: “Инстр[укция] благ[очинным] п. 1”

^{*2} В тексте стоит помета: “Простр[анный] Прав[ославный] Катех[изис]”. Ср.: *Филарет (Дроздов)*. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной церкви... // Православный церковный календарь на 1991 г. М., 1990. Ст. 517.

^{*3} В тексте дана отсылка на Синодский указ 24.03.1722 г., на самом деле этот указ вышел 24.03.1728 г.

^{*4} Определение Святейшего Синода от 24.03—14.04.1880 г.

^{*5} Указ Святейшего Синода от 24.03.1722; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1890. Ст. 95.

ние св. мученика Христофора с песьей головой^{*6}, изображение Богоматери с наименованием “Спорительница хлебов”^{*7}, а также икона “Троеручицы” с тремя естественными руками^{*8}.

6. Лики святых на иконах должны изображаться непременно в сиянии, т. е. в нимбе венцах^{*9}.

7. На скрижалях, изображаемых в руках пророка Моисея, порядок заповедей должен быть обозначаем славянскими буквами и самые заповеди на изображениях скрижалей, устраиваемых для помещения в церквях, должны быть написаны также церковнославянскими буквами^{*10}.

8. Запрещается изображать на иконах одни символические (образовательные) знаки, как, напр. Агнца вместо Христа Спасителя, символических животных вместо евангелистов^{*11}.

9. Запрещается изображать св. Модеста, патриарха Иерусалимского со скотскими стадами^{*12}.

10. Запрещается изображать св. благоверного князя Александра Невского в монашеских (а не великокняжеских) одеждах^{*13}.

11. Из уважения к святости св. животворящего Креста не допускается изображать его на полу^{*14}.

12. Запрещается иметь в церквях отливные или резные иконы, кроме распятий искусной резьбы и некоторых других лепных изображений, на высоких местах поставленных^{*15}.

13. Привески к образам из серебра или золота должны быть отбираемы в церковную казну, так как от сих приношений “чинится иконам безобразие, а от инославных укоризна на церковь”^{*16}.

14. В украшении иконостасов высочайше повелено избегать резных изображений над оными, так как они, кроме опасности, которая может произойти иногда

^{*6} Указ Святейшего Синода от 31.08.1722, № 4079 (ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 6. С. 762–763).

^{*7} Определение Святейшего Синода от 17–23.07.1896 (Церковные ведомости. 1896. № 3. С. 308).

^{*8} Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам (Церковные ведомости. 1888. № 28. С. 181. П. 22).

^{*9} Указ Святейшего Синода от 24.01.1856.

^{*10} Определения Святейшего Синода от 10.01–08.02.1891 (Церковные ведомости. 1891. № 7. С. 40).

^{*11} Устав о предупреждении и пресечении наказаний... Ст. 94.

^{*12} Указ Святейшего Синода от 05.09.1732 (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1893. Т. 6. № 1127).

^{*13} Указ Святейшего Синода от 15.06.1724 (Полное собрание постановлений и распоряжений... 1868. Т. 2).

^{*14} Правила Вселенского Собора пято-шестого, трулльского. Правило 73 // Христианское чтение. 1850. Кн. 11. С. 315–316.

^{*15} В тексте дана отсылка на Синодский указ от 31.08.1721 г. На самом деле этот указ вышел 31.08.1722 г. (см. комментарий № 6); Устав о предупреждении и пресечении наказаний... Ст. 91.

^{*16} В тексте дана отсылка на Синодский указ от 19.01.1772 г. На самом деле этот указ вышел 19.01.1722 г., № 3888 (ПСЗ-1. Т. 6. С. 485–486).

от ветхости, бывают обыкновенно изваяны весьма худо, без соблюдения надлежащей правильности и приличий^{*17}.

15 Не дозволяется иметь в церквях каких-либо не священных изображений и даже портретов царских^{*18}.

16. Расположение икон в иконостасе должно быть такое: на правой стороне царских врат ставится икона Спасителя, а рядом с ней (если же рядом с ней бывают южные двери, то рядом с южными дверями) помещается икона храмового праздника. Налево от царских врат ставится икона Божией Матери, а на самых вратах — иконы Благовещения Пресвятой Богородицы и евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Над царскими вратами помещается икона Тайной вечери, а на северных и южных дверях архангелы (Михаил или Гавриил) или архидиаконы. В более обширных храмах, где иконостасы многоярусные, во втором ярусе располагаются иконы двенадесятих праздников. В третьем ярусе изображаются святые апостолы и среди них, над иконой Тайной вечери, икона, называемая “Деисус”, т. е. изображение Иисуса Христа в царском или архиерейском одеянии, с изображением Божией Матери с правой стороны и Иоанна Предтечи — с левой. В четвертом ярусе пишутся изображения пророков и между ними икона Божией Матери с предвечным младенцем, в пятом — ветхозаветных патриархов. Пророки изображаются с теми знаками, какими преобразовательно они изображали таинство воплощения, например, Аарон изображается с прозябшим жезлом, Давид — с золотым ковчегом, Иезекиил — с затворенными вратами. Верх иконостаса увенчивается крестом или распятием^{*19}.

17. Иконы в церквях, в случае их порчи, должны быть своевременно поновляемы^{*20}.

18 Поновление иконописи в церквях должно производиться непременно с ведома епархиального начальства^{*21}, которое в случае необходимости ремонта в древних церквях испрашивает разрешение Святейшего Синода^{*22}.

19. При возбуждении ходатайства перед епархиальным начальством о разрешении устройства новых или ремонтировке старых иконостасов обязательно должны быть представляемы проектные чертежи иконостасов с указанием на них расположения икон.

20. Мастера, которым будет поручаемо построение иконостасов и украшение храмов священными изображениями, должны быть православного исповедания и отличаться доброй нравственностью; при исполнении работ в самих храмах они должны вести себя прилично, не допускать курения табака, не работать в фуражках, и вообще не должны позволять себе ничего такого, что оскорбляет святость храма.

^{*17} Высочайший указ от 02.07.1835 г.

^{*18} Устав о предупреждении и пресечении наказаний... Ст. 91.

^{*19} В тексте стоит помета “Сим[еон] Сол[унский]. Гл. 136”. Вероятно, имеется в виду его сочинение “Книга о храме и о священных тайнах”.

^{*20} В тексте дана отсылка на Синодский указ от 12.11.1743 г. На самом деле этот указ вышел 12.11.1753 г., № 10150 (ПСЗ-1. Т. 13. С. 925—926).

^{*21} Устав Духовных Консисторий. СПб., 1883.

^{*22} Определение Святейшего Синода от 20.12.1878—09.01.1879.

Ю. А. Гончаров

Традиции церковного шитья на Урале

Одним из древнейших видов творчества является искусство художественного шитья, в котором различают два главных направления: лицевое и орнаментальное.

Лицевое шитье, часто называемое “живописью иглой”, стало известно на Руси с конца X в. и получило широкое распространение. Его расцвет приходится на период XV—XVII вв. Изделия, выполненные в технике лицевого шитья: покровцы на церковные сосуды, одежды священнослужителей, подвесные пелены под иконы, покрывала для алтарных престолов и гробниц святых, завесы для царских врат, плащаницы, хоругви, шитые иконостасы и проч. — использовались в отправлении христианского культа и в декоративном убранстве храмов. Шитье орнаментальное, развивавшееся на основе дохристианских традиций народной вышивки, долгое время существовало как параллельно, так и в тесном взаимодействии с лицевым. Оно часто использовалось для обрамления лицевого шитья на каймах пелен, покровов и т. д., а в украшении облачений имело самостоятельный характер. С XVII в., с завершением развития лицевого шитья, орнаментальное получает широкое распространение; оно все более усложняется за счет освоения новых техник и материалов и разработки орнаментов, что, в целом, ведет к усилению декоративного начала. Особого великолепия достигало орнаментальное шитье на облачениях высшего духовенства: митры, саккосы, фелони, поручи, епитрахили, палицы, омофоры, зарукавья и каймы подризников — вышивка на которых зачастую производит впечатление изощренного узорочья.

Своеобразной разновидностью шитьевого мастерства следует считать искусство оформления шитых венцов, риз и окладов на иконы, получившее развитие с XVI в. С XVIII столетия появляются и шитые иконы, исполнявшиеся в различных материалах, например, бисерные. В качестве основы для художественного шитья использовались одноцветный шелк, тафта, камка, атлас; со второй половины XVII в. получает развитие шитье по бархату и бумажной канве; в XIX в. вводится шитье по сукну и т. д. Материалы, применяемые в шитье, также были весьма разнообразны: разноцветные шелковые нити, которые с XVI в. начинают вытесняться золотными и серебряными (так называемое золотное ши-

тье) всевозможных сортов (пряденые, сканые, волоченые, канитель, трунцал, бить); обильно применяется жемчуг (речной и морской), битый перламутр; с XVIII в. — металлические блески, бисер, стеклярус.

Для каждого этапа развития шитья характерны свои особенности как в применении материалов, так и в технических приемах, мотивах орнамента, развивавшегося под воздействием господствовавших в то время стилей и изменчивого художественного вкуса. Наибольшим разнообразием отличается орнаментальное искусство XVIII в. Наряду с такими традиционными видами, как золотное и жемчужное шитье, появляется бисерная вышивка, многоцветнее и прихотливее становятся мотивы орнаментов, варьирующих узоры привозных драгоценных тканей, восточных и западноевропейских, с традиционным в русском искусстве травным узором, подвергшимся влиянию европейских стилей барокко и рококо. В это время наряду с драгоценными применяются цветные камни и стекла. Традиция золотного и жемчужного шитья сохраняется и в XIX в., хотя настоящий жемчуг почти полностью вытесняется поддельным. К первой четверти XIX в. своего расцвета достигает многоцветная вышивка мелким бисером; но начиная с середины XIX в. бисер становится крупнее, а цветовая палитра значительно беднеет; работы рубежа XIX—XX вв. страдают чрезмерной сухостью и размытостью цвета. Позднее большое распространение получает сочетание орнаментального шитья с масляной живописью либо аппликацией из ткани или бумаги, применявшееся при оформлении плащаниц, хоругваей, покровцов, шитых икон и т. д.

Хронологические рамки развития церковного шитья на Урале могут быть определены в границах XVII — начала XX вв. Первые из известных нам произведений связаны с Сольвычегодскими мастерскими Строгановых, изделия лицевого шитья из которых сосредоточены в центральных, поволжских и прикамских музеях. Круг памятников, относящихся к строгановскому шитью, хорошо изучен; изображения многих произведений опубликованы в искусствоведческих трудах и музейных каталогах.

Менее исследованным является вид орнаментального шитья, получивший на Урале развитие с XVIII в. в мастерских женских монастырей и в работах женского домашнего ремесла. Начиная с первой четверти XIX в. крупным центром золотошвейного и вышивального дела являлся Новотихвинский женский монастырь в г. Екатеринбурге. Основание рукодельных ремесел в обители относится к 1817—1820 гг. Для ознакомления с тонкостями золотошвейного искусства екатеринбургские монахини в 40-х гг. XIX в. совершили ряд поездок в Москву, Петербург, Нижний Новгород, Киев, Арзамас и другие города. Это способствовало усовершенствованию ремесла и увеличению разнообразия изделий, создававшихся в монастыре — исполнялось шитье шелками, золотом и серебром, синелью, бисером по бархату и другим материям. Расшивали плащаницы, хоругви, покровцы на потиры, дискосы, всякую церковную утварь и изделия для частных лиц. Оформляли ризы на иконы из золотной и серебряной канители, мишуры, бисера, фольги. В начале 1840-х гг.

получило распространение шитье по канве (трафарету); с 1896 г. освоено рисование по полотну и бархату. Монастырь имел заказчиков на громадной территории Урала и Сибири. Расцвет золотошвейного искусства в монастыре приходится на 1840–1870-е гг. Впоследствии, с распространением фабричных изделий, заказов на такие работы стало меньше. Золотошвейное дело продолжало существовать и в начале XX в., вплоть до закрытия монастыря. Произведения, созданные в этот период, в основном использовали в монастырских храмах, жертвовали в ризницы архиерейских домов в Перми и Екатеринбурге, отсылали в Москву и Петербург, подносили юбилярам и именитым гостям, посещавшим монастырь.

В 1841 г. в Верхотурский Николаевский мужской монастырь была передана митра голубого бархата, шитая золотом, бисером, жемчугом и стразами, вклад настоятельницы Новотихвинского монастыря игумении Александры. В 1868 г. игумения Магдалина пожертвовала Верхотурскому монастырю митру с живописными иконами, шитую по белому глазету золотом и украшенную цветными камнями. В Христорождественской церкви Долматовского монастыря находилась плащаница, вышитая по малиновому бархату, декорированная аметистами и изображением Христа, изготовленная монахинями Новотихвинской обители в 1830 г. за 1400 руб. В 1868 г. во время визита в Екатеринбург Великого князя Владимира Александровича, ему была преподнесена шитая золотом икона Богоматери Тихвинской, созданная в Новотихвинском женском монастыре г. Екатеринбурга.

Золотное шитье было также распространено в других монастырях уральских губерний: в Казанско-Богородицком женском монастыре в г. Касли шили церковные облачения, вышивали шелком и шерстью; по отзывам инспектирующих лиц, в Покровском монастыре в с. Колчеданское Камышловского уезда было доведено до совершенства золотошвейное дело; в Покровском женском монастыре в Верхотурье до 8 монахинь в день трудились над изготовлением церковных облачений; славились вышивкой золотом Одигитриевский женский монастырь в Челябинске и Благовещенский женский монастырь в Уфе.

Не отставали и мужские монастыри: ризошвейная мастерская Николаевского монастыря исполняла заказы для храмов Верхотурского уезда. По документам известно имя Серафима, иеромонаха Далматовского монастыря, известного искусным шитьем церковных облачений.

На рубеже XIX–XX вв. появляется большое количество частных мастерских по пошиву церковных облачений (только в одном Екатеринбурге их насчитывалось восемь), при которых работали и вышивальщицы гладью. Вовлеченные в конкуренцию, владельцы постоянно помещали рекламу в местных периодических изданиях. Это же относится и к монастырям.

В работах женского домашнего ремесла выделяется направление украшения икон шитыми окладами — на холщовую основу плотно, бусина

к бусине, нашивается крупный бисер, стеклярус, цветные стекла или камни. Наиболее интересны среди работ этого направления иконы, созданные в старообрядческой среде. Техника исполнения — позднего времени, но в растительно-цветочном узоре ощущаются отголоски старинного русского орнаментального шитья. На окладе иконы Богоматери “Утоли моя печали” применено шитье “по карте” мелким бисером белого цвета разных оттенков, что создает иллюзию металлической поверхности. Включенные в декор кварцы, жемчуг, аметисты поддерживают драгоценность вещи. Памятник происходит из семьи известных уральских иконописцев Филатовых и является обетным.



Ил. 1. Богоматерь “Утоли моя печали”
(в шитом окладе)

В музейных коллекциях и действующих церквях находится обширное число памятников позднего орнаментального церковного шитья: священнические облачения, плащаницы, покрова, воздухи, хоругви, шитые ризы, оклады на иконы и т. д. Основное количество работ, несомненно, местного происхождения. Немногие памятники можно отнести к группе привозных предметов, приславшихся на Урал в основном из Москвы. Среди них можно обнаружить достаточно ранние произведения XVI—XVII вв., что объясняется, по свидетельствам документов, особенно обильным в это время потоком посылаемых из центральной России облачений и церковной утвари в строящиеся уральские церкви и первые монастыри края. К этой же группе относятся работы и самого позднего времени — рубежа XIX—XX вв. Так, для нового Крестовоздвиженского храма Верхотурского мужского монастыря шитые облачения, хоругви и проч. были приобретены в магазинах столичных фабрикантов А. В. Голосова и П. И. Оловянишникова в 1913—1914 гг. В начале XX в. свой товар выставлял на продажу через Ирбитскую ярмарку фабрикант церковных изделий из г. Царицын И. Рысин.

Для исследования церковного орнаментального шитья необходим комплексный подход: изучение применяемых для декора материалов, многочисленных приемов вышивки и шитья, видоизменения ткани, развития орнамента, кроя и т. д.; систематизация музейных коллекций, восстановление истории бытования памятников, привлечение документальных источников. Работа эта настолько обширна, что должна стать темой отдельного исследования.

Мы же ограничимся рассмотрением одного из направлений в области церковного орнаментального шитья — шитых окладов и икон.



Ил. 2. Риза и оклад на икону
Богоматерь Федоровская

Из числа привозных работ к настоящему времени зафиксирована шитая риза на икону “Богоматерь Федоровская” — московский памятник второй половины XVIII в. Риза выполнена на тканой основе, в технике серебряной канители “по карте”. Нарочь и мафорий Марии со вставками из камней и цветных стекол шиты речным жемчугом “на настил” и бисером по бумажной канве с подкладкой из цветной фольги. В целом, в оформлении памятника прослеживаются технические приемы и декоративное решение, появившееся в XVII в., где на первом плане было богатое узорочье. S-образный орнамент в жемчужном шитье характерен для московского искусства XVII—XVIII вв. Само шитье является составной частью достаточно сложного

оформления этого памятника. Его декоративный характер усиливается за счет прихотливо орнаментированного в традициях московского рококо последней четверти XVIII в. серебряного оклада, закрывающего поля и частично фон иконы, дополненного узорчатыми с сиянием нимбами. Он воспринимается как богатая рама для драгоценной живописи.

Из памятников, выполненных в местных монастырских мастерских, выявлены: шитая икона “Святая Евпраксия”¹ и два шитых оклада на икону “Богоматерь Тихвинская” (СОКМ), местонахождение которой в настоящее время неизвестно. Оба они демонстрируют технику золотного шитья и выполнены в традиции орнаментальной вышивки. Оклад на икону “Богоматерь Тихвинская” является образцом сложившейся на рубеже XVIII—XIX вв. традиции оформления. Оклад выполнен шитьем на тканой основе золотной нитью “в прикреп”, косым рядом; контур Богоматери и Младенца — плотным шитьем “по карте”, что создает впечатление объема; узорно-стрельчатые края нимбов — золотной канителью; нимбы, кайма одежды и наручь Марии оформлены жемчужной перевитью, в гнезда которой крепятся драгоценные камни: бериллы, аквамарины, аметисты, горные хрустали (в настоящее время 168 камней утрачено). Второй половиной — концом XIX в. можно датировать икону “Святая Евпраксия” (ил. 3), которая до 1908 г. принадлежала игумении Евпраксии, о чем свидетельствует надпись на обороте. Картонная основа в бархатной рубашке и фон иконы плотно затканы золотной нитью, что создает иллюзию металлической поверхности. Разделка позема отличается шитьем “в прикреп”; рамка выполнена в виде плетенки из трунцала и канители, украшенной жемчугом и блестками. На золотом фоне объемно дана фи-

¹См.: Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX вв. Альбом-каталог. Екатеринбург, 1998. Кат. № 630. С. 144 (ил.), 243.



Ил. 3. Шитая икона “Святая Евпраксия”

гура святой в рост, оформленная в технике шитого бархата с тонким травным орнаментом. Пышность иконы достигается при помощи аппликации и различных приемов вышивки.

Во второй половине XIX в. зафиксированы две разновидности шитых окладов. К первой относятся памятники выполненные в соответствие с традиционными представлениями об оформлении, а ко второй — те, что изготовлены с учетом более современных художественных стилей в которых очень заметна тенденция к украшательству.

Оклад на икону “Спас Вседержитель” (ил. 4) оформлен традиционно: бисер крупный, одноцветный, уложен на холст ровными рядами. Рамка и



Ил. 4. Бисерный оклад на икону
"Спас Вседержитель"

(СОКМ) — пример так называемых бисерных икон, получивших распространение после освоения в XVIII в. бисерной вышивки, то есть шитья мелким многоцветным бисером по канве, с тонкими цветовыми переходами, создающими впечатление живописной мозаики (ил. 6). Подробная



Ил. 5. Бисерный оклад на икону
"Богоматерь Казанская"

проработка деталей наводит на мысль, что мастерица, выполнявшая эту работу, имела перед собой изображение-оригинал (например, цветную гравюру).

Среди икон в шитых окладах, которые мы относим к направлению женских домашних ремесел, два памятника, связанных со старообрядческой средой, поступили в областной краеведческий музей из Невьянска и Шуралы. Произведения однородны по времени и близки по оформлению: применены приемы и материалы, характерные для второй половины XIX в.: шитье крупным одноцветным бисером и стеклярусом по холщовой основе, с включением искусственного жемчуга, камней, цветных стекол, закрепленных в кастах, на дно которых проложена фольга-подсветка. В перегруженных орнаментом больших нимбах, цветочно-растительном узоре,

Первой половиной XIX в. датируется икона "Святая Варвара"

ковчег — цветные. Крупные бусины образуют розетки вокруг цветных стекол декора. Нимб роскошен, хотя производит впечатление некоторой тяжеловесности.

На икону "Богоматерь Казанская" (ил. 5) оклад выполнен в иной манере. Шитье "по карте" мелким разноцветным бисером, декор перегружен — открытыми оставлены личное, фигурки избранных святых и надписи. Обилие цветных ограненных стекол, видимо, призвано показать значимость этого иконографического извода Богоматери. Во всем украшении оклада преобладают геометрические элементы.

В перегруженных орнаментом больших нимбах, цветочно-растительном узоре,

выделенном цветом на однотонном фоне, — отголоски русского шитья, передающего драгоценность вещи.

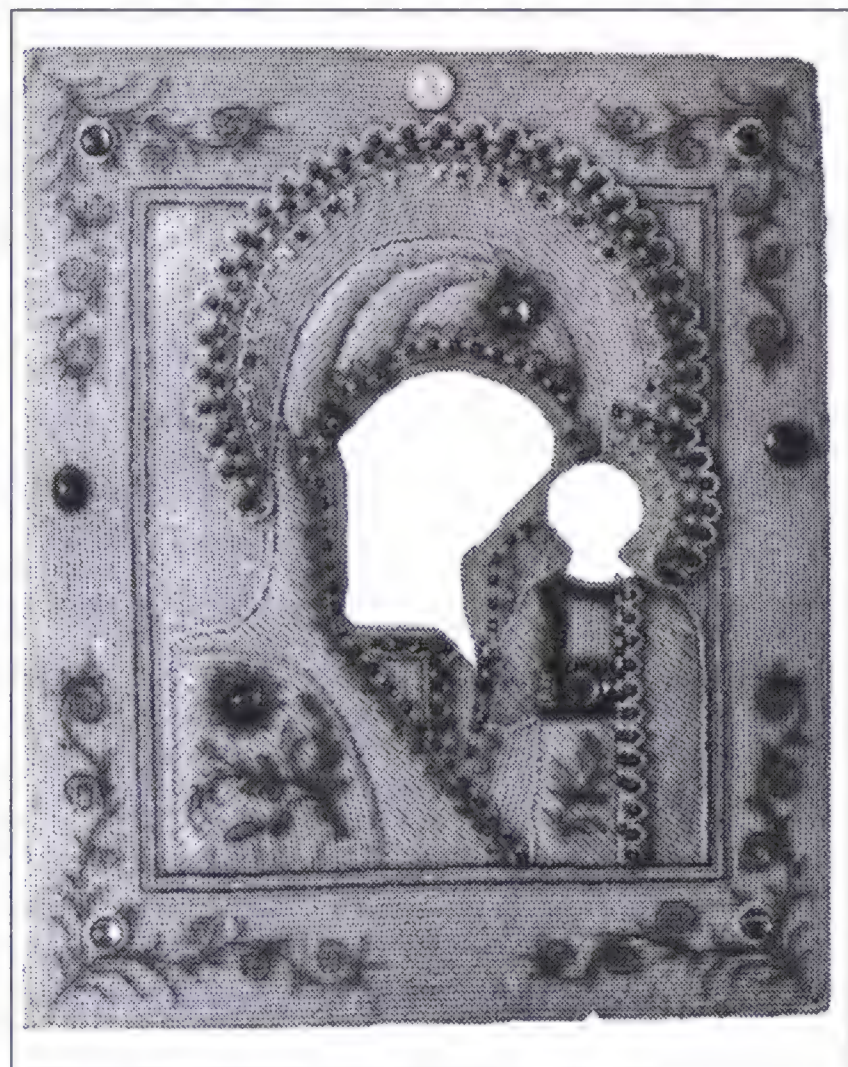
Наиболее поздний из рассматриваемых памятников относится к рубежу XIX—XX вв. Это икона “Симеон Верхотурский”² (СОКМ) в шитом окладе и шитый оклад на икону “Богоматерь Казанская” (СОКМ, сама икона утрачена). На первой иконе применено шитье бисером по холщовой основе: бисер крупный, одноцветный, шит под углом, как бы собран пучком, что придает окладу орнаментальность; фигура святого оставлена полностью открытой, перегруженный вставками из стекол нимб чуть ли не корончатый. В целом, в оформлении памятника прослеживаются черты крестьянской вышивки. Оклад на икону “Богоматерь Казанская” — тщательно набранное на тканый фон и бумажную канву бисерное шитье со строгим и сухим линейным ритмом бусин (ил. 7). Для украшения, наряду с цветным стеклом, введена даже перламутровая пуговица. Зафиксированы два идентичных шитых оклада: первый — в коллекции областного краеведческого музея в Екатеринбурге, второй — в одной из действующих церквей Свердловской области.

Примечательно, что монастыри изготавливали не только церковные, но и светские вещи.

В 1914 г., ко дню десятилетия царевича Алексея, монахини Екатеринбургского Новотихвинского женского монастыря изготовили престолонаследнику чепрак и уздечку. Чепрак из синего казачьего сукна: на правой стороне вышитый золотом и украшенный уральскими камнями двуглавый орел, гладью



Ил. 6. Бисерная икона “Святая Варвара”



Ил. 7. Шитый оклад на икону “Богоматерь Казанская”

² Уральская икона. Кат. № 562. С. 232.

шелками вышиты гербы справа — Пермской губернии, слева — г. Екатеринбурга, а также вышиты золотом и украшены камнями инициалы царевича. Под сукном войлочный чепрак подбит синим атласом. Казачья уздечка украшена белыми и дымчатыми топазами и двумя аметистами. Поводья скреплены крупным дымчатым топазом.

Рассмотренные памятники в целом дают представление об эволюции в развитии орнаментального шитья в поздний период. Даже предметы такого узкого круга, как шитые иконы и оклады могут быть рассмотрены подробнее, если воспринимать их как часть церковного шитья, составляющего обширное направление в развитии русского орнаментального искусства.



Ю. В. Ключкина

**“...Проживая в молельне,
занимается изготовлением и распространением
контрреволюционной литературы...”**

(данные к биографии старообрядческого “изуграфа” XX в.
Е. П. Губкина по материалам судебно-следственного дела)*

1937 год черной полосой прошел по жизням миллионов граждан Советского государства. Ужесточение антирелигиозной политики в 1937—1938 гг. фактически свело к нулю возможность открытой деятельности организаций верующих, а нелегальная рассматривалась как “контрреволюционная”. В числе тех, кого затронули репрессии, были и деятели старообрядчества. На Урале по печально знаменитой 58 статье за устройство молитвенных собраний и беседы на религиозные темы (что, по мнению органов следствия и суда, являлось антисоветской агитацией) десятки еще остававшихся старообрядческих священников и наставников были арестованы и осуждены¹. Среди них был и руководитель общины часовенных Елисей Петрович Губкин, человек, которого можно назвать одним из последних уральских иконописцев и иллюстраторов.

Е. П. Губкин родился в 1874 г. в семье крестьян д. Потаскуевой Рамыльской волости Камышловского уезда Пермской губернии. Позднее Губкины переселились в Сибирь². Но обосноваться на новом месте, около Томска, как следует не удалось, и семья вернулась на Урал. Вскоре родители умерли. Елисей еле-еле сводил концы с концами, “благодаря

* Автор выражает благодарность сотруднице государственного архива административных органов Свердловской области Наталье Николаевне Ершовой за возможность работы с полным комплексом документов данного следственного дела (Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767) и предоставленные иллюстрации. Следует заметить, что в одном из малотиражных изданий УГААОСО краткие сведения о Е. П. Губкине и часть его работ уже публиковались, см.: Открытые архивы. Советская власть и религия. Екатеринбург, 1998. С. 22—26.

¹ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13607, 18252, 32016, 32188, 37982, 38535, 46637.

² В 1896 г. у скитниц, живущих около д. Потаскуевой было найдено “Письмо некоей Агафьи Тихоновны к некоей Доминике Кузьмовне с сообщением, что известный последний Петр Афанасьевич Губкин питает те же чувства, как и прежде, и приглашает ее прибыть в г. Барнаул к купцу Козлову... Письмо писано из Томска” (ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 89. Л. 28). Возможно, данное упоминание касается родителей Е. П. Губкина.

переплетному делу питался кое-как”, пока в 1913 г. жители д. Сысковой Камышловского уезда³, узнав, что он грамотен “по-славянски”, не пригласили его вести богослужения. С помощью старообрядческого общества новый служитель часовни смог купить себе избу, но от жалования сразу отказался, “считая неприличным за деньги совершать молитву, и питался своим собственным трудом” — то есть жил на средства, полученные за переписывание, иллюстрацию, переплет и реставрацию книг.

Хотя в материалах рассматриваемого ниже следственного дела (в доносе на наставника) и встречаются упоминания его иконописной деятельности: “Он меня обучал перепечатывать церковные книги... и учил к писанию икон... В 1930 году, когда происходило раскулачивание, то у гражданина Губкина была обнаружена одна недописанная икона... и много было обнаружено разных красок”, однако в настоящее время неизвестны иконы, написанные его рукой⁴. А вот сохранившаяся часть выполненных им книжных миниатюр позволяет достаточно высоко оценивать художественное мастерство автора (см. ил. 1—9 и на цв. вкладке ил. 8—11).

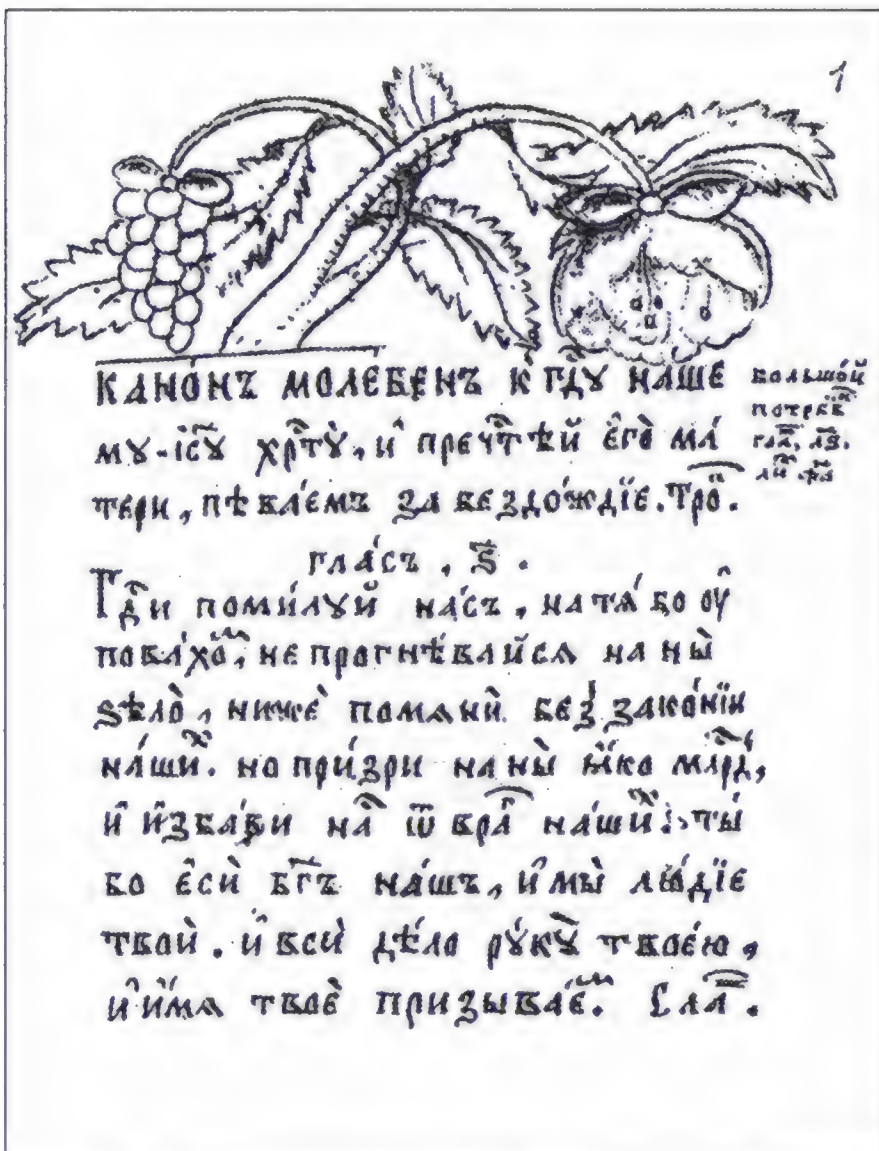
В расследование деятельности наставника началось в октябре 1937 г., когда в Пышминский райотдел НКВД от одного из местных комсомоль-



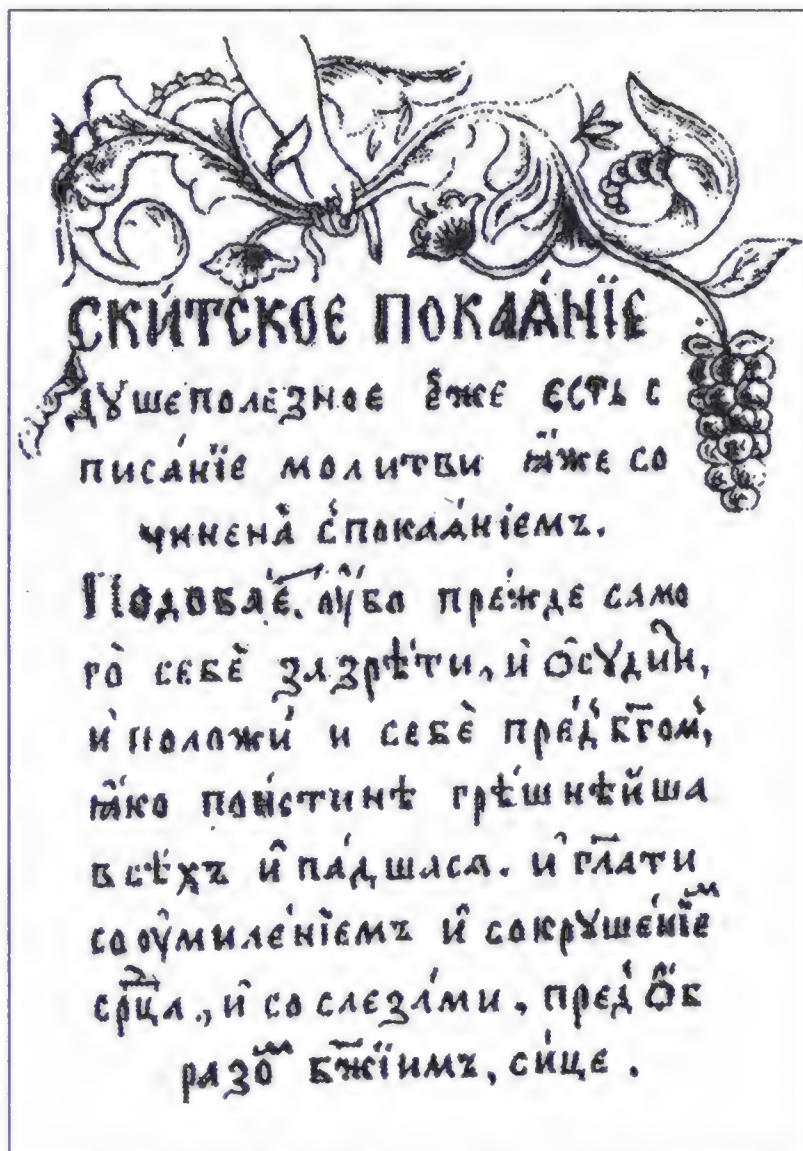
Ил. 1. Миниатюра из рукописи “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. 1937 г. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 1. № II/1. Л. 4 об.—5

³ Ныне д. Сыскова Пышминского р-на Свердловской обл. В истории старообрядческой общины этой деревни есть примечательный факт: ее представитель, Мартемьян Евдокимович Савин, наряду с известнейшими деятелями уральского староверия, в 1917 г. баллотировался в качестве одного из 19-ти делегатов от “Группы объединенных старообрядцев всех согласий Пермской губернии” на выборах в Учредительное собрание (НБ МГУ. Верхокамское собр. № 626/II. Л. 21 об., 22 об.).

⁴ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 10.



Ил. 2. Заставка к канону за бездождие.
1920–1930-е гг.
УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767.
Конверт 1. № V. Л. 1



Ил. 3. Титульный лист
Скитского покаяния.
1920–1930-е гг.
НБ УрГУ. VI.85p/697. Л. 1

цев поступило заявление о том, что “в д. Сысковой до настоящего времени проживет двоеданский поп, который занимается писанием икон, которые распространяет среди верующих... проводит в ночное время собрания с верующими и проводит агитацию, что скоро советской власти конец”⁵. В течение нескольких недель сотрудниками НКВД был собран материал на Е. П. Губкина, подтверждающий факты, указанные в заявлении, и 26 октября 1937 г. наставник был арестован. За день до ареста у него в доме произвели обыск и изъяли библиотеку, насчитывающую 48 томов. Вероятно, первой, большей, частью этих книг были богослужебные, а вторую составляли сочинения, предназначенные для душеполезного чтения. Из состава сохранившихся в деле рукописей видно, какие именно произведения переписчик считал наиболее предпочтительными для распространения среди верующих в то время. “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”, которое Е. П. Губкин взялся переписывать в августе — сентябре 1937 г., сохранилось в деле в 3 экземплярах: один был им полностью завершен, а два других остались не оконченными (ил. 1, прилож. 1. № 1–3). Елисей Петрович не успел также завершить изготовление двух канонов — “за бездождие” и “о вѣдре” (ил. 2, прилож. 1. № 10): в них не дописан текст и не прорисованы заставка и инициал, выполненные простым карандашом на первом листе. Вероятно, в последний

⁵ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 10.



Ил. 4. Настенный лист "Аптека духовная". Начало XX в.
УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 2. № V

год своей жизни он был занят еще и реставрацией нескольких миниатюр и текста "Жития Василия Нового и Григориева видения" (прилож. 1. № 4–8, см. цв. вкладку, ил. 9–10); предположительно, в качестве образца использовались иллюстрации "Жития", изданного в 1912 г. в Москве (ср.: ил. 6 в статье С. А. Белобородова и И. В. Починской "Коллекция рукописных и старопечатных книг..." и ил. 10 на цв. вкладке). Остальные рукописи в данном деле принадлежат к первой половине 1920-х гг. или же к еще более раннему времени (прилож. 1. № 11, 13–16, цв. вкладка, ил. 11). Они, скорее всего, были созданы также Е. П. Губкиным, но не по заказу, а для собственного пользования. Настенные листы (ил. 4–5, прилож. 1. № 15, 16) являются лубками, причем один из них — почти точная копия "Аптеки духовной" Ивана Соболящикова, гуслицкого мастера второй половины XIX в.⁶

Книги религиозного содержания уже являлись изобличающей уликой. Дополнением к этому должно было стать признание вины самим обвиняемым.

⁶ Иткина И. Г. Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XIX века. Из собрания Государственного Исторического музея. Москва. Альбом. М., 1992. С. 132, 215. Кат. № 82.



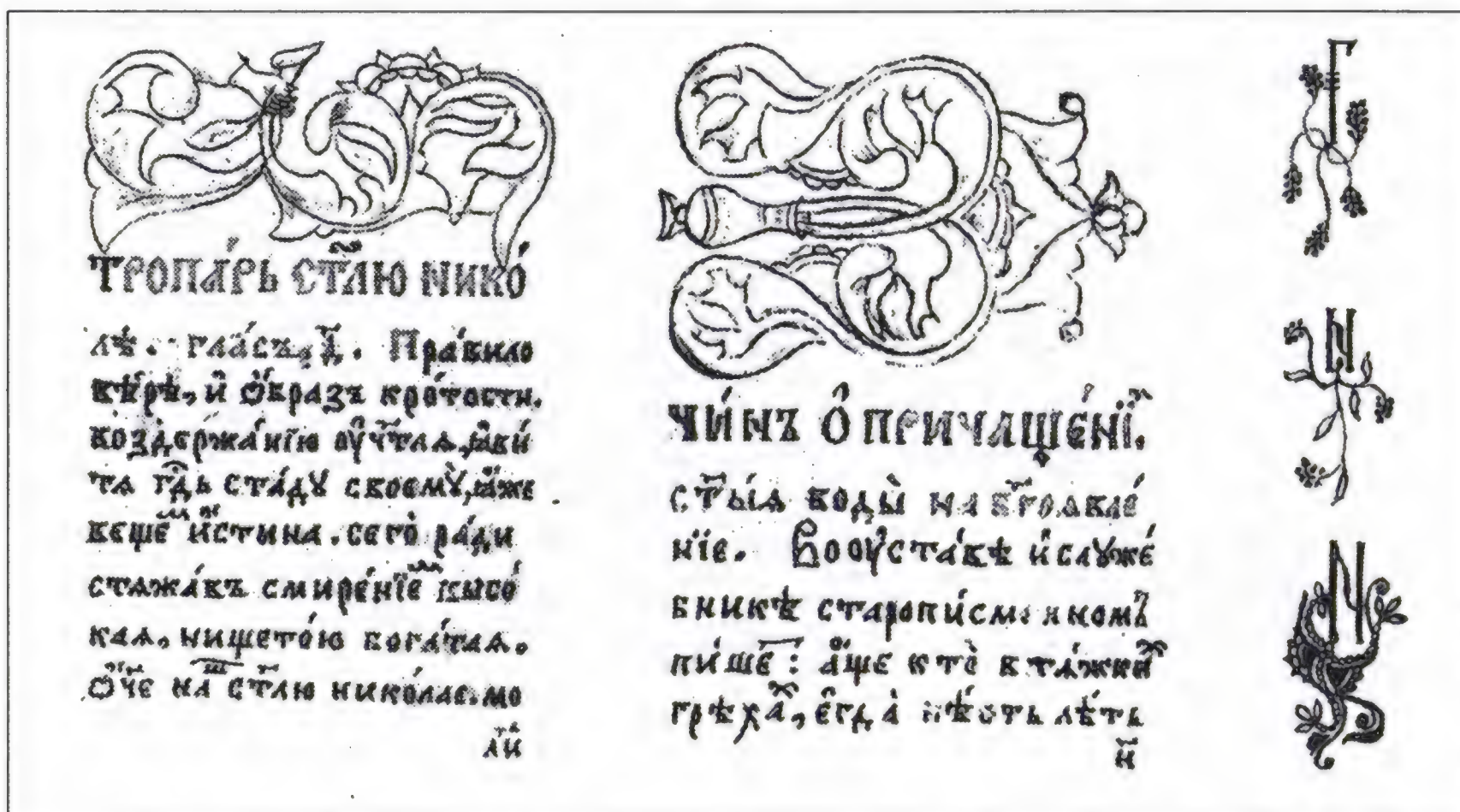
Ил. 5. Настенный лист “О славе небесней...” Начало XX в.
УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 2. № IV

Одна из специфических черт судебно-следственных дел того времени, состоит в том, что слова обвиняемых соединены с определениями сотрудников НКВД, заполнявших протоколы⁷. Например, на первом же допросе Елисей Петрович заявил, что в свою деятельность считает законной, поскольку в Сталинской Конституции есть пункт о свободе исполнения религиозных обрядов: “На этот пункт я и опирался в новой конституции, кроме этого, я рассказывал это колхозникам верующим на словах”⁸, и тут же в его показаниях встречается определение “контрреволюционный”: “я, исполняя обязанности наставника староверческого течения часовенного согласия, занимался изготовлением контрреволюционной литературы (книг-листовок)... я распространял [ее] с той целью, чтобы, во-первых, поддержать веру в Господа Бога, во-вторых, вразумить верующим, что они глубоко ошибаются покидая веру в Бога...”⁹. В продолжение этой темы Е. П. Губкину позволили пространные высказывания о колхозах: “Когда ко мне как к наставнику обращались верующие за советом по вопросу вступления в колхоз, то я, цитируя Священное писание разъяснял верующим: «Братья, стойте и держите предания, им же научитесь, в научения странна и различная не прилагаетесь». То есть из этого можно понимать, чтобы держаться того, чему нас учили родители, разъясняя им, чтобы не бросали веру в Бога, но ничуть не говорил о

⁷ Это прослеживается и в протоколах допросов 1950-х гг., см: Зольникова Н. Д. Уралосибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 175.

⁸ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 7 об.—8.



Ил. 6. Заставки и инициалы из Сборника-конволюта. Конец XIX — начало XX вв.
НБ УрГУ. XI.356р/5557

том, чтобы не вступали в колхоз..."¹⁰. После этого следует его собственное мнение по этому вопросу: "...я в своей душе был против колхозов, потому что колхоз это организация, противоречащая Священному писанию"¹¹. Все вышесказанное, дополненное "признанием", сформулированным в следующих словах: "...советская власть, созданная, по-моему мнению, Богом, в скором времени падет, в этом я убежден..." — было расценено Тройкой УНКВД как преступление по ст. 58 п. 10 ч. 1, за которое Елисей Петрович Губкин был приговорен к расстрелу. 17 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение¹².

После ареста наставника старообрядцы д. Сысковой и близлежащих деревень: Буньковой и Четкарино — опасались собираться на моления и старались жить как можно тише, чтобы не дать повода для обвинений в неприязни к новому строю. Впоследствии многие из них уехали из деревни и "старообрядческая" улица, где в основном жили прихожане "губкинской" часовни, постепенно превратилась в пустошь¹³.

Память о наставнике из д. Сысково хранят созданные им рукописи. Сравнение произведений хранящихся в УГААОСО с книгами фонда Древлехранилища Уральского государственного университета позволило выявить еще несколько работ этого переписчика. Например, "Скитское покаяние"¹⁴, которое по записям на переплетных листах датируется 1931 г.

¹⁰ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 9.

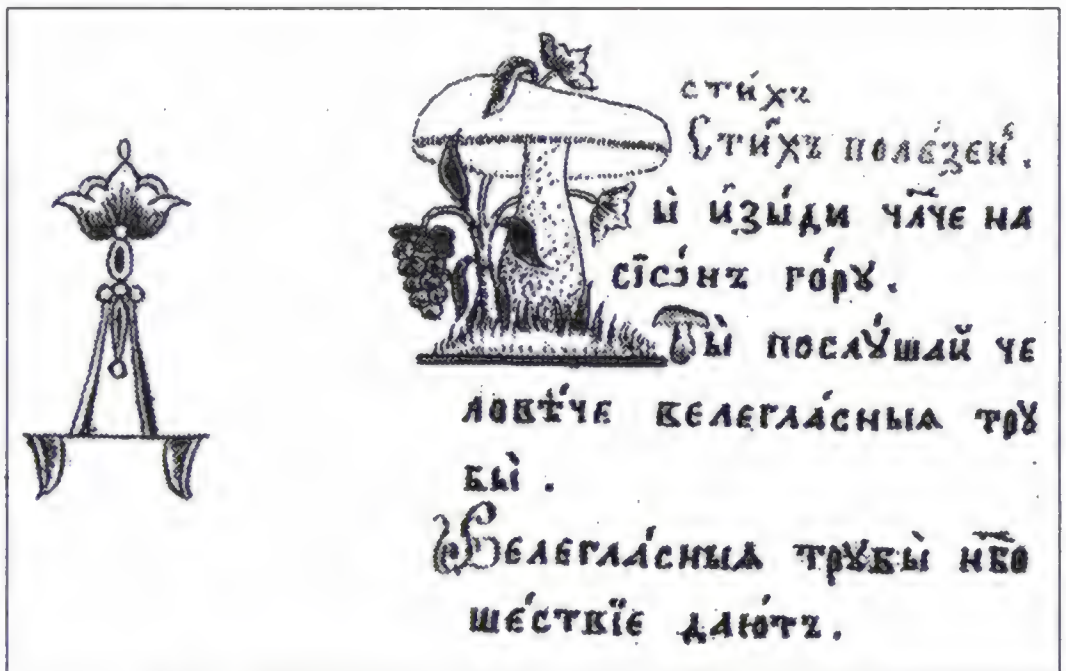
¹¹ Там же.

¹² По Указу Президиума Верховного суда СССР от 16 января 1989 г. Е. П. Губкин был реабилитирован.

¹³ Архив ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 130. Л. 3. Запись Ю. В. Клюкиной от 5.07.2001.

¹⁴ НБ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 85р/697. Краткое описание см.: Каталог старопечат-

(ил. 3). От владельцев, в 1976 г. передавших сочинение университету, известно, что “его писал Елисей Петрович”. Это также подтверждается сравнением почерков и изобразительных элементов “Скитского покаяния” с сохранившимися в судебно-следственном деле рукописями. Еще одна рукопись представляет собой сборник-кон-



Ил. 7. Инициал и рисунок из Стихарника.
Первая четверть XX в.
НБ УрГУ. VII.295р/5555

волют¹⁵. Кроме идентичности почерка, здесь присутствует характерная для Е. П. Губкина манера исполнения заставок. Например, рука, сжимающая стебель, листья и цветы которого образуют асимметричный орнамент (ил. 6)¹⁶. По этим же параметрам Е. П. Губкина следует считать переписчиком Стихарника, украшенного рисунком с растительными мотивами (цветы и виноградная кисть вокруг гриба), а также несколькими витиеватыми инициалами (ил. 7)¹⁷. Все имеющиеся на данный момент рукописи этого переписчика дают основание говорить о нем как о весьма талантливом мастере книжного дела. К сожалению, пока можно только предполагать, где и у кого Елисей Петрович Губкин получил навыки иллюстратора, но смеем надеется, что дальнейшие исследования позволят найти ответ на этот вопрос.

Ниже приводится описание рукописей, хранящихся в фонде государственного архива административных органов, и публикуется приобщенное к судебно-следственному делу письмо, написанное Е. П. Губкиным незадолго до ареста. Поскольку почти все сохранившиеся в деле произведения — рукописи, за исключением штемпельного оттиска “разрешительной молитвы” (прилож. 1. № 13), способ тиражирования в каждом отдельном описании не оговаривается. Опущено также упоминание о месте и времени получения данных материалов, поскольку, как указывалось выше, все они изъяты при обыске у Е. П. Губкина 25 октября 1937 г. в д. Сысково Пышминского района Челябинской области. В ос-

ных и рукописных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. Ч. 1. Екатеринбург, 1994. № 634. На последнем переплетном листе (л. 29 об.) — фрагмент письма: “Некаких денек не надо и прошу, что сделайте мне память — книгу при[шли]те...”.

¹⁵ НБ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 356р/5557. Сборник богослужебный. Конволют. Конец XIX — начало XX вв. 16°. 113 л. Получена в Тугулымском р-не Свердловской обл.

¹⁶ Там же. Л. 38.

¹⁷ НБ УрГУ. VII (Нижне-Тагильское) собр. 295р/5555. Стихарник. Первая четверть XX в. 8°. 20 л.

тальном же в публикации сохранен тот формуляр описательной статьи рукописной книги, который ранее уже применялся уральскими археографами, см.: Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Сост.: В. И. Байдин, А. Т. Шашков. В 2-х томах (Т. 1. Вып. 1–2. Свердловск, 1991; Т. 2. Вып. 1–2. Екатеринбург, 1993). При публикации письма (прилож. 2) сохранена орфография и пунктуация источника, исправления явных ошибок даны в примечаниях; предложенные мною дополнения к тексту и раскрытые сокращения приведены в квадратных скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Описание рукописей Е. П. Губкина

1. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № I. “УТЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ В СКОРБИ, БЕДЕ И ГОНЕНИИ” (выписка из издания середины XIX в., сочинение подготовлено к изданию в 1848 году). 9.09.1937 г. 16°. 64 л.

Бумага: л. 1–47 об. — белая, машинной выработки перв. пол. XX в.; л. 48–60 об. — желтая, машинной выработки перв. пол. XX в.

Письмо: полуустав одного почерка (писец — Е. П. Губкин), л. 42 — без текста.

В правом нижнем углу листа — буквенная пагинация.

Украшения: л. 1 — многоцветная рамка, раскрашенная карандашами; л. 1 об., 4 — заголовки, выполненные красными чернилами; л. 3 — изображение голгофского креста и главы Адама (аппликация из цветной бумаги, дополненная рисунком цветными карандашами и красными чернилами); л. 2–2 об., 4 об.—5, 7, 8–60 об. — колонтитулы, выполненные красными чернилами; миниатюры, выполнены цветными карандашами и акварелью на л. 3 об., 5 об., 6 об., 7 об., 42 об., 43 об., 44; заставки: многоцветные, выполнены цветными карандашами на л. 1 об., 4; инициалы: на л. 1 об., 7, 8, 43, 45, 60 — орнаментированные, выполнены красными чернилами; на л. 4 — многоцветный инициал, раскрашенный карандашами; л. 6, 7, 44, 60, 60 об. простые инициалы, выполненные красными чернилами.

Переплет: без обложки, корешок оклеен тонкой х/б тканью и прошит толстой ниткой.

Записи: л. 60 об. текст завершен записью Е. П. Губкина: “Ту же просьбу усиленно повторяет и трудившийся в переписании сего. М[еся]ца сентября в 9-й день 7745, 1937 года”; л. 2 об., 6, 7, 9–11 об., 12 об., 13 об., 14 об.—15 об., 17–17 об., 18 об.—19, 20–27 об., 28 об.—29 об., 30 об.—31, 32–32 об., 33 об.—34 об., 35 об., 36 об., 37, 38–39, 40, 40 об., 46 об., 47 об., 52–53, 55, 56 об.—57, 59 об. — на полях сделаны красными чернилами писцовые пометы к тексту.

Состав: л. 1 об.—60 об., “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. Нач.: “Предисловие к православному читателю. Случайно, смотрением Божиим, давелось мне прочесть предлагаемое сочинение...”.

2. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № II/1. “УТЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ В СКОРБИ, БЕДЕ И ГОНЕНИИ”. [Сент.—окт. 1937 г.] 16°. 38 л.

Бумага: желтая, из ученической тетради в линейку 1920–30 гг.

Письмо: полуустав одного почерка (писец — Е. П. Губкин), без окончания, л. 1–1 об. без текста.

В правом нижнем углу л. 2–38 — буквенная пагинация.

Украшения: рамка, выполненная простым карандашом (не раскрашенный аналог рамки из рукописи I, Л. 1), внутрь рамки помещено название рукописи, написанное красными чернилами; л. 4 — изображение креста (аппликация из зеленой бумаги); л. 2 об., 5 — заголовок, выполненный красными чернилами; л. 3–3 об., 5 об.—38 об. — колонтитулы, выполненные красными чернилами; л. 4 об., 6 об., 7 об., 8 об., 37 об., 38 об. — миниатюры, выполненные через копировальную бумагу и обведенные простым карандашом (аналоги цветных миниатюр из рукописи I); на л. 2 об., 5 — нераскрашенные заставки; л. 2 об., 8, 9 — орнаментированные инициалы, выполненные красными чернилами, л. 5 — орнаментированный инициал, выполненный простым карандашом.

Переплет: отсутствует.

Записи: л. 3 об., 7, 9 об., 10 об.—13 об., 15–16, 17–17 об., 18 об.—28 об., 29 об., 30, 31–32 — Писцовые маргиналии к тексту красными чернилами на полях.

Состав: л. 2–38 об., “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. Нач.: “Предисловие к православному читателю. Случайно, смотрением Божиим, да велось мне прочесть предлагаемое сочинение...”.

3. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № II/2. “УТЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ В СКОРБИ, БЕДЕ И ГОНЕНИИ”. [Сент.—окт. 1937 г.] 16°. 8 л.

Бумага: желтая, из ученической тетради в линейку 1920–30 гг.

Письмо: полуустав одного почерка (писец — Е. П. Губкин), без окончания, л. 1–1 об. без текста.

В правом нижнем углу листа — буквенная пагинация.

Украшения: л. 2 — рамка, выполненная простым карандашом (не раскрашенный аналог рамки из рукописи I, л. 1), внутрь рамки помещено название рукописи, написанное красными чернилами; л. 2 об., 5 — заголовки, выполненные красными чернилами; на л. 4 — изображение креста (аппликация из цветной бумаги); л. 4 об., 6 об., 7 об., 8 об. — миниатюры, выполненные простым карандашом и черными чернилами (аналоги цветных миниатюр из рукописи I); л. 2 об., 5 — заставки, выполненные простым карандашом; два орнаментированных инициала: на л. 2 об. красными чернилами, на л. 5 простым карандашом.

Переплет: отсутствует.

Записи: на л. 3 об., 7 — писцовые маргиналии к тексту красными чернилами на полях.

Состав: л. 2 об.—8 об., “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. Нач.: “Предисловие к православному читателю. Случайно, смотрением Божиим, да велось мне прочесть предлагаемое сочинение...”.

4. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/1. ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ГРИГОРИЕВО ВИДЕНИЕ, лицевое (фрагмент, со слов: “И се внезапно обретется духом отец наш Василий ту посреди...”). Втор. четв. XVIII в. 4°. 2 л.

Бумага: белая, без филиграней и штемпелей; края листов реставрированы белой бумагой кон. XIX — нач. XX вв., восстановленный текст прописан синими чернилами.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила; л. 2 без текста.

Украшения: 2 многокрасочные миниатюры — на л. 1 об. с изображением

Василия, Феодоры и ангелов, на л. 2 об. с изображением Василия и ангелов; киноварные инициалы.

Переплет: отсутствует.

5. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/2. ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ГРИГОРИЕВО ВИДЕНИЕ, лицевое (фрагмент, со слов: “Кождому дом его́ благословляя. Сам же неисходяше из дому Иваннова...”). Втор. четв. XVIII в. 4°. 2 л.

Бумага: белая, на л. 1 — фрагмент филигрانی “Pro Patria”, Тромонин № 711 — 1727 г.; края листов реставрированы белой бумагой кон. XIX — нач. XX вв.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила, восстановленный при реставрации текст прописан черными чернилами.

Украшения: на л. 2 об. многокрасочная миниатюра с изображением Василия и ангелов, киноварные инициалы.

Переплет: отсутствует.

Записи: на бумаге кон. XIX — нач. XX вв. сохранились фрагменты делопроизводства одного из учреждений Белоярской вол.(?)

6. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/3. ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ГРИГОРИЕВО ВИДЕНИЕ, лицевое (фрагмент, со слов: “И посем паки прииде св. Василий и принесе ковчеги многи различныя арама[ты]”). Втор. четв. XVIII в. 4°. 2 л.

Бумага: белая, на л. 1 — фрагмент филигрانی “Pro Patria”, Тромонин № 711 — 1727 г., края листов реставрированы белой бумагой кон. XIX — нач. XX вв.; л. 2 — полностью обновлен подклеенной к л. 1 белой бумагой нач. XX вв.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила, восстановленный при реставрации текст прописан синими чернилами.

Украшения: две многокрасочные миниатюры — на л. 1 об. “Оклеветание” и на л. 2 об. “Утешение грешникам” (под текстом); киноварные инициалы.

Переплет: отсутствует.

Записи: на белой бумаге нач. XX вв. фрагмент рапорта “Нес.. (нрзб) Преобр[аженской] ... священно-церковно[й]...”.

7. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/4. ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ГРИГОРИЕВО ВИДЕНИЕ, лицевое (фрагмент, со слов: “Поднех же скончавшеся Феодора преподобная старица служащая ему”). Втор. четв. XVIII в. 4°. 2 л.

Бумага: белая, на л. 1 — фрагмент филигрانی “Pro Patria”, Тромонин № 711 — 1727 г., края листов реставрированы белой бумагой кон. XIX — нач. XX вв.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила, восстановленный при реставрации текст прописан черными чернилами.

Украшения: 2 многокрасочные миниатюры — на л. 1 об. с изображением Василия и Григория и на л. 2 об. — “Представление Феодоры” (утраченная нижняя часть рисунка с изображением положенного в гроб тела Феодоры восстановлена Е. П. Губкиным); киноварные инициалы.

Переплет: отсутствует.

8. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/5. ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО И ГРИГОРИЕВО ВИДЕНИЕ, лицевое (фрагмент, со слов: “Приходящие к нему мнози и духовныя ползы наслажахуся, и приношаше недужныя к нему. Святый же возложением руки и молитвою здравы творяше”). Втор. четв. XVIII в. 4°. 2 л.

Бумага: белая, без филигранных и штемпелей, края листов реставрированы белой бумагой кон. XIX — нач. XX вв.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила, восстановленный при реставрации текст написан черными чернилами.

Под миниатюрой на л. 2 об. сохранилась буквенная нумерация — 11.

Украшения: 2 многокрасочные миниатюры — на л. 1 об. с изображением Василия, Григория, Феодоры, народа и на л. 2 об. с изображением Григория, некоего человека и церкви; киноварные инициалы.

Переплет: отсутствует.

9. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № IV. ПРОРИСИ ЛИЦЕВЫХ МИНИАТЮР К ТЕКСТУ ГРИГОРИЕВА ВИДЕНИЯ. Кон. XIX — нач. XX вв. 8°. 5 л.

Бумага: желтая, кон. XIX — нач. XX вв.

Переплет: отсутствует.

10. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № V. КАНОН-МОЛЕБЕН ЗА БЕЗДОЖДИЕ И КАНОН-МОЛЕБЕН О ВЁДРЕ. 1920–1930-е гг. 8°. 14 л.

Бумага: л. 1–8 — серая гладкая тонкая, 1920–1930-е гг.; л. 9–14 — белая из ученической тетради в линейку 1920–1930-е гг.

Письмо: полуустав, текст написан сине-фиолетовыми чернилами, без окончания, л. 14 об. без текста.

Украшения: л. 11 об., 13 — колонтитулы; л. 1 — заставка с растительным орнаментом (ветка с цветком, листьями и гроздьёю винограда), выполнена простым карандашом; л. 2 об.—4 об., 5 об.—6 об., 8–8 об. — орнаментированные инициалы, выполнены сине-фиолетовыми чернилами.

Переплет: без обложки, блок прошит нитками.

Записи: на полях — писцовые маргиналии к тексту.

Состав: л. 1–6 об., Канон-молебен за бездождие. Песни 1–9 (Нач.: “Глас 7. Господи помилуй нас, на тя бо уповахом...”);

л. 6 об.—7 об., “Молитва Господу вседержителю, возводяи облаки от последних земли, молнию в дождь сотворивый...”;

л. 7 об.—14, Канон-молебен о ведре. Песни 1–9. (Нач.: “Канон, глас 7. Песнь 1я. Ирмос. Яко по суху ходив Ииль по бездне стопами...”).

11. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № VI. “СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ДЬЯВОЛ ИЗОБРЕЛ КАРТЫ” И СЛОВО СВ. АМВРОСИЯ “О ДОЛЖНОСТЯХ”. 1923 г. 8°. 8 л.

Бумага: белая, гладкая, перв. четв. XX в.

Письмо: полуустав одного почерка, синие и коричневые чернила, л. 8–8 об. без текста.

На л. 2–7 буквенная пагинация.

Украшения: на л. 1 — рамка, многокрасочный рисунок с растительным орнаментом, выполнен цветными карандашами и акварельными красками; на л. 7 об. — заголовок написан красными чернилами, колонтитулы по всему тексту; л. 2 — многокрасочная заставка-рамка, выполненная цветными карандашами и акварельными красками, в которую помещен текст “Старообрядческий журнал ‘Церковь’”. Год издания в 1912 г. страница 1148”; л. 7 об. — инициал, выполнен красными чернилами.

Переплет: листы сброшюрованы в тетрадь, прошитую красными нитками.

Записи: на л. 1 под рамкой — запись писца “7431 г[о] год[а]. Декабря 10 го”, сделана чернилами; там же вдоль левого края рамки простым карандашом “Б[ог] Н[ам] П[омощник]”, “Н. П. П. П. В. П. П. Н.”; на л. 2 зеленым карандашом “Сатана не мог од[олеть]”.

Состав: л. 2—7 об., “Сказание о том, как дьявол изобрел карты” (нач.: “Сатана не мог успокоиться. Один пустынный не давал покоя князю тьмы...”);

л. 7 об., “Святого Амвросия о должностях” (нач.: “Для чего бесовская игра, для чего тебе то время, в которое ты свободен бываешь от пребывания в храме молитвы неупотребляти на чтение...”).

12. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 21 (конверт 2). № I. ПРОРИСИ ЛИЦЕВЫХ МИНИАТЮР К ТЕКСТУ АПОКАЛИПСИСА. Перв. четв. XX в. 2°. 4 л.

Бумага: желтая, гладкая, л. 1, 4 — края истерты, на л. 4 штемпель — в фигурной рамке “№/Первушина/сыновей/в Вятке/6 — Клепиков III № 108 (1915 г.).

Письмо: все миниатюры выполнены простым карандашом.

В правом нижнем углу каждой миниатюры буквенная нумерация — 48, 52, 53, 55.

Состав:

л. 1 (48), “Первая чаша омрачила царствие зверя”;

л. 2 (52), “Пятая чаша омрачила царствие зверя”;

л. 3 (53), “Шестая чаша омрачила царствие зверя”;

л. 4 (55), “Вавилонская блудница”.

Примечания: об. л. 1—3 чистые, на л. 4 об. прорисована центральная фигура ангела с титульной части миниатюры

13. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 21 (конверт 2). № II. “РУКОПИСАНИЕ” (разрешительная молитва). Штемпельный оттиск. Нач. XX в.

2°. 1 л.

Бумага: белая, тонкая, без штемпелей, нач. XX в.

Письмо: полуустав.

Украшения: перед текстом заставка с изображением креста и главы Адама, инициал.

14. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 21 (конверт 2). № III. “РУКОПИСАНИЕ” (разрешительная молитва). Нач. XX в.

2°. 1 л.

Бумага: тонкая, нач. XX в.

Письмо: примитивный полуустав, синие чернила.

Украшения: перед текстом — заставка с изображением креста и главы Адама, инициал.



Ил. 8. Прориси лицевых миниатюр к тексту Апокалипсиса. Первая четверть XX в.
УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 2. № 1

15. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 21 (конверт 2). № IV. “О СЛАВЕ НЕБЕСНЕЙ И РАДОСТИ ПРАВЕДНЫХ ВЕЧНЕЙ” (нач.: “Некий совершенный в добродетелех инок вниде в размышление, хотя сведати о славе небесней...”). Настенный лист, лубок. Перв. пол. XX в. 1°. 1 л.

Бумага: белая, гладкая, нач. XX в.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила.

Украшения: заголовок и подпись “Книга Великое Зерцало. Глава 35” под текстом выполнены красными чернилами; перед текстом помещена миниатюра с изображением инока и птицы около града и в саду (выполнена теми же чернилами, что и текст); тонкий инициал.

16. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 21 (конверт 2). № V. “АПТЕКА ДУХОВНАЯ” (нач.: “Старец некий прииде во лечебницу и вопросы врача...”). Настенный лист, лубок. Перв. пол. XX в. 1°. 1 л.

Бумага: белая, гладкая, нач. XX в.

Письмо: полуустав одного почерка, коричневые чернила.

Украшения: заголовок и подпись под текстом выполнены красными чернилами; перед текстом помещена миниатюра с изображением врача и старца; орнаментированный инициал.

Примечания: текст и миниатюра почти полностью совпадают с лубком “Аптека духовная”, выполненным гуслицким мастером второй половины XIX в. И. Соболящиковым (см.: *Иткина И. Г.* Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XIX века. Из собрания Государственного Исторического музея. Москва. Альбом. М., 1992. С. 132, 215 кат. № 82).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Письмо Е. П. Губкина

[в Сысовский сельский совет. 1937 г.]

л. 14 Я, гражд[анин] дер[евни] Сысовой Сыск[овского] сельск[ого] сов[ета] Пышминск[ого] района Челябинск[ой] обл[асти] Губкин Елисей Петр[ович] род[ился] в Сибири в Томской губ[ернии] Семилужской вол[ости] 1874 го июня 14 го. Родители мои были самого бедного происхождения, так что почти все время работали в сроке, проводя жизнь батрацкую. Они были уроженцами дер[евни] Потаскуевой, по-тогдашнему Рамыльской вол[ости] Камышловского уезда Перм[ской] губ[ернии], а ныне Тугулымск[ого] района Челябинской обл[асти]. Мать моя была тоже самого бедного происхождения из д[еревни] Яр той же вол[ости]. Все время находясь на чужих работах, жизнь их была тяжелая. В то время они слышали, что некоторые едут в Сибирь на новые места. И вот задумали и они двинуться туда же чтобы облегчить свое положение жизни. Прибыв туда, они поселились на новое место, выкопав себе землянку, а потом через год поставили маленькую избу, где я и родился. Мой^{*1} род[итель] был малограмотный, а мать совсем неграмотн[ая]. Когда я начал подрастать мой^{*2}

^{*1} Испр., в ркп.: *мои*



Ил. 9. Прориси лицевых миниатюр к тексту “Григориева видения”. Конец XIX — начала XX вв. УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 1. № IV. Л. 1–3

род[итель] поучил меня немножко грамоте домашним способом. Жизнь
 л. 14 об. вообще была неважная и там, и как // я насколько помню, там им постоянно приходилось выходить в люди и работать. Когда стал я немного возмужать, начал кое-что им по силе помогать. Раскапывали землю и садили картофель. Наше место было пустое и от деревни далеко. Кругом леса и болота где росли ягоды клюква и прочее. По временам бывали и орехи, которые мы продавали за цены самая ничтожные и эти деньги покупали хлеба, который тогда тоже был недорог, и так питались. Мое здоровье очень плохое было и очень трудно приходилось. Орехи растут высоко и по них приходилось влезать на дерево и раз пришлось мне оборваться и упасть. Я ушиб голову и повредил себе мозги и изувечил руку. С тех памяти нисколько у меня не стало, и рука много лет не давала мне ничто тяжелое работать. А потом хотя я и принаправился немного, но и до сих пор чувствую себя рассудком и памятью недовольна. Постепенно, расчистив себе немного пашни, [мы] начали понемножку сеять рожь, землю предварительно вскопав руками. Затем смогли как-то за 14 //руб[лей] приобрести лошадку. А коровы у нас при моей памяти не бывало никогда У родителей на родине была корова и лошадь, но они, надумав на новые места [ехать], все это продали, а деньги проехали. Заведя лошадку, начали сеять по десятинке ржи и садить карт[офель] и прочую овощь. Жить стало несколько полегче. И так жили мы несколько лет. Затем скончалась моя мать, и жизнь наша снова изменилась. А вследствие худаго моего здоровья жениться я не думал. Посоветовав с отцом моим, решили мы выбраться оттуда на родину родителей моих. А между тем умер и отец, не пристроив меня ни на какое место. А родственников со стороны отца не было ни одного и потому на его родине привиться я не мог. В [деревне] Яру по матери были два родные дяди, у одного было три сына, а у другого один и тот приемный и все они были самого бедного происх[ождения], которые

*2 Испр., в ркп.: *мои*

никакой помощи основаться мне не дали. Пробыв около них несколько времени пришлось [мне] скитаться кое-где и, благодаря переплетному л. 15 об. делу, питался кое-как, потому что за свою работу совесть моя не позволяла мне назначать никакую цену и что даже тем [что давали] и был доволен. В 1913м году, случайно проникнув в здешние пределы, встретил я от здешних обывателей какое-то ко мне сочувствие, которые, узнав что я немножко грамот[е]н, и хотя и не бойко, но все таки читаю по-славянски, посоветовали мне здесь остановиться и приобрести свою избу и тут находиться. Так как я знал немного помолиться и верующих было здесь тогда довольно, и ето дело им казалось нужным. Нашатавшись повсюду и намотавшись вдоволь, я на предложение их охотно согласился. Вскоре подыскали они избу и купили ее за 200 руб. У меня денег было всего только 30 руб., я их сразу отдал. А потом, постепенно, года через два выплатил и остальные, хотя и с величайшим трудом. Мне сначала предлагали было, хотя [и] небольшое жалование за то, что если я буду в известные дни что-нибудь молиться. Но я отказался от етого, считая неприличным за деньги совершать молитву, и питался своим собственным трудом. Но в настоящее время мало сделалось работы, жить трудненько стало и приходится нередко отходить отсюда и кормиться подаянием. Не считая себя государственным преступником и враждебно относящимся в сов[етской] власти прошу вас выдать мне справку чтобы мне можно было отлучиться для пропитания.

УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 14–15 об.



Н. С. Корепанов

Инок Исак — иконописец и иконоторговец

Относительно недавно научно-атрибутированная горнозаводская старообрядческая иконопись XVIII — начала XX вв. — явление яркое и самобытное. Поэтому понятен интерес к истории формирования невянской школы и к именам ее мастеров.

История невянской школы иконописи в настоящее время ведется с середины XVIII в.¹ Но известно, что уже в 1717 г. в Невьянском заводе жил 80-летний Григорий Яковлевич Сахаров, выходец из приписанной к заводу Аятской слободы, о котором в подворной заводской переписи того года написано: “И тому 11 лет съехал он на Федьковские заводы и кормится от иконного художества”².

Если же говорить о вновь установленных именах иконописцев, то для примера приведем данные из следственного дела Екатеринбургской верхней расправы 1792 г.³ Орган был учрежден в связи с административной реформой 1781 г. на Урале и образованием в составе Пермского наместничества Екатеринбургской области. Основная часть архивного фонда Расправы хранится ныне в Государственном архиве Пермской области.

Дело развернулось после крупной кражи товаров из лавки екатеринбургского купца Петра Астраханцева в ноябре 1789 г. Вскоре один добропорядочный житель д. Шарташской сообщил, что у тамошнего живущего торгами екатеринбургского серебряника крестьянина Леонтия Басманова бывает неизвестный и регулярно продает ему шелк. В апреле 1790 г. таинственный незнакомец был задержан и назвался крестьянином Ялutorовской округи Иваном Емельяновым сыном Неряхиным (на момент вынесения судебного определения в августе 1792 г. ему было 36 лет). С его же слов получалось, что он не просто беглый, а старообрядческий инок именем Исак, обученный иконописи в “Старо-Невянском заводе”.

¹ Рунева Т. А., Колосницын В. И. Невьянская школа иконописи // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 354—355.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 222. Л. 316. Подробнее о Г. Я. Сахарове и его родственниках-иконописцах см. в настоящем издании статью В. И. Байдина.

³ ГАПО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 49. Л. 108—182 об.

Дело длилось более двух лет и по нему проходил добрый десяток обвиняемых. Уголовная сторона его довольно запутанна и здесь интересует нас лишь в связи с историей самого И. Неряхина.

В ходе следствия Иван Емельянович дважды давал развернутые показания, и они не во всем совпадают. На первом допросе, сразу после задержания, следователей интересовала скорее личность задержанного, чем собственно преступление. На втором, состоявшемся уже после привлечения к следствию всех обвиняемых и свидетелей, И. Неряхин в основном уточнял детали, но опять пересказал свою прежнюю жизнь.

Итак, родился он в крестьянской семье, хотя среди родственников были и выслужившиеся разночинцы: “Дал о себе знать (уже после побега из родных мест — *Н. К.*) в Исетск дяде своему разночинцу Петру Носкову, который присылал к нему от тамошней конторы билеты, как-вы бывали вместо нынешних пашпортов”. Семья была старообрядческой: “По старообрядчеству в церковь Божию не ходит”.

В дальнейших показаниях начинаются существенные расхождения. Согласно первому допросу: “В 1775 году по подговору старообрядского старца Ефрема, не сказавшись своим отцу и матери, ушел тайно Екатеринбургской округи в деревню Сарапулку, для того что во оной живут старообрядцы”. Известно, что д. Сарапульская наряду с д. Становой входила в зону ближнего влияния Шарташа (беглопоповцы), и вместе они зачастую именовались “тремя Шарташскими деревнями”.

В д. Сарапулке И. Неряхин жил по полученному заочно от дяди-подьячего отпускному билету. Здесь “чрез два года, как еще в доме у себя знавши азбуку, обучался словесной грамоте сам самоуком, после сего и писать выучился”. Согласно второму допросу, из родной д. Черной (в первый раз названия не упоминалось) он отправился с односельчанами по паспорту “от своей команды” — от Исетского острожка — в ноябре 1775 г. в Караульную крепость. Отсюда уехал к родне в Таловую волость Челябинской провинции, где якобы проболел полгода, и только весной 1776 г. оказался в д. Сарапулке. Здесь поселился у давнего знакомого Ивана Лоскутникова и за полтора месяца обучился азбуке. “Письменного вида не спрашивали, для того что старообрядство там обитало”. Затем вернулся домой, прожил там полгода и уже тогда сошелся со старцем Ефремом.

Вдвоем со старцем получили в управительской канцелярии Исетского острожка отпускной билет на 6 недель до Екатеринбурга и осенью 1776 г. вполне законно прибыли в Сарапулку. Ефрем сразу же уехал на Нейвянский завод, а И. Неряхин два года жил у крестьянина Петра Дегтева (Петра Дементьева сына Дехтева). Имя это И. Неряхин называл и на первом допросе, и теперь вторично подтвердил, что в доме его обучился чтению и письму.

Далее на первом допросе И. Е. Неряхин показал: “Ушел (из Сарапулки — *Н. К.*) на Старо-Невянский завод, где жил того завода у крестьянина Федота Семенова (сына) Воронова два года, обучался писать образа... На

Невьянском заводе наведася от живущего в лесах Ивана Никифорова — тот старец Ефрем живет неподалеку за Тагилом в лесах... С Никифоровым к тому старцу пошел, а тот доставил его к старцу же Исаку, у которого жил два года под искусом. Во время житья его черным старообрядческим попом же и пострижен в инок, при чем наречено имя Исак. После сего те старцы померли. После их живши недель с десять, с Иваном Никифоровым вышли на Невьянский завод”. Судя по этим показаниям, Неряхин жил и учился мастерству у иконописца Воронова на Невьянском заводе в 1778—1780 гг., а в тагильских лесах обитал в 1780—1782 гг. Но вероятно и путаница, ибо, давая здесь общую канву событий, на датах он не заострялся, а возможно, и намеренно путал следствие.

Согласно второму допросу, еще живя в д. Сарапулке, И. Неряхин выезжал на Шарташ, где познакомился с крестьянином Филиппом Поляковым и его соседом Никитой Ельничным. “Ездил же и на Невьянский завод и пристанище имел у жителя Федота Семенова (сына) Воронова месяца два и обучался рисовке образов”. Затем вернулся в д. Сарапулку и прожил на прежней квартире еще два года, причем хозяина квартиры П. Дегтева в свои дела уже не посвящал. В 1780 г. перебрался на Шарташ к Полякову: “У оного живучи 2 месяца приготавливал к писанию образов разные образцы”. В том же году уехал в Невьянский завод и поселился у Воронова. “Жил у него два года и писал с ним образа”.

Случайно на невьянском заводском рынке молодой иконописец сошелся с беглым крестьянином Новопышминской слободы Иваном Дмитриевым. (Надо полагать, упоминавшийся в первом допросе Иван Никифоров и Иван Дмитриев одно — и то же лицо — обычная сбивка отчества и фамилии). Услыхав от него имя старца Ефрема, Неряхин почти тотчас бросил все и ушел с беглым в леса за Тагил за 22 версты от Невьянского завода. “Увидали помянутого Ефрема и с ним другого старца Исакия, с которыми находились в чтении книг месяца с полтора”.

Сделаем здесь отступление. Похоже, что старцы Ефрем и Исакий были одними из последних жителей разоренных в начале 50-х гг. скитов и “келей” в этой местности. Отрывочные сведения о сохранявшемся в том районе тайном раскольничьем сообществе поступали в заводскую администрацию в Екатеринбурге вплоть до середины 60-х гг., но в описываемое время, как видим, уже никого не осталось. В использованном нами источнике упоминается об изустной памяти о тех местах среди гонимых. Так в 1789 г. семеро беглых колодников шли туда от самой Тюмени: “С намерением, чтоб пробраться в состоящие в лесах около Нижне-Тагильского завода называемых Выйских вершин в пустые, где прежде живали мнимые старцы, скиты”⁴. Впрочем, жизнь в скитах не заглохла вовсе: и ко времени следствия, и в 1791 г. двое беглых крестьян с Невьянского завода наткнулись на следы былого: “Ушли за реку Тагил на пример от заводу верст за 20, где прежде бывали построенные кельи и оные уже

⁴ ГАПО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 39. Л. 194.

сожжены... Нашед на тех местах топор, коим срубили для житья себе избушку и сделали печь... Ушел в лес для сыску построенных келий и в них живущих людей. По чему ходил один день, токмо ничего не нашел... Пошли вверх подле реки Тагил по имеющейся тропе и шли версты с 4. И недалеко от реки по той тропе дошли до сделанного земляного балагана, в который вошел, увидели неведомого старика. Объявил, что он из Ощепковой деревни, живет тут для моления Богу, зовут его Ефимом Иванов сын... В землянке ночевали, а назавтре, выпросив у него два топора — узкий да широкий, отошел в лес с версту, сделали себе избушку... Потом брали в имевшемся в том лесу кедровнике орехи, делали берестяные туески, которые с тем стариком посылали в Невьянский завод продавать”⁵.

Итак, согласно повторным показаниям Неряхина, получается, что в Невьянском заводе обучался он иконописи в 1780—1782 гг., а уход в леса относится примерно к 1782 г. Но сейчас же он отмечает, что в 1780 г. по настоянию Ефрема ездил на родину за письменным видом на отпускное жительство и по пути назад заезжал в Шарташ, в который приезд и познакомился с Леонтием Басмановым и его семьей (“жена Анна сшила ему армяк”), а также с живущим в Шарташе екатеринбургским купцом Иваном Гавриловичем Щепетильниковым. А уже потом вернулся в лесной скит: “Приехал к тому старцу Исакию, просил пострижением себя в старцы. Который послал крестьянина Дмитриева в Невьянский завод за старообрядским священником. Коей его, И. Неряхина, постриг, при чем нарекли именем монаха Исакием”. Один год И. Неряхин жил в лесу с Ефремом, Исакием и И. Дмитриевым, “в каковую бытность прежний старец Исакий помер, после чего чрез шесть недель и Ефрем умер же, которых похоронили у кельи”. Затем вдвоем с И. Дмитриевым они вернулись в Невьянск.

В обоих допросах И. Неряхин отметил, что по выходе из скитов жил два года у заводского крестьянина и самостоятельно писал иконы.

В первом допросе: “...С Иваном Никифоровым вышли на Невьянский завод, где он, Исак, находился у крестьянина Василья Баранникова два года, писавши образа. А Иван Никифоров вскоре ушел в леса, и где находится — он не известен”. Во втором: “У крестьянина Василья Васильева (сына) Красных, он же Баранников, жил с своим билетом года с два у письма образов”.

Далее во втором допросе “старец” рассказывает, как дважды или трижды выезжал на Шарташ к знакомым Полякову и Ельничному и купил у кого-то трех лошадей за 49 рублей. Двухлетний же творческий период 1784—1786 гг. закончился в арестом его как беглого в Нижне-Тагильском заводе, куда он явился покупать краски. На первом допросе была записана интересная деталь: “Как шел на Нижний Тагил ко крестьянину Ходоярову, захвачен”.

⁵ ГАПО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 46. Л. 263—266 об.

Инок побывал на пересылках в Алапаевске, Перми и Тобольске, и, вероятно, есть смысл поискать записи его показаний в соответствующих фондах. В конце концов, прислан был “к вершению” дела в Екатеринбургский нижний суд под стражей двух непрофессиональных конвоиров, и то ли отпросился пройти по рынку, то ли заморочил головы на самом рынке — и бежал. “Сие происходило в Петров пост 1787 года”.

И. Неряхин дошел до Шарташа, заночевал у Никиты Ельничного. “У Терентья (вероятно, Леонтия — Н. К.) Басманова ночевал же одну ночь. Тогда Басманова и жены его в доме не было, а была только дочь их девка Ирина. Когда же заметил скрывающегося на верхних сенях человека..., девка ему сказала: из городу мастеровой Шагов. По чему убоясь, ушел на Быньговский завод”.

На Тобольской дороге (Сибирском тракте), в трех верстах от Талицкого винокурного завода и в полуверсте от деревни Елань состоялась третья (после знакомств со старцем Ефремом и иконописцем Федотом Вороновым) в жизни И. Неряхина знаменательная встреча. “Наехав на него преждебывший с ним в лесах крестьянин Василей Иванов, который распрося его и узнавши, что он старец, начал звать на Ишим для собрания милотины”. Речь, вероятно, шла о слободах в “Ишимских вершинах” с преимущественно раскольничьим населением, и на втором допросе И. Неряхин туманно уточняет: “На Тобольской дороге встретился с жителем города Тары Васильем Ивановым сыном. Созвал его, Неряхина, за Тобол-реку к жительствующим для прошения милотины”.

Так начался “коммерческий” период в жизни Неряхина-Исака.

На Ишиме и Тоболе насобирали они, по наводкам Василия, пожертвований деньгами и товарами на огромную сумму. В первом допросе И. Неряхин говорит об общем сборе на 200 рублей, во втором — о доставшихся лично ему 400 рублях, при том что спутник его уехал в Тару и увез с собой не меньше. Впрочем, говорить скорее следует не о жертвованиях, а об авансовой плате. На втором допросе И. Неряхин вспомнил о последующей покупке лошадей, приезде в Невьянский завод и об остановке у родного брата иконописца Воронова, Алексея: “Причем того Воронова просил о закупке образов и разных старообрядских книг”. А учитель его к тому времени, скорее всего, уже умер. Ученик же закупил образов на 150 рублей и книг на 60 рублей.

В первом допросе И. Е. Неряхин, не вспоминая Невьянск, говорит лишь о закупках на Шарташе в доме Ивана Щепетильникова. Тот был в отъезде в Перми, “но домашние его жена Зеновья Григорьева (дочь) и ученики Иван Григорьев и Феклист Шавкунов, бывши ему знакомы прежде, приветствовали его и жить в дом пустили”. Здесь он купил книг на 75 рублей. Со всеми накупленными образами и книгами он уехал в слободы на Тоболе и Ишиме и, распродав, вернулся на Шарташ 9 мая 1789 г. Эту дату И. Неряхин назвал на обоих допросах.

Новый этап жизни подразумевал вполне логичные действия: “Привез с собою вырученных за книги и милотину до 400 рублев. Которые

раздавал в написание образов купцу Евтропу Черных 70 р., Щепетильникову 100 руб., ученикам его Феклисту Шавкунову, Ивану (Григорьеву) 30 р., Никите Иванчину 25 р., ученику своему Клементию Федотову (сыну) Благиных 15 р., Павлу Бочкареву (крестьянину Невьянского завода, сумма не указана — *Н. К.*). Прочие ж издержал на покупку красок для писания образов и на прочие свои надобности. Потом все лето до осени у Евтропа Черных с учеником своим Благиных писал образа. Прибежище ж имел, и пожитки лежали у Щепетильникова, у коего осенью взяв старообрядческих книг в долг на 700 р. без всякой расписки, потому что верили, яко духовной особе, с теми книгами и образами поехал в слободы около Куртамышу, Каменской [слободы] и Кургану. Где распродав все оное, и выручил до 1200 р. Обратясь в Шарташ весною 1789 (так в тексте — *Н. К.*) около Троицына дни с Щепетильниковым расплатился. После сего во все лето живши в Шарташе на квартире того Щепетильникова, образа писал у Евтропа Черных с нанятым учеником себе Клементием Благиным, в чем обязался с ним отец его Федор Прокопьев (сын)". Последнего свидетели по делу называли живущим в Шарташе екатеринбургским купцом.

Сбивка же даты допущена, вероятно, не случайно, а намеренно. Во всяком случае, на втором допросе, поясняя некоторые моменты, И. Неряхин представляет события после 9 мая 1789 г. совсем по-иному, и сам оказывается уже больше коммерсантом, нежели художником.

Итак, он прибыл в Шарташскую деревню, "в коей пристал на квартиру к жителю Евтропу Федотову (сыну) Черных по причине, что тот знает иконописное учение. А потому одного подрядил писать образов на 70 рублей. У которого в то время прожил два дни. В то ж время пришед к Черному в дом деревни Шарташ житель Федор Благиных с сыном Клементом. Того Клементьева (вероятно, Клементия — *Н. К.*) также к писанию образов подрядил на 35 рублей... По озадачении ж оных 12 числа (мая — *Н. К.*) уехал на Черновский (вероятно, Черноисточинский — *Н. К.*) Демидова завод с намерением изыскать чрез кого монашеские скиты. Но никого не нашел. А потому возымел намерение уехать за Tobол в Ишим, Курган и Куртамыш для изыскания милостины". Уехал 16 мая, вернулся в ноябре. Во время поездки в деревне Гагарьей Таловской волости у родственницы Марии Хромцовой "выпросил в товарищество" сына ее Василия, а в деревне Ярки Каменской волости познакомился с нижнетагильским крестьянином Иваном Политовым и уговорил примкнуть к тому же делу и для того встретиться в Шарташе.

С этого времени о писании икон уже не упоминалось. Но несколько моментов важны для довершения образа. Несмотря на хронологическую сбивку в первом допросе, И. Неряхин относит прием в товарищи 18-летнего Василия Хромцова, двоюродного своего брата, к осени же 1789 г., когда "ездил на Tobол и Миасс в слободы для продажи образов и собрания милостины". Возможно, что и сбивка произошла из-за двух разных в течение года, а не одной поездки. Или же сильно подействовал личный момент накануне осенней поездки — инок полюбил Ирину Басманову:

“Познакомься крестьянина Леонтья Соловьева по прозванию Басмана с дочерью девкой Ириной, имел с нею по ее согласию блуд”. У Ирины была уже незаконнорожденная дочь.

С Тобола и Миасса с Васей Хромцовым Неряхин вернулся на Шарташ 18 ноября — за три дня до праздника Введения во храм Богородицы. Согласно второму допросу: “И в то время у Щепетильникова искупил разных старообрядских книг на 280 р. да у Ефтропа Черных образов на 40 р., у Клементия Благиных на 15 р. Да тогда ж в той Шарташской деревне живущего по пашпорту города Тары крестьянина Лаврентья Иванова (сына) Алгазина приказчика московского купца Савелия Леонтьева купил разных книг на 75 р.” (Полное имя московского книготорговца — Савелий Леонтьевич Бозов). Затем 22 или 23 ноября с Щепетильниковым и с ранее сагитированным Иваном Политовым двинулись в Куртамышскую волость, торгуя книгами и образами по селениям вдоль Тобольской дороги.

А накануне отъезда свершилась кража. По словам Неряхина, примерно с 1786 г. шарташский житель Никита Ельничный задолжал ему 100 рублей. Ельничный несколько раз уговаривал его принять нечистые краденые деньги и, наконец, прямо предложил пойти на кражу лавки в гостином дворе: “Звал для того поехать и постоять только у коней”. В краже участвовали сам Н. Ельничный, его работник и уже знакомый И. Неряхину по некоторым делам мастеровой Гаврило Шагов (этот когда-то прятался на чердаке шарташского дома). Сам инок ожидал товарищей у оставленных у дороги саней: “Остановились на назьму так, что с дороги видеть было невозможно”.

Так что в поездке до Куртамышской волости, “ехав чрез разные селения, делал имеющимся у него товарам, книгам и образам распродажу”. А потом, “разъезжая по многим деревням, то ж торговал”. В той же поездке занимались и банальным “купи-продай” — закупили семь возов пшеницы для продажи в Шарташе и, кстати, заехали на Ирбитскую ярмарку, где не постеснялись купить кое-какой материи у сына обкраденного купца Астраханцева, Ивана. Впрочем, Щепетильников и Политов о краже, кажется, не знали. Здесь же на ярмарке купили на 80 руб. образов и книг. В первом допросе И. Неряхин упомянул также, что в Ирбите намеревался купить сто книг на имевшиеся заемные 700 руб. Их ссудил ему, как водится без расписки, московский купец Петр Николаев (сын?), живший в Екатеринбурге у купца Ивана Набатова, “коей обще участие имеет с означенным московским купцом по продаже старообрядческих книг Щепетильникову”. Вообще, фамилия купцов и заводских приказчиков Набатовых считалась одной из самых громких в раскольничьем мире Урала.

В марте 1790 г. они вернулись. 7 апреля инок был схвачен в доме Басмановых, где встречался с Ириной.

Следствие вел дворянский заседатель Екатеринбургского нижнего суда Иван Рихтер, сын саксонского горного контрактора, сам начинав-

ший службу в горной и монетной командах еще в 60-е гг. Следствие отличалось жестокостью. После задержания несколько часов избивали И. Е. Неряхина (в том числе и Рихтер, и пострадавший купец Астраханцев), отчего он и выложил все известные ему имена. Побоям подвергались практически все, кого назвал И. Неряхин, и кого удалось задержать. Изошренные пытки пришлось пережить Никите Ельничному и мастеру Березовских золотых промыслов Шагову, ибо в ходе следствия выяснилось, что еще за полгода до кражи этот Шагов пытался продать И. Неряхину четыре прутка воровского золота. Также выяснилось, что на свои потребности из краденых купеческих пожитков инок потратил лишь одну вещицу — подарил пояс Ирине. А кто-то из свидетелей припомнил историю, как инок еще в Невьянске чуть не увел жену крестьянина Баранникова, — из того самого дома, где два года писал образа: “Мать привезла от того Емельянова (Ивана Емельянова сына — Н. К.) долгое письмо на невянского жителя Красных (Баранникова), у которого он, И. Неряхин, украл было жену и за то был сужден”.

Во всем деле иконописца упоминаются лишь три иконы — те, что изъяты были при аресте купца Щепетильникова: на кипарисных досках образа Богоматери Одигитрии; четырех угодников — Флора и Лавра, Медосия и Власия; Флора и Лавра.

Все изъятые образа, книги и краденные не распроданные товары были опечатаны на время следствия в чулане у Ельничного, а во время пожара в Шарташе 3 июля 1790 г. распечатаны и вынесены под наблюдением земского исправника и в тот же день бесследно утеряны. Кстати, во время следствия гостинодворную лавку Астраханцева ограбили еще раз — в декабре 1791 г. И. Неряхин же после телесного наказания был передан духовным властям Тобольска.

Перипетии судьбы героя данного очерка, о котором мать Ирины Басмановой говорила: “Называющийся купцом исетским Иван Емельянов, а в старцах старообрядских инок Исакий,” — безусловно интересны тем, что И. Е. Неряхин обучился иконописи в Невьянском заводе у неизвестного ранее специалистам иконописца Ф. С. Воронова и около двух лет сам занимался там писанием икон, знаком был со знаменитой семьей тагильских художников Худояровых, назвал в своих показаниях имена нескольких иконописцев, работавших в Шарташе в конце XVIII в. и, кажется, способствовал появлению династии екатеринбургских иконописцев Благиных⁶. Уровень его собственного иконописного таланта неизвестен; возможно, в конце концов, что из-за его недостатка он и бросил творчество, занявшись организацией производства образов и снабжения ими старообрядческих общин Зауралья. Он же распространял старопечатные книги на Среднем и Южном Урале и в Западной Сибири.

⁶ Гончаров Ю. А., Гончарова Н. А. Мастера и мастерские церковного искусства на Урале XVII — начале XX в. // Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 258, 331.

прот. Петр Мангилев

Верхнетагильская чудотворная икона Божьей Матери “Знамение”

В Знаменском храме г. Верхний Тагил находится весьма почитаемая на Среднем Урале чудотворная икона Божьей Матери “Знамение”¹. По преданию, этот образ находится в Верхнетагильском храме с момента его открытия в 1753 г. До этого времени он принадлежал Савве Медведеву. Первое поселение возникло при Верхне-Тагильском заводе, основанном Никитой Демидовым, в 1718 г.² В 1752 г. в Верхнем Тагиле был заложен, а в 1753 г. освящен деревянный храм, который сгорел 18 мая 1861 г., во время пожара, уничтожившего большую половину поселка.



И. 1. Знаменский храм
г. Верхний Тагил. Фото 1990-х гг.

После пожара богослужения совершались во временном храме во имя пророка Илии, устроенном в заводской контро-ре³. Каменный Знаменский храм, заложенный в 1859 г. и освященный 22 ноября 1876 г., в годы советской власти не закрывался и существует доныне.

Чтимый чудотворный образ Божьей Матери “Знамение” находится у левого клироса, на аналое, под стеклом. К нему привешены украшения от благодарных почитателей, получивших исцеление. икона писана на доске размером 70,0 × 53,8 × 2,5 см. Шпонки врезные и торцевые. На иконе изображена Богоматерь Оранта, по пояс, с воздетыми в молитве руками. На Ее груди, в медальоне, — изображение Богомладенца, Который правой рукой благословляет, а левой держит свернутый свиток. Справа от лика Божией Матери — изображение херувима, а слева — серафима (см.

¹ О святой иконе см.: Распространение христианства в Пермской губернии // ЖМНП. 1857, февраль. Отд. 2. С. 267; Сулоцкий А. И. О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 238; Щербинина О. Побеждая незримую силу... (Предание об иконе Знамения Богородицы в Верхнем Тагиле) // Родина, 1998. № 9. С. 104—105; Святыни Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2000. С. 105—106.

² Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 112—113.

³ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 64—65.



Ил. 2. Слева — панорама Верхнетагильского завода. Начало XX в.
На переднем плане Воскресенская церковь, вдали Никольский храм.
Справа — внутренний вид Верхнейвинской Воскресенской церкви. 1930-е гг. В иконостасе
есть список с Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери “Знамение”

цв. вкладку ил. 12). До 1922 г. икона имела серебряную позолоченную ризу с драгоценными камнями, которая была изъята и бесследно исчезла⁴.

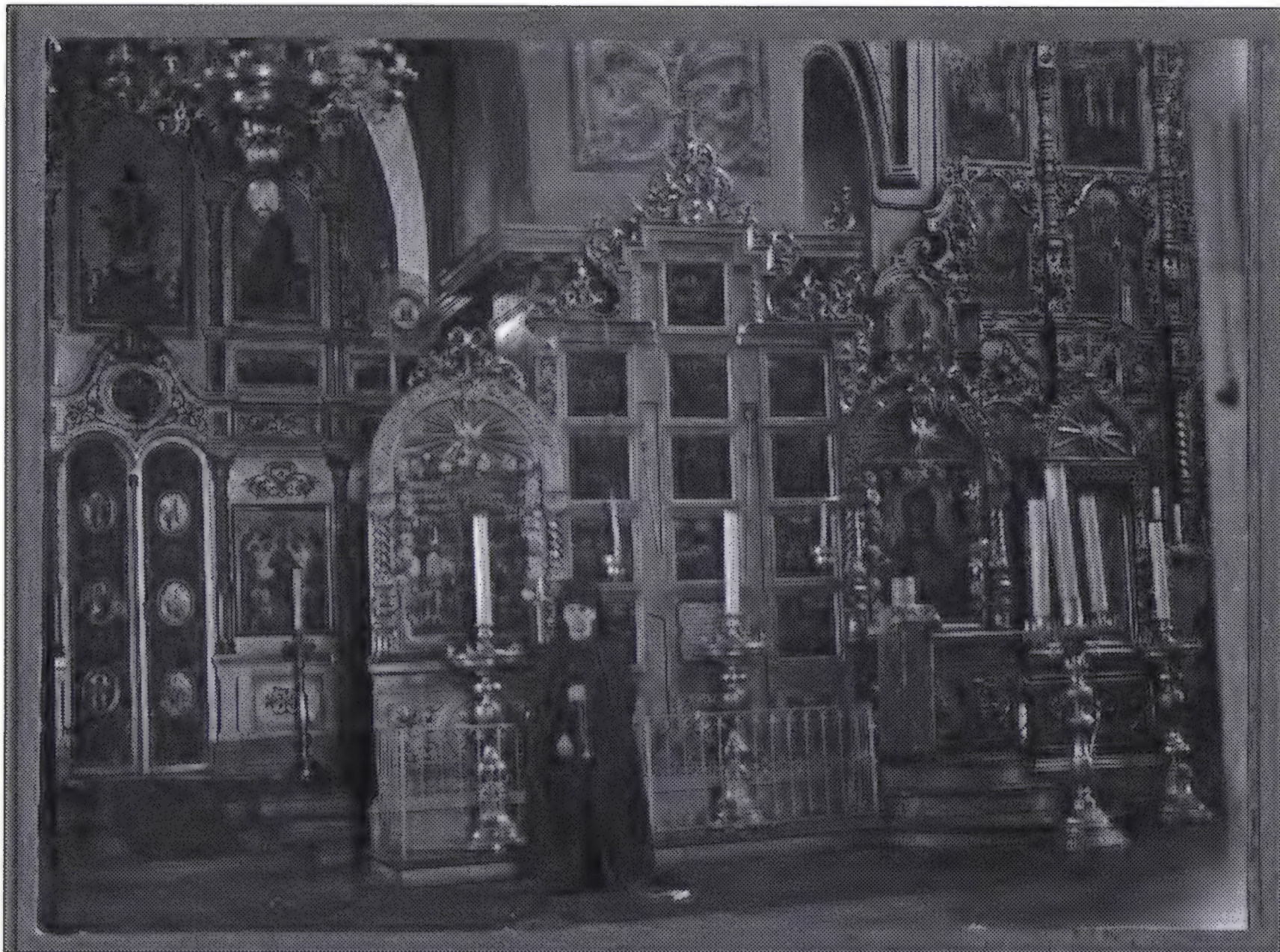
Икона очень почиталась и почитается как в самом Верхнем Тагиле, так и в его округе. Крестные ходы с Верхнетагильской чудотворной иконой Божьей Матери “Знамение” совершались в течение практически всего лета. После Пасхи, 8 (21) мая, икона была приносима в Верхнейвинский завод, где 9 (22) мая в память св. Николая был престольный праздник. До 10 (23) мая образ оставался в Свято-Николаевском храме Верх-Нейвинского поселка, после чего крестный ход с иконой двигался в д. Тарасково, где она находилась в течение двух дней, и потом на две недели возвращалась в Верх-Нейвинский завод. В это время совершались крестные ходы по поселку: образ приносили в дома, где перед ним служились молебны⁵. В конце мая святую икону переносили из Верх-Нейвинского завода в Нейво-Рудянский, откуда навстречу шел крестный ход. Икона пребывала в Нейво-Рудянской Успенской единоверческой церкви одну неделю, после чего она отправлялась в Верхний Тагил. Обычай приносить чудотворный образ в Нейво-Рудянский завод появился в 1872 г. в память прекращения лихорадки и падежа скота, продолжавшихся около двух лет⁶.

Накануне праздника святых апостолов Петра и Павла, 28 июня (11 июля), чудотворную икону приносили в Невьянск. Крестный ход сле-

⁴ Дореволюционный снимок с иконы в серебряной ризе опубликован в книге: Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 1998. С. 309. См. также: Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 329.

⁵ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 68.

⁶ Там же. С. 592.



Ил. 3. Внутренний вид Спасо-Преображенского собора г. Невьянска. Петропавловский предел. 1927 г. Справа, в киоте, чтимый Невьянский список с Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери "Знамение". Драгоценная риза с образа была снята в 1922 г.

довал через д. Калата⁷ и Шуралинский завод, где делались краткие остановки и служились молебны⁸. Этот крестный ход был особенно многочисленным по причине Петровской ярмарки, которая в это время ежегодно проводилась в Невьянске⁹. К 8 (21) июля, дню памяти св. преп. Прокопия Устюжского, крестный ход с иконой шел в д. Федьковка, около Невьянска, где с XVIII в. была часовня¹⁰, а с начала XX в. — храм во имя Устюжского Чудотворца. В д. Федьковка икона находилась до 11 (24) июля, после чего возвращалась в Невьянск¹¹. 19 июля (1 августа), к Ильину дню, икону уносили в Верхний Тагил, где в Ильинском единовременном храме был престольный праздник. К 15 (28) августа, празднику Успения Божией Матери, святую икону приносили в Успенский храм Быньговского завода. Крестный ход выходил из Верхнего Тагила

⁷ В настоящее время на месте д. Калата находится г. Кировград, до 1934 г. носивший это название.

⁸ О действиях миссии и духовенства во время богомолений старообрядцев на Веселых горах // ЕЕВ. 1913. № 36. Неофиц. отд. С. 862—866.

⁹ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 90.

¹⁰ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 146—147.

¹¹ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 81.



Ил. 4. Никольский храм с. Быньги.
Фото 2000 г. Здесь находится чтимый
Быньговский список с Верхнетагильской
чудотворной иконы Божьей Матери
“Знамение”



Ил. 5. Икона Божьей Матери из главного
иконостаса Никольского храма с. Быньги.
Фото 2000 г.

14 (27) августа и, проследовав с краткими остановками через Калату, Шуралу и Невьянск, к началу праздничного всенощного бдения оказывался в Быньгах, где икона находилась до 29 августа (11 сентября)¹². Из Бынег чудотворный образ на короткое время переносили в д. Нижние Таволги¹³. Накануне дня памяти св. благ. вел. кн. Александра Невского 30 августа (12 сентября), икону приносили из Бынег в Шуралу¹⁴, где был престольный праздник и приуроченная к этому дню ярмарка. Из Шуралы крестный ход следовал в Верхний Тагил, где икона оставалась до мая следующего года. Кроме того, в крестных ходах всегда носили еще и чтимые иконы св. прор. Илии и свт. Николая Чудотворца¹⁵.

Крестные ходы с Верхнетагильской чудотворной иконой Божьей Матери совершались до конца 20-х гг. XX в. и прекратились по запрещению советской власти.

О почитании Верхнетагильской иконы свидетельствуют делавшиеся с нее списки¹⁶. Чтимый список с Верхнетагильского образа находится в хра-

¹² Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 81.

¹³ О поездках и собеседованиях епархиального миссионера со старообрядцами // ЕЕВ. 1913. № 47. Неофиц. отд. С. 1114.

¹⁴ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 80.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. например: Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала

ме во имя Св. Николая в с. Быньги Невьянского района, с левой стороны главного алтаря¹⁷ (цв. вкладка, ил. 13). Особо чтимая копия иконы находилась в Невьянском Преображенском соборе (ил. 6–8), в киоте за левым клиросом¹⁸. После закрытия собора икона была спасена и в настоящее время находится в Вознесенском храме г. Невьянска также за левым клиросом.

Постановлением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 5 октября 2001 г. было установлено общецерковное празднование Верхнетагильскому списку иконы Божьей Матери “Знамение”¹⁹.

В алтаре Верхнетагильской Знаменской церкви хранится рукопись, содержащая запись устного предания о явлении и чудесах Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери “Знамение”. Это рукопись начала XX в., в восьмую долю листа, написанная четким полууставом одной руки на бумаге без штемпелей и водяных знаков. Рукопись содержит 16 листов (две тетради, по восемь листов в каждой) и два фор-



Ил. 6. Спасо-Преображенский собор г. Невьянска. Начало XX в. В этом храме до 1932 г. находился чтимый Невьянский список с Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери “Знамение”

XX вв. Екатеринбург, 1998. № 66, 134, 162, 167, 190, 358, 363, 378, 592, а также иконы в храмах: Воскресенском (пос. Верхнейвинский), св. преп. Серафима Саровского (г. Новоуральск), Успенском (г. Верхняя Пышма), Свято-Троицком (г. Невьянск), Симеоно-Аннинском (Верхотурский Николаевский монастырь) и др. См. также: Святыни Екатеринбургской епархии. С. 48, 50, 91, 105.

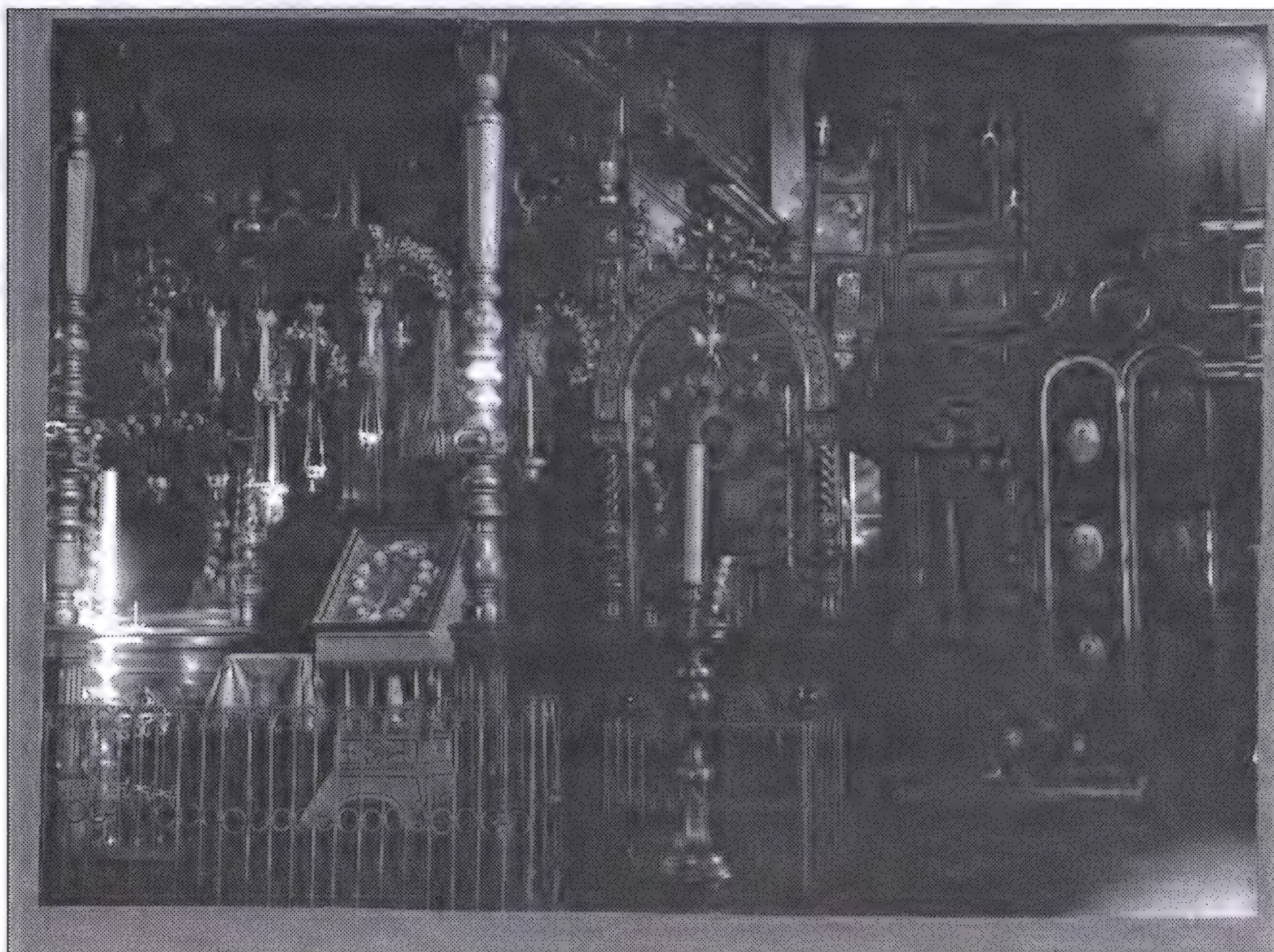
¹⁷ Святыни Екатеринбургской епархии. С. 105–106.

¹⁸ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. С. 80.

¹⁹ Икона из Верхнего Тагила прославлена на всю Россию // Православная газета. Екатеринбург. 2000. № 33 (174). С. 3.



Ил. 7. Внутренний вид Спасо-Преображенского собора г. Невьянска.
Центральный иконостас. 1927 г.



Ил. 8. Внутренний вид Спасо-Преображенского собора г. Невьянска.
Успенский предел. 1927 г.

зацных листа. Рукопись заключена в бумажный переплет. Текст предания расположен на листах 1—13. Листы 13 об.—16 об. и форзацные — чистые, без записей. Текст, содержащийся в рукописи, уже публиковался частично²⁰ и в пересказе (по копии рукописи, хранящейся в Верхнетагильском краеведческом музее)²¹.

В приложении приводится полный текст рукописи. Публикация осуществляется по принятым правилам: буквы, вышедшие из употребления, заменены; орфография памятника сохранена; синтаксис и пунктуация — современные; слова под титлом и сокращения раскрыты без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказание о явлении и чудесах Верхне-тагильской Чудотворной иконы Божией Матери именуемой “Знамение”

л. 1 Устное предание о Иконе Знамения Пресвятыя Богородицы, находящейся при Верхнетагильской Знаменской Православной церкви.

Кем и где написана эта Святая икона — неизвестно, а известны лишь следующие сведения:

л. 1 об. Во время основания горных заводов на Урале, по большой^{*1} надобности в людях, дозволялось правитель//ством водворяться на горных заводах всякому желающему без исследования прежней жизни и преступлений. Шли из России несколько человек бурлаков для водворения на горных заводах и на дороге, ведущей к Невьянскому заводу, обрели скит монашествующих и изъявили желание последовать примеру проживающих в // скиту монахов,

л. 2 где и остались для всегдашнего проживания. Но необузданное своеволие бурлаков видело в мирной жизни схимников один только тяжелый труд в работах и молитвах, чего им скоро наскучило, и они решили продолжать свой путь далее



Ил. 9. Вознесенская церковь г. Невьянска. 1970-е гг. Здесь в настоящее время находится чтимый Невьянский список с Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери “Знамение”

²⁰ Святыни Екатеринбургской епархии. С. 119—121.

²¹ Щербинина О. Побеждая незримою силою... С. 104—105.

^{*1} Испр. в ркп.: *большей*

- л. 2 об. к Невьянскому заводу. Скит, в котором // проживали, разорили и разграбили, оставив на том месте только одну Святую Икону Знамения Пресвятой Богородицы. Но Образ Богоматери не благоволил оставаться в неизвестности, ибо от сей Святой Иконы был глас, повелевающий бурлакам непременно взять^{*2} ее с собою, угрожая в противном случае обнаружить их // грабительство и разорение скита. Три раза они покушались спрятать Святую Икону в лесу, но глас повелевал немедленно взять ее с собою. Бурлаки, вследствие трехкратной неудачи, решились нести Святую Икону с собой.

- л. 3 об. Не доходя до Невьянского завода, послали в оный несколько человек из своих товарищей, чтобы объявить кому-либо о несенной ими // Святой Иконе, столь чудно на них подействовавшей. По приходе в Невьянск они нашли квартиру, и когда хозяину оной рассказали о своих обстоятельствах, то он ужаснулся принять их со Святой Иконой в дом свой. Тогда посланные возвратились к оставшимся при Святой Иконе товарищам, то л. 4 по всеобщем совещании решили никому // в заводе о Святой Иконе не объявлять, а поставить таковую на заводскую тульскую башню, что по приходе в Невьянск и исполнили.

- Явление Иконы тотчас же сделалось известным жителям завода, и Икона была принесена в церковь. Явление Чюдотворной Иконы произ- л. 4 об. вело на жителей Невьянска большое впечатление. // Один из жителей Невьянска, Савва Медведев, был заподозрен в краже вещей у жителя деревни Каменки, но так как подозрение на Медведева было невинное, то он и приносил Господу Богу теплые молитвы о избавлении [от] возводимого на него обвинения. Молитвы Медведева были услышаны защитою // и покровительством явившейся Святой Иконы на башне: в одну л. 5 ночь явившаяся на башне Икона, находящаяся уже в то время в церкви, явилась Медведеву и рекла: “Если ты обещаешься перенести меня в дом свой, будешь избавлен от возводимого на тебя напрасного обвинения”. л. 5 об. Обрадованный чудесным явлением Святой Иконы Медведев дал // в этом обещание, и действительно в скором времени потребован в Алапаевскую провинцию для ответа по возводимому на его обвинению в краже. Но лишь только явился в провинцию, претендатель пал перед ним ниц и просил прощения в напрасном обвинении, так как учинивший кражу был уже л. 6 обнаружен и предан суду. //

- Такое проявление милости Божией тем разительнее подействовало на Медведева исполнить данное им обещание Чюдотворной Иконе. По возвращении в Невьянск Медведев немедленно явился к протоиерею, сказал ему все происшедшие с ним обстоятельства и просил уступить ему Святую л. 6 об. Икону. Протоиерей затруднился вырешить единолично просьбу // Медведева, посоветовался с властями Невьянского завода, и по всеобщем совещании было решено продать Святую Икону Медведеву за три рубля (в 1709 г.), а деньги приложить в церковь.

- Вскоре после того Медведев был переведен на жительство с Невьянского в Верхне-Тагильский завод, тогда он перенес с собой и Чюдотворную л. 7 Икону. Нахо//дилась Святая Икона во владении Медведева в Невьянске

^{*2} В ркп. пропущено, дописано над строкой

и Тагиле 44 года. В 1753 г., когда в Верхне-Тагильском заводе была построена церковь, Медведев с общего согласия всех жителей внес в церковь сию Чюдотворную Икону и вместе с ней внес еще три иконы: Пресвятая Живоначальная Троица, Святого пророка Илии и Святых мученик Флора и Лавра, // сам же, будучи человеком усердным и богобоязненным, был избран церковным старостою.

От сей Чюдотворной Иконы Знамения Божией Матери бывали многия исцеления от различных болезней с верою и усердием к ней притекающим. Усердные христиане и поныне не перестают приходить на поклонение сему Чюдотворно//му Образу Знамения Божией Матери и переносят таковой каждогодно в течение лета по окрестным заводам. В Невьянском заводе был необыкновенный падеж на скота. Тогда жители Невьянска вспомнили о Святой Иконе, явившейся на башне, и пожелали принести таковую в Невьянск для принесения теплых молитв о избавлении от падежа, // что ими и было исполнено. По принесении теплых молитв сему Чюдотворному Образу падеж на скота прекратился. Поетому жители Невьянска положили обет ежегодно приносить Святую Икону в Невьянск к празднику Святых Апостол Петра и Павла и приносить обратно в Тагил к празднику Святого Пророка Илии, что с большим радением исполняется и поныне. В одно время при переносе Святой Иконы из Тагила в Невьянск священники, служа молебн на речке Калате, между собою поссорились. Когда хотели продолжать ход, Святую Икону не могли даже поднять с места. Видя такое чюдотворение Святой Иконы, сопровождающие трудолюбивые богомольцы стали просить священников, чтобы они примирились. И когда // священники искренно простились между собою, тогда Чюдотворная Икона несена бысть с необыкновенною легкостию.

Верхнейвинский завод был наказан карою свыше за небрежность к Чюдотворной Иконе. Раз по обыкновению Чюдотворная Икона была принесена в Верхнейвинскую церковь к празднику Святителя Чюдотворца Николая 9 мая. Когда // надо было нести Святую Икону обратно в Тагил, жители Верхнейвинска, проводив Святую Икону лишь только за селение до местности, так называемой "Лобачевка", возвратились обратно в Верхнейвинск, не желая по нерадению своему нести Чюдотворного Образа до Тагила. Местные священно-церковно-служители в силу необходимости вынуждены были // просить помощи для переноса в Тагил Чюдотворной Иконы у Верхнейвинского заводского начальства. И унесена бысть таковая заводскими рабочими по принуждению от заводского начальства, а не как по ихнему желанию. На другой день после унесения Чюдотворной Иконы Верхнейвинский завод выгорел. Жители завода отнесли // причину пожара якобы гневу Чюдотворной Иконы за их нерадение во время перенесения Иконы. С тех пор жители Верхнейвинска дали обещание приносить Чюдотворную Икону в Верхнейвинск и уносить обратно в Тагил по своему усердному желанию, что исполняется и по днесь с большим усердием. //

Житель Верхнейвинского завода Никита Семенов Яргин, будучи болен несколько времени главною болезнию, не питал даже надежды на выздоровление. В день принесения Чюдотворной Иконы в Верхнейвинск (8 мая) пришел к нему в дом неизвестный старичок и попросил полотен-

- л. 12 це, коим бы по принесении // Чюдотворного Образа в Верхнейвинскую церковь обтереть лик от пыли и посоветовал етим полотенцем, когда он оботрет лик Образа, вытереть лицо болящему Яргину, что он, Яргин, и выполнил с большим усердием и верою на выздоровление и на другой же
- л. 12 об. день почувствовал от болезни облегчение и в скором // времени выздоровел совершенно.

- л. 13 Жена Александра Ивановича Семевского, служившего в то время управителем Нейво-Рудянского завода, была одержима ножною болезнию, несколько времени не могла ходить, почему и была возима при помощи прислуги в особо устроенной коляске. Один из жителей Ру//
- дьянского завода предложил жене Семевского во время переноса Чюдотворной Иконы из Тагила в Верхнейвинск принять таковую в дом свой для принесения теплых молитв, что Семевская с верою и усердием выполнила, и вскоре после ухода с иконами почувствовала себя совершенно здоровою.



И. В. Починская

Особенности художественного оформления старообрядческих изданий XVIII — начала XX вв.

Поводом к расколу русской церкви в середине XVII в. послужило исправление традиционной обрядово-литургической практики. И началось оно с внесения изменений в богослужебную литературу. Противники реформ отказались от принятия исправленных книг, первая из которых, Служебник, вышла в свет в 1655 г. Сторонники старой веры, в большинстве своем, считают истинными книги, напечатанные до 1652 г. включительно. Абсолютная монополия государства на книгоиздание не позволяла старообрядцам издавать литературу, отвечавшую их духовным запросам. Это привело к тому, что на протяжении полувека, в период формирования идеологии и становления в качестве оппозиционной общественно-политической силы, старообрядчество вынуждено было обходиться дореформенными изданиями, дополняя их сочинениями, переписанными от руки. Однако сокращение фонда дониконовской печатной литературы в связи с целенаправленной политикой правительства по ее изъятию, износом в процессе обращения и трудоемкостью воспроизводства книг путем переписки поставило ревнителей старины перед необходимостью искать пути для организации своего книгоиздания, которые и были найдены к началу XVIII в.

С тех пор как старообрядческая печатная книга оказалась в поле зрения исследователей, основное внимание уделялось репертуару изданий типографий, работавших на старообрядцев, особенностям состава книг и т. п.¹ Нельзя сказать, что этот вопрос изучен в полной мере, но общий вывод, определяющий степень самостоятельности старообрядческих изданий сделан. Сейчас уже ни у кого из специалистов не вызывает сомнения, что указание в их выходных данных на воспроизведение текста по отношению к московским дореформенным изданиям “ни в единой точке отменно”, “ни в чем отменно”, “слово в слово” мало соответствует дей-

¹ *Лабынцев Ю. А.* Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII—XIX вв. // Книга. Исследования и материалы. Л., 1973. Вып. 39. С. 209—215; *Починская И. В.* Старообрядческое книгопечатание XVIII — первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994. С. 63—67; *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX вв. Введение в изучение. СПб, 1996. С. 76—152.

ствительности. Но для того, чтобы в полной мере определить степень оригинальности старообрядческой печатной книги как культурного явления необходим анализ не только ее содержательной стороны, но и внешнего вида, дизайна. Первые шаги на этом пути уже сделаны: опубликованы альбомы орнаментики старообрядческих изданий XVIII — начала XIX вв.², предпринимались попытки выявления особенностей оформления старообрядческих изданий этого периода³, — но подробный анализ декоративного убранства книг ни первого ни последующих этапов старообрядческого книгопечатания⁴ до сих пор не проведен.

Цель данной статьи — рассмотреть оформление старообрядческих изданий, в первую очередь орнаментики различных типографий на протяжении более 200 лет, и определить характерные его признаки на всех этапах развития.

Инициатором книгоиздания стало калужско-стародубское старообрядчество⁵. Невозможность создания сети типографий на родине заставила старообрядцев обратиться к соседней Речи Посполитой, где книгоиздательство было свободно от жесткого государственного диктата. Решающую роль в организации производства книг печатным способом сыграли постоянные поездки купцов-старообрядцев в Польшу, которые позволяли им хорошо ориентироваться во внутриполитической ситуации в стране и создавали условия для налаживания контактов и заключения договоров на издание книг. Первые положительные результаты деятельности старообрядцев в этом направлении относятся к самому началу XVIII в. После публикации нескольких изданий, количество которых за тридцать с лишним лет едва превысило десяток, выпуск их прервался и был возобновлен только в конце 60-х гг. XVIII в. С этого времени начался период бурного развития старообрядческого книгопечатания. За срок не многим более 10 лет, к середине 80-х гг., в процесс книгоиздания были включены практически все типографии, работавшие в XVIII в. на старообрядческий рынок. В последней четверти XVIII в. старообрядческое книгопечатание приобрело широкие масштабы; количество изданий, выпускаемых каждой типографией, исчислялось десятками.

В XVIII — начале XIX вв. старообрядческие книги печатали: типографии Могилевского Богоявленского братства, православного Чернигов-

² Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века: Каталог. Л., 1991; Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание... В дальнейшем ссылки на альбомы орнаментики старообрядческих изданий, опубликованные в этих книгах, будут даваться в тексте в круглых скобках, например: (Починская, 55). Цифра указывает на номер элемента украшения в альбоме.

³ Зернова А. С. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати // Работа с редкими и ценными изданиями. М., 1973. С. 72—74; Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание... С. 67—68; Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX вв. С. 8—13.

⁴ О периодизации старообрядческого книгопечатания см.: Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев 1701—1918 гг. Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 3—8.

⁵ Подробнее об этом см.: Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание... С. 10—26.

ского Троице-Ильинского монастыря, трех униатских монастырей (Виленского Свято-Троицкого, Супрасльского Благовещенского, Почаевского Успенского), две светские типографии (королевская в Гродно и частная П. Дюфора в Варшаве), две собственно старообрядческие типографии в посаде Клинцы Черниговской губернии, передвижная типография Михаила Стрельбицкого (Яссы, Дубоссары, Могилев-на-Днестре) и тайные старообрядческие типографии в с. Махновка Киевской губернии, местечке Янов и с. Майдане-Почапинецком Подольской губернии.

Первоначально старообрядцы выступали заказчиками или арендаторами части оборудования в западнорусских и польских типографиях. Это обстоятельство оказало огромное влияние на художественное оформление старообрядческих изданий.

Старообрядческая печатная книга сохранила изначально сложившуюся в московском книгопечатании общую архитектуру страницы и набор элементов оформления, отличающий ее от других традиций книгопечатания. Это проявилось в сравнительном аскетизме оформления, основными элементами которого оставались только заставки, инициалы, ломбарды, вязь и очень немногочисленный стандартный набор гравюр. Новшества коснулись, прежде всего, сюжетно-стилистического диапазона орнаментики изданий; в число основных декоративных элементов были включены литые наборные украшения и концовки, которые появились в книгах московского Печатного двора только в 1652 г.⁶

Первой типографией, куда обратились старообрядцы со своими заказами, была типография Могилевского Богоявленского братства, находившаяся в то время в аренде у печатника М. Я. Вошанки⁷. Здесь в самом начале XVIII в. были выпущены Часовник и Псалтырь, которые неоднократно переиздавались в Могилеве в 30-х и 60-х гг. XVIII в. с выходными данными начала века; Их отличие состоит только в качестве печати и порядке размещения заставок.

Первым в 1701 г. был напечатан Часовник, одним из источников формирования текста которого послужило московское издание этой книги 1615 г.; из нее же были скопированы 4 заставки⁸, украшавшие как старообрядческий Часовник, так и напечатанную вслед за ним в 1705 г. Псалтырь. В старообрядческих изданиях наряду с этими заставками употреблены и более мелкие, функции которых в большей степени можно определить как разделители. Их аналогов в московской орнаментике нет, если не считать в некоторых из них отдаленных перекличек с заставками В. Бурцова. Гораздо явственнее их сходство с мелкими заставками

⁶ До 1652 г концовки в Москве употреблялись только в изданиях В. Бурцова, типография которого раньше, чем Печатный двор, испытала влияние западнорусской книжной традиции.

⁷ Подробнее об истории всех упоминающихся в статье типографий см.: Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев...

⁸ Подробнее об этом см.: Починская И. В. "Царского величества друкарня". 1614—1619 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. Екатеринбург, 1998. С. 223—224.



Ил. 1. Заставки моголевских старообрядческих изданий (слева)
и заставки виленских изданий Ф. Скорины (справа)

виленских изданий Ф. Скорины (ил. 1). Вероятно, при заказе книг в изготовлении малозначительных украшений старообрядцы полагались на вкус печатника Максима Воцанки, бывшего неплохим гравером. Гравером был и работавший с ним его брат Василий. Один из них мог быть автором орнаментики к старообрядческим изданиям. Полагаю, следует говорить не столько о прямом заимствовании у Ф. Скорины, сколько о влиянии орнаментики белорусского первопечатника на творчество своих восприемников, что нашло отражение в оформлении старообрядческих книг моголевской печати.

Моголевское издание Псалтыри 1705 г. перепечатывалось в 1717 г. в типографии Черниговского Троице-Ильинского монастыря. Обращение старообрядцев в эту типографию произошло в тот период, когда типография Моголевского братства не работала. В черниговском издании Псалтыри использован орнаментальный материал, изготовленный по подобию моголевского, только заставка на л. 23 об. напечатана с четырехконечным крестом наверху, как в синодальных изданиях, и на л. 81 сделан оттиск заставки с доски, употреблявшейся в других черниговских изданиях; ее рисунок стилистически далек от московской традиции.

Из старообрядческих изданий второй половины XVIII в. наиболее близкими по оформлению к московским являются книги, выпущенные в виленской и варшавской типографиях. Все их заставки и инициалы, за редким исключением, с разной степенью точности и уровнем мастерства копируют московские.

Из стилистически единого ряда заставок виленских изданий выбивается только одна, несколько оттисков которой украшают Святцы, напечатанные около 1806 г. в 16-ю долю листа. Эта заставка в XVIII в. принадлежала гродненской королевской типографии и использовалась в польских изданиях, а в Вильно она была продана вместе с рядом других

орнаментальных досок на рубеже XVIII—XIX вв. новым ее владельцем Б. Роммом. В центре этой заставки изображена ваза, справа и слева от нее — домики. Каждое изображение обвито гирляндой из декоративных листьев, образующих три круга (ил. 2).

Особенностью виленских старообрядческих изданий, отличающей их от московских дореформенных было довольно широкое использование концовок. Пытаясь быть последовательными в намерениях печатать литературу по московским канонам оформления, виленские издатели, конечно же, по воле заказчиков, копировали первые московские концовки 1652 г. (Починская, 64, 66, 67). Но их, в соответствии с новыми вкусами, оказалось недостаточно, и в дело были пущены имевшиеся в типографии доски. Оттиснутые с них концовки были выполнены в ярко выраженном барочном и рокайльном стилях, и совершенно не вписывались в московскую традицию (ил. 3).



Ил. 2

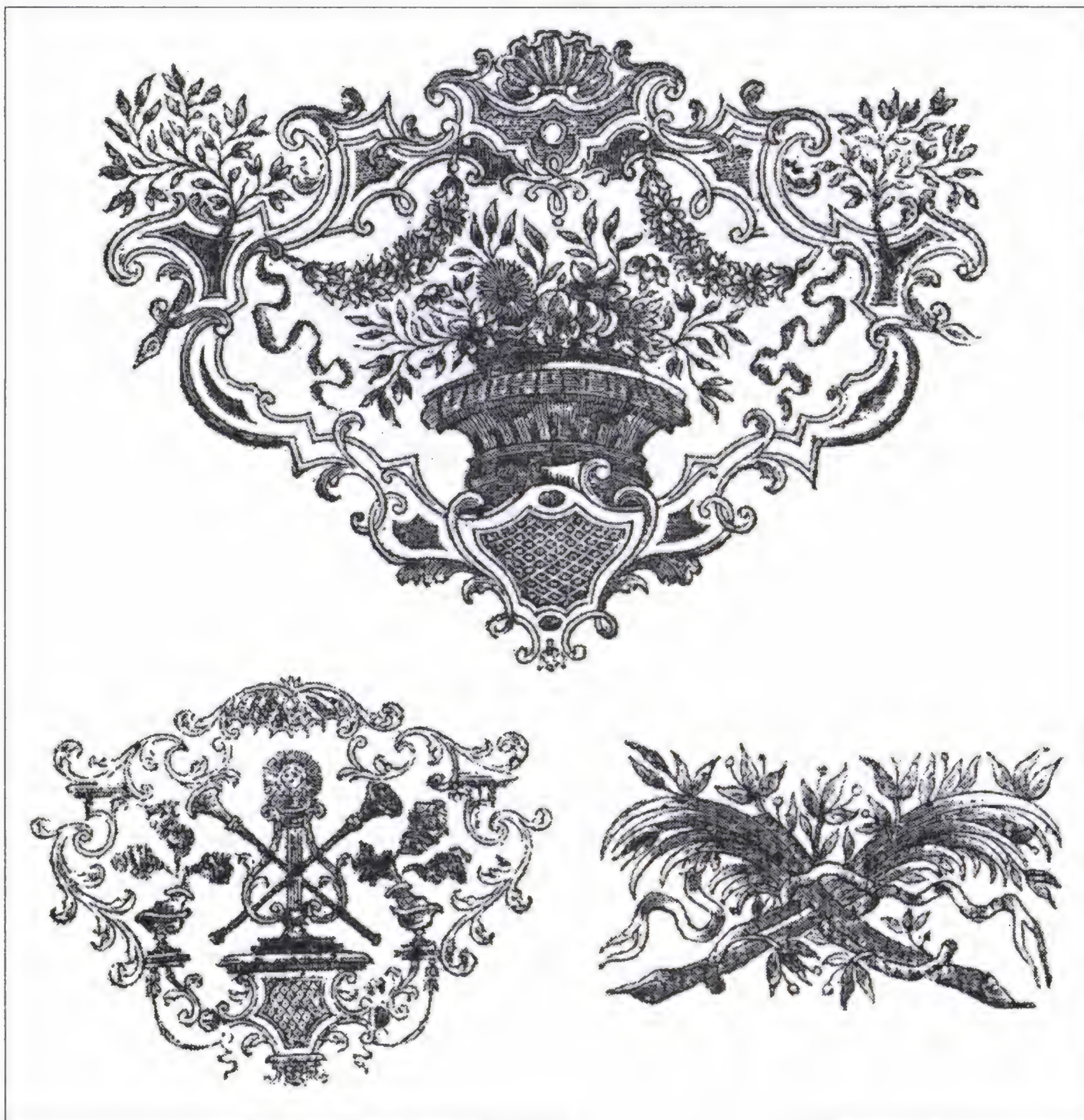
В варшавской типографии с 1785 по 1788 гг. напечатано всего пять книг. Их издателем был купец М. Г. Соловьев, арендовавший у П. Дюфора часть оборудования его типографии. До 1784 г. он издавал старообрядческую литературу в Супрасле, о чем речь пойдет ниже. Там по его заказу были выполнены доски орнаментики, которые он привез в Варшаву.

В 1798 г. с использованием орнаментики Соловьева была напечатана еще одна книга, Псалтырь. Типография и печатник, выпустивший ее, неизвестны. Это единственное старообрядческое издание с указанием в выходных данных на Варшаву, в котором наблюдаются небольшие отклонения от московского канона первой половины XVII в. Они заключаются в появлении новой заставки, составленной из двух повторяющихся, рисунок которых представляет собой веточки травы, обвитые вокруг перфорированной широкой горизонтальной линии (Починская, 7); нескольких инициалов, расположенных на орнаментированном фоне с рисунком, более тяготеющим к западнорусской традиции (Починская, 15, 18, 19, 21). В этой книге употреблены две концовки, явно перекочевавшие со страниц польских или французских изданий (Починская, 10, 11).

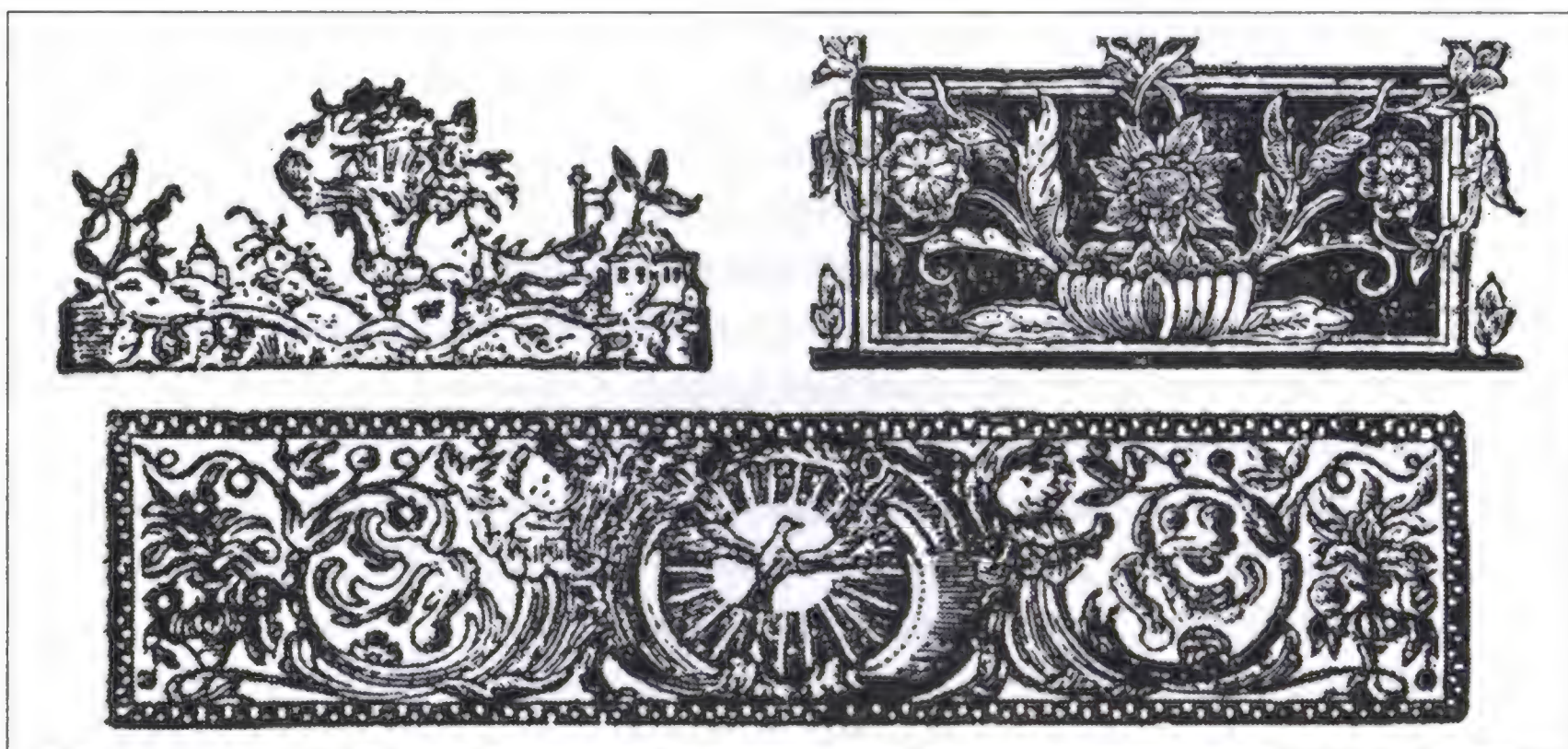
Значительно более удаленными по сюжетно-стилистическому содержанию орнаментики от московских дореформенных изданий являются старообрядческие книги, напечатанные в Гродно.

Гродненские издания количественно не перегружены элементами оформления. Крайне редко при их украшении используются концовки: известна всего одна доска (Починская, 147).

Наиболее употребляемыми являются клише заставок, копирующие московские, явно изготовленные по просьбе заказчиков книг (Починская, 136, 137, 141, 143). Их очень немного, поэтому не редки случаи, когда в одной книге с двух-трех таких досок делалось по 20—30 оттис-



Ил. 3



Ил. 4

ков. Но наряду с ними использовались и клише типографии с изображением пейзажей, антропоморфными и зооморфными включениями (ил. 4).



Ил. 5

Несколько заставок любопытны не только по рисунку, но и по технике исполнения, не встречающейся при изготовлении орнаментики ни в одной другой типографии. В них практически отсутствует сплошное белое или черное поле, все пространство доски покрыто разнонаправленными штрихами (ил. 5).

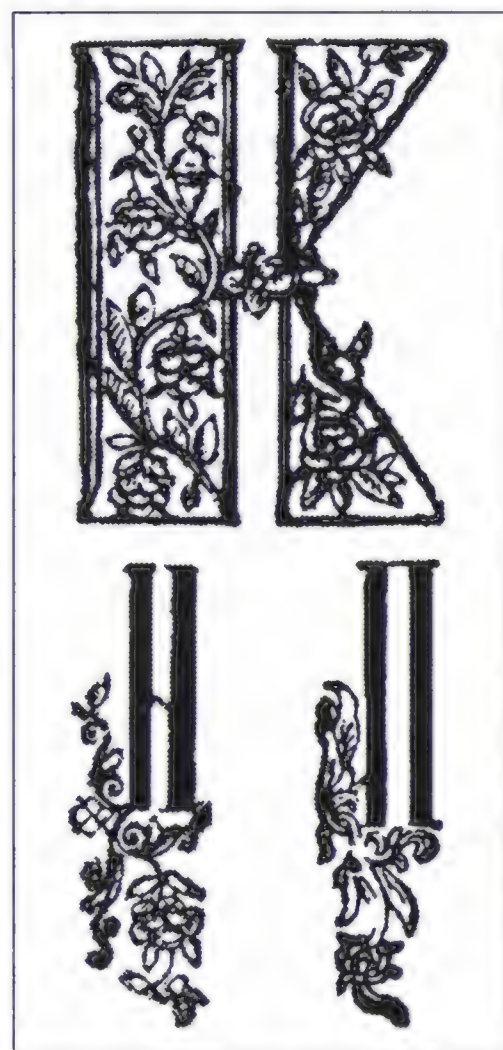
Вероятно, тому же мастеру, что резал клише этих заставок, принадлежит и изготовление большинства инициалов. Нужно отметить, что инициалы и ломбарды гродненских старообрядческих изданий являются важным атрибутирующим признаком, позволяющим отличать их от изданий других типографий и выявлять книги с ложными выходными данными. В инициалах довольно часто, а в ломбардах практически всегда встречается изображение цветочной розетки, которая в той или иной степени напоминает цветок или бутон розы (ил. 6).

Для гродненских старообрядческих изданий характерно частое использование при печати мелкого шрифта (высота 10 строк — 60–63 мм), причем в изданиях не только в 8-ю, но и в 4-ю долю листа. Примерно одна четверть всех книг напечатана таким шрифтом.

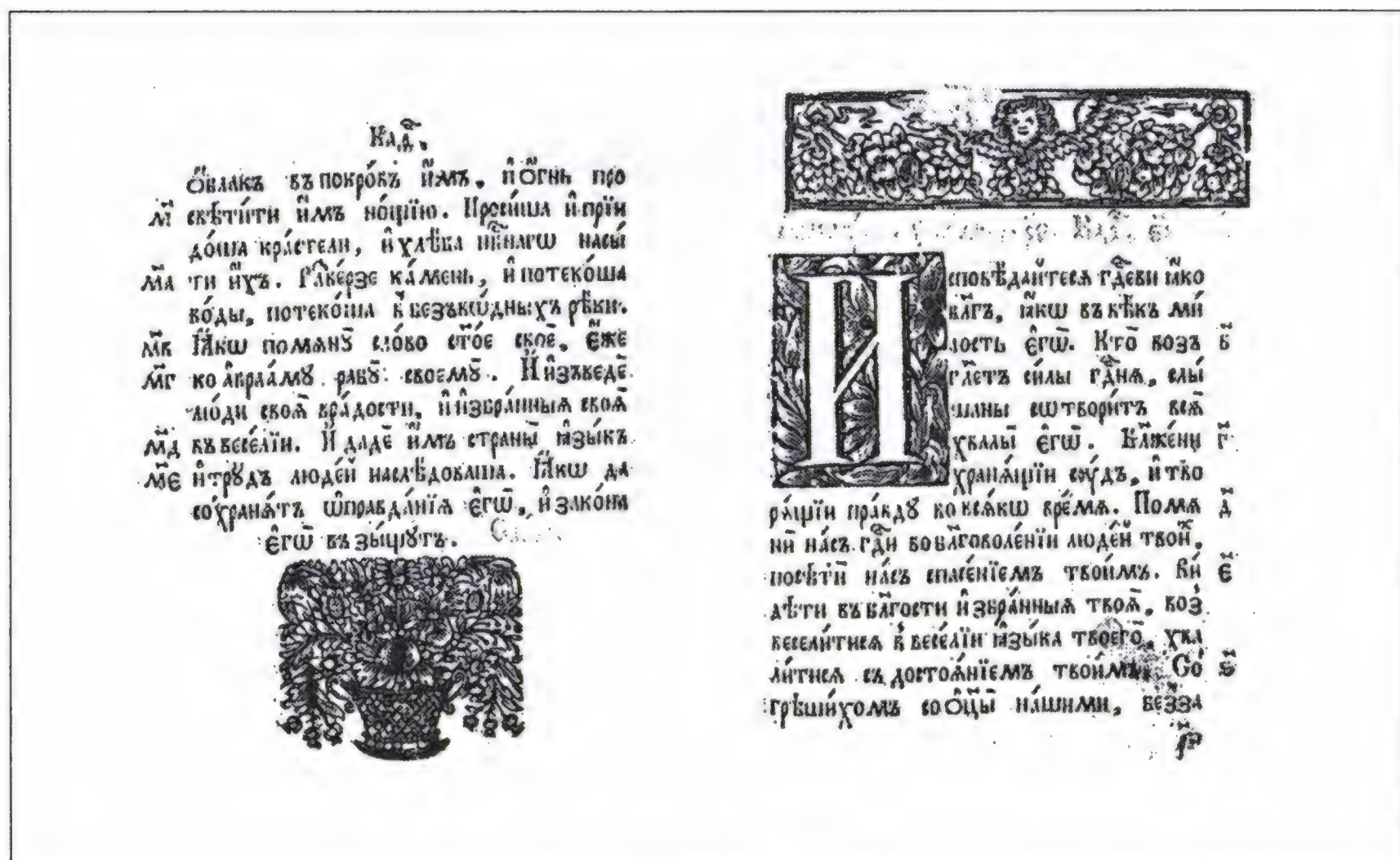
Старообрядческие издания, выпущенные типографиями Супрасльского и Почаевского униатских монастырей, отличаются особенно богатым оформлением, в целом имеющим мало общего со стилистикой декора московских книг первой половины XVII в. Прежде всего, это относится к супрасльским изданиям.

Первым заказчиком старообрядческих книг в Супрасле был М. Г. Соловьев, по заказу которого было выполнено более десяти заставок, копирующих московские, большую часть которых он увез в Варшаву в начале 80-х гг. XVIII в.

Однако не эти заставки изначально определяли внешний вид изданий. Наряду с ними очень широко использовались заставки, концовки, инициалы, принадлежавшие типографии, изготавливавшиеся для оформления как светской, так и религиозной литературы, униатской и католической (Починская, 193–430). Вся эта орнаментика разнообразна по стилистике, сюжетному решению, уровню исполнительского мастерства. В результате на страницах старообрядческих изданий встреча-



Ил. 6



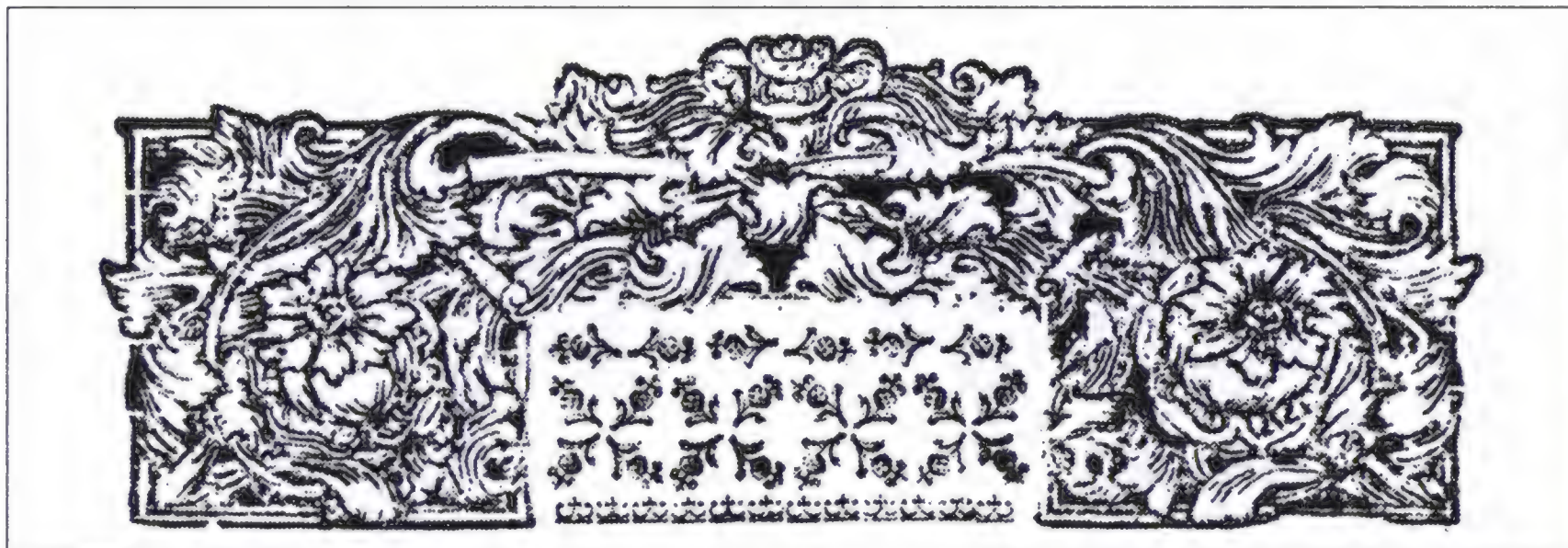
Ил. 7

ются барочные вазоны со стилизованными цветами, ветками и довольно изящные реалистические букеты, рокайльные картуши и орнаментика с антропоморфными и зооморфными элементами, характерными для православной западнорусской книжной традиции, сплетения и букеты из диковинных крупных цветов, отдельные из которых напоминают астры, подсолнухи, какие-то полевые цветы, также изначально присущие западнорусской печатной книге. Причем с использованием последних мотивов изготовлены заставки, концовки и инициалы. Несмотря на черно-белое исполнение, их отличает известное изящество и яркость (ил. 7).

Особенностью супрасльских изданий является использование заставок, копирующих орнаментику Ивана Федорова или навеянных ею (ил. 8). В изданиях других типографий, за исключением одной заставки в Яссах, ничего подобного не встречается.

В старообрядческих книгах супрасльской печати используется огромное количество концовок. Некоторые из них довольно странно смотрятся на страницах духовной литературы: путти, играющие на лире или собирающие цветы, роскошные вазоны и легкомысленные букетики с ленточками были бы гораздо уместнее при оформлении светских романов или сборников стихов (ил. 9).

Издания М. Г. Соловьева более перегружены орнаментикой, чем книги, напечатанные по заказу другого компаньона супрасльских униатов, вступившего с ними в контакт после отъезда М. Г. Соловьева, старообрядца П. И. Губарева. Необычность ряду соловьевских книг придает шрифт, изготовленный для издания униатской литературы. Его архитектура далека от московского стандарта (ил. 7).



Ил. 8

Оформление старообрядческих изданий почаевской типографии более скромно, чем супрасльской. Они не столь перегружены декором, в них немного орнаментальных досок, копирующих московские, но при этом мало (не более трех-четырех) и совершенно экзотических в сравнении с московской традицией (Починская, 225, 238, 242, 305).

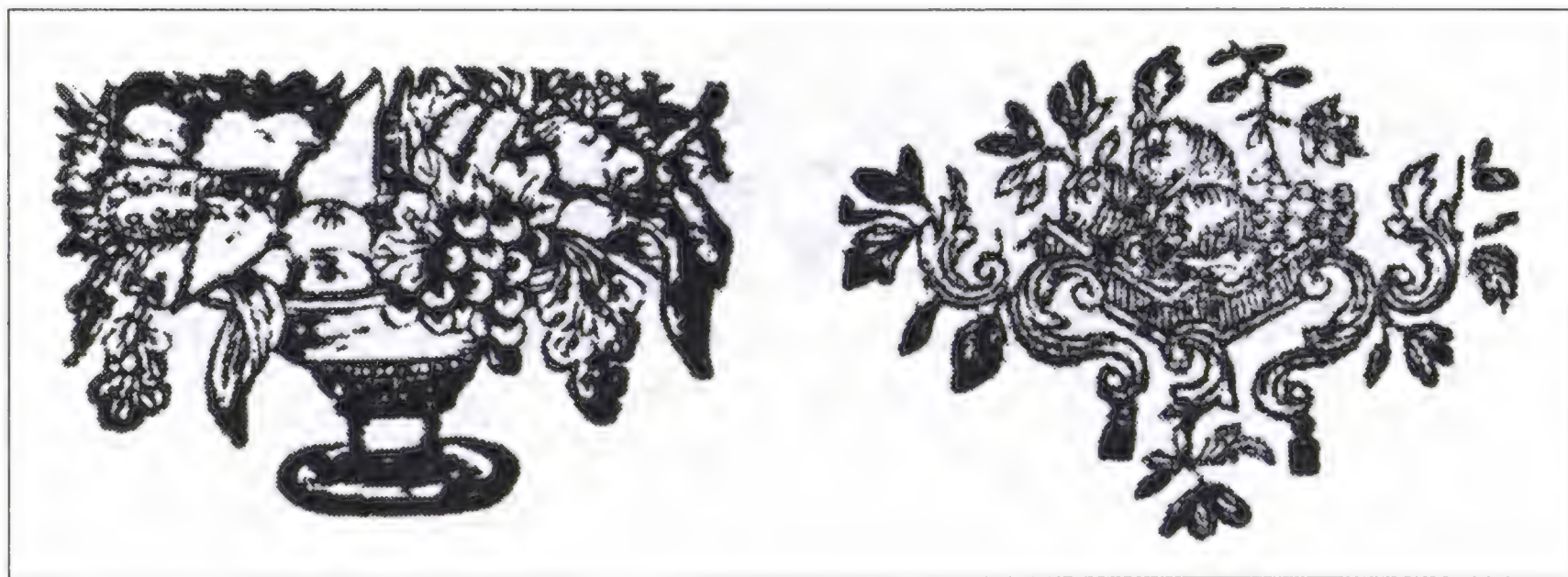
Наиболее употребляемыми в старообрядческих изданиях являются четыре заставки, явно выполненные одним мастером (Починская, 244—252). Их поля заполнены очень похожим травянисто-цветочным орнаментом; разнятся они только центральными изображениями: в одной — это вписанная в круг многолепестковая цветочная розетка с острыми концами, в другой — плетеная корзина с цветами, в третьей — кувшин с цветами, вписанный в круг, образуемый двумя крупными резными листьями, в четвертой — некое подобие солнышка с лицом, заключенного в эллипсо-



Ил. 9

видное пространство с помощью толстых декоративных линий; цветочные бутоны на верхних углах этой заставки изображены лепестками вниз. Любопытно отметить, что довольно скоро после начала использования клише, лицо у “солнышка” было очень небрежно выскоблено.

По количеству концовок и по буйству фантазии их изготовителей почаевские издания также уступают супрасльским, но опережают книги



Ил. 10

других типографий. В арсенале почаевской типографии было две концовки, копирующих первые московские (Починская 255, 258). Все же остальные выполнены в традициях, присущих западнорусской книжной графике XVIII в. (ил. 10), поэтому нередко они не только перекликаются в мотивах с орнаментикой других типографий, но и прямо копируют друг друга. Возможно, что такие концовки выполнялись одним и тем же мастером (ср., например, Починская, 256 и 339).

В старообрядческих изданиях всех типографий, в отличие от московских первой половины XVII в., нередко употреблялись наборные украшения, композиции из которых использовались как заставки в малоформатных изданиях, иногда для обрамления выходных данных или гравюр и т. д.

К числу элементов украшения старообрядческих изданий, наряду с рассмотренными выше, принадлежат и фронтисписы, представляющие собой, как правило, гравюры на дереве. В отличие от заставок, концовок и др., книжные гравюры немногочисленны и в значительно меньшей степени отклоняются от следования московской традиции первой половины XVII в.

К числу книг, содержащих гравюры, относится Лествица, напечатанная в Варшаве в 1785 г., где воспроизводятся иллюстрации московского издания этой книги 1647 г.; копия довольно точная, но не отличается высоким качеством исполнения.

В книге Слов и поучений Ефрема Сирина обычно помещалось изображение писателя, копирующее московскую гравюру издания 1647 г., иногда с некоторыми вариациями, касающимися, главным образом, рамки. Например, в Вильно Слова и поучения Ефрема Сирина издавались трижды. Эти книги были различного формата, что определяло характер изменений, вносимых оформителем в гравюры. В издании 1780 г. во 2-ю долю листа изображение Ефрема Сирина полностью совпадает с московским. В издании около 1802 г. в 4-ю долю листа широкая сложная рамка большого формата заменена рамкой псалтырной (то есть такой, в которую обычно помещали изображение царя Давида в Псалтырях). В издании 1768 г. в 8-ю долю листа рамка почти полностью срезана, убраны ее декоративные боковые колонны, сокращена и значительно упро-

щена ее верхняя часть, эту гравюру отличает также и низкое качество работы резчика.

В Супрасле с 1786 г. Слова и поучения Ефрема Сирина переиздавались не менее четырех раз. Гравюра по подобию московской была изготовлена для формата в 4-ю долю листа за счет уменьшения рамки, поэтому при ее использовании в дальнейшем в книгах большого формата на листе с гравюрой размещали еще и заставку, а гравюру дополняли рамкой из наборных украшений. Сама гравюра, как и вся супрасльская орнаментика, выполнена довольно технично.

К числу иллюстрированных изданий относится Евангелие-тетр, вышедшее в Вильно не ранее 1801 г. Гравюры, изображающие евангелистов, выполнены по подобию московских, изготовленных Кондратом Ивановым по рисункам Прокопия Чирина для Евангелия 1627 г. Для виленских копий характерна упрощенность рисунка и грубая примитивная техника резьбы, выдающая руку не слишком умелого мастера (ил. 11).



Ил. 11

Наиболее часто издаваемой всеми типографиями иллюстрированной книгой является Псалтырь. Анализ особенностей гравюры с изображением царя Давида дает любопытные результаты.

Гравюры первых старообрядческих изданий Псалтыри, могилевских и черниговского, трудно соотнести с конкретными московскими оттисками. Их рамки значительно срезаны. Сохранилась только сама арка с поддерживающими ее колоннами; фигура Давида, сидящего за столом, вынесена на передний план и размещена перед аркой (Починская, 196, 197, 455).

Во всех типографиях второй половины XVIII в. авторы гравюр за основу брали фронтиспис московской Псалтыри 1619 г. Он, также как и изображение Ефрема Сирина, иногда подвергался переработке, но в данном случае она касалась не оформления, а центральной части гравюры.

Наиболее близки к московскому оригиналу фронтисписы в Псалтырях, издававшихся в Вильно и в Супрасле М. Г. Соловьевым. В Вильно было два клише, выполненных по одному рисунку, и разница между ними выявляется только при детальном сопоставлении. Гравюра, употреблявшаяся М. Г. Соловьевым в Супрасле, с 1785 г. использовалась в Гродно. На доске в это время появляется дефект: свеча на столике перед Давидом оказывается перевернутой пламенем вниз (ил. 12). Вероятно, клише



Ил. 12



Ил. 13



Ил. 14



Ил. 15

фронтисписа было продано гродненской типографии М. Г. Соловьевым в связи с отъездом в Варшаву, либо оно по каким-то причинам было оставлено в Супрасле, а униатская типография, не нуждавшаяся в этой доске, продала ее в Гродно. В дальнейшем с 1786 г. в супрасльских Псалтырях употреблялась новая доска с изображением царя Давида, изготовленная по тому же рисунку, что и клише почаевской типографии (ил. 13). Возможно, это просто копия, но выполненная значительно хуже оригинала (ил. 14). Эти гравюры, будучи, в целом, выдержанными в русле московской традиции, в отличие от других гравюр в старообрядческих изданиях, отразили некоторое влияние современной западнорусской традиции. На них царь Давид изображен сидящим не на скамье с подушкой, а в кресле с высокой резной спинкой и гнутыми подлокотниками.

Фронтиспис варшавской Псалтыри 1798 г. является третьим вариантом гравюры того же рисунка, но он ближе к супрасльской гравюре, с которой, вероятно, и скопирован. Однако гравюра книги, изданной в Варшаве, отличается от своих предшественниц грубостью и примитивностью исполнения (ил. 15).

Таким образом, западнорусская традиция книжного оформления XVIII в., отличающаяся от московской первой половины XVII в. большим количеством декоративных элементов, более широким разнообразием мотивов, используемых при изготовлении орнаментальных клише, стилизованным многообразием, сложившимся благодаря непосредственному влиянию западноевропейской культуры, активнейшим образом проникала в старообрядческую книжную традицию⁹. И это явление нельзя объяснить только недостатком в распоряжении старообрядческих издателей типографского материала, сходного с московским, как это делали А. С. Зернова¹⁰ и Ю. А. Лабынцев¹¹. Возможность восприятия старообрядцами таких значительных новаций коренилась и в новых эстетических представлениях заказчиков книг, жителей западнорусских территорий, и в отсутствии внутренней потребности читателей следовать старому канону, в их готовности воспринимать новую книгу. В старообрядческую книжную культуру входили новые сочинения, которых прежде в печатной традиции не было¹², старые богослужебные книги структурировались иначе, исходя из потребностей практики¹³. Усвоение нового шло сначала через рукописную книгу, а затем входило и в печатную традицию.

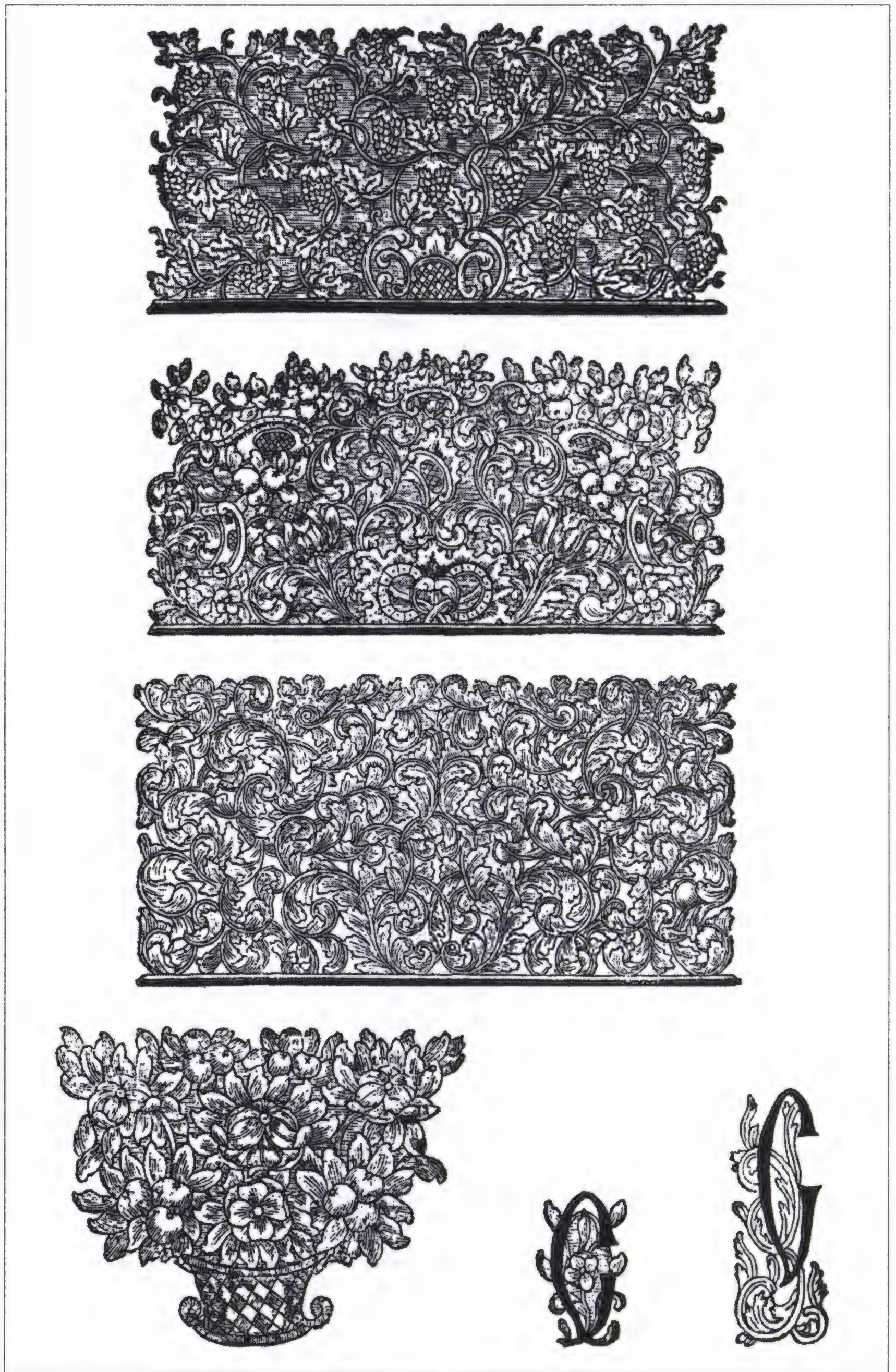
⁹ Заметим, что такое же влияние западноевропейской книжной графики испытывала и русская гражданская печатная книга. В результате, в старообрядческих изданиях и светских российских книгах нередко параллели в мотивах орнаментики.

¹⁰ Зернова А. С. Методика описания старопечатных книг кирилловской печати. С. 72.

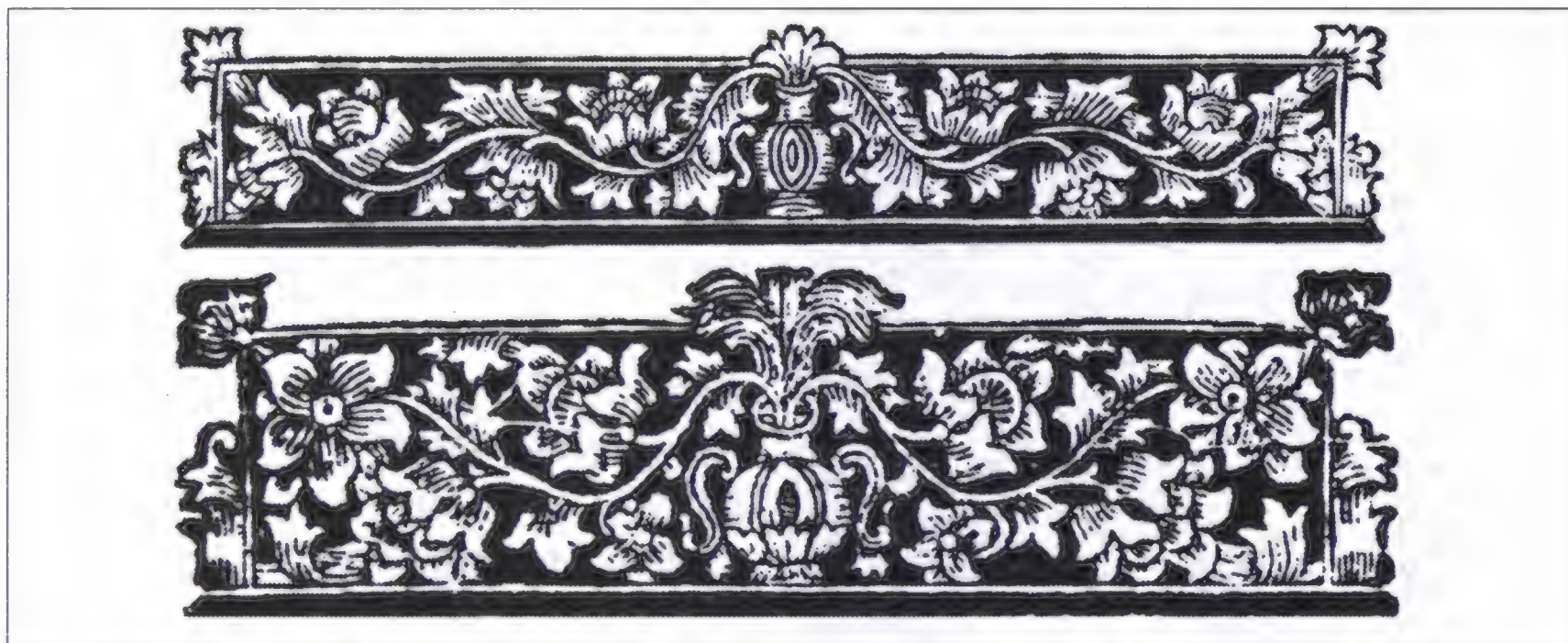
¹¹ Лабынцев Ю. А. Кирилловские издания Супрасльской типографии // В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указания. М., 1978. Вып. 3. С. 7.

¹² Вознесенский А. В. Старообрядческие издания... С. 76–152.

¹³ Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание... С. 63–67.



Ил. 16



Ил. 17

Подтверждением вышесказанного является анализ оформления изданий собственно старообрядческих типографий.

Первые старообрядческие типографии появились в середине 80-х гг. XVIII в. в одной из так называемых “стародубских раскольничьих слобод” в посаде Клинцы после указа 1783 г. о разрешении заведения частных типографий. Одна из них принадлежала местным купцам В. и Я. Железниковым и Д. Рукавишникову, другая — Ф. Карташеву.

В. Железников с 1781 г. являлся заказчиком старообрядческих изданий в Почаеве. Позднее он стал не только поставлять заказы типографии, но и участвовал в их выполнении, скорее всего, арендуя оборудование типографии и используя ее работников. С помощью волынских мастеров печатного дела В. Железников изготовил типографские материалы для своей печатни, пытался завербовать их к себе на работу и, вероятно, небезуспешно, так как уже первые клинцовские издания отличаются великолепное качество печати и оформления. На их страницах встречаются оттиски с клише совершенно оригинального рисунка, изображающего переплетающиеся ветки яблони с цветами и плодами, причем этот мотив использован в изготовлении заставки, нескольких концовок и инициалов. Так же блоком вместе с инициалами идет заставка, выполненная на основе мотива, изображающего густое переплетение декоративных резных листьев. Несомненно, к числу интереснейших принадлежит и заставка с рисунком в виде виноградных лоз с гроздьями ягод. Судя по технике исполнения, все эти заставки с примыкающими к ним концовками и инициалами принадлежат одному мастеру (ил. 16).

Оригинален и целый ряд узких симметричных заставок с расходящимися от центра гирляндами веток, цветов или шишек (Вознесенский, 70—76). Эти заставки использовались в оформлении книг наиболее ходового формата, в 4-ю долю листа (Псалтыри, Часовники, Канонники и др.). В центре некоторых заставок подобного рода помещен кувшин. Эти заставки являют собой непосредственный синтез традиционных московских мотивов (гирлянда) и одного из основных элементов барочной книжной графики (кувшин) (ил. 17).



Ил. 18



Ил. 19

Однако в клинцовских изданиях, как и во всех старообрядческих печатных книгах, наряду с оригинальными присутствуют и элементы украшений, копирующие московские.

Издания клинцовой типографии, владельцами которой были Железниковы и Рукавишников, отличаются оригинальностью не только орнаментики, но и гравюр. Это единственная типография, использовавшая для оформления старообрядческих изданий медные клише. Они были употреблены в Псалтыри и в Житии Сергия Радонежского и учеников его Никона и Саввы Сторожевских, выпущенных в 1786 г., а так же в книге Поучений Ефрема Сирина и аввы Дорофея, производство которой было завершено 23 сентября 1787 г.

При изготовлении клише фронтисписа последней книги с изображением Ефрема Сирина мастер в качестве образца использовал уже упоминавшуюся гравюру московского издания 1647 г. Ее отличие от оригинала заключается в более разреженной орнаментации рамки и тонкой, изящной прорисовке лика, что объясняется не только мастерством автора, но и возможностями техники гравировки на меди (ил. 18).

Особый интерес представляют гравюры Псалтыри и Жития Сергия Радонежского. Обе, несомненно, изготовлены одним мастером и не имеют ничего общего с московской традицией книжной гравюры первой половины XVII в. Рисунки выполнены в рокайльном стиле. На фронтисписе Псалтыри царь Давид изображен сидящим не на скамье под аркой, как это было принято в Москве, а в комнате или беседке в рос-

се Псалтыри царь Давид изображен сидящим не на скамье под аркой, как это было принято в Москве, а в комнате или беседке в рос-

кошном резном кресле; справа с потолка свисает тяжелая задрапированная штора. В дверной проем видны башни города, судя по архитектуре — европейского (ил. 19).

На фронтисписе из Жития Сергия Радонежского изображены коленопреклоненные праведные Сергей и Михей перед Богородицей и апостолами Петром и Иоанном. Действие происходит в таком же помещении, в каком изображен царь Давид. Однако виднеющееся через дверной проем селение, в отличие от первой гравюры, по архитектуре напоминает российское (ил. 20).

Встает вопрос: являются ли эти гравюры копийными? Исходя из того, что московское издание Жития Сергия Радонежского (1646 г.) гравюр не имело, и на западе этот памятник русской литературы не издавался, можно полагать, что гравюра в книге, напечатанной в Клинцах, является оригинальной.

Фронтиспис Псалтыри выполнен не только в той же стилистической манере, что и Жития, но и с использованием одинаковых композиционных фрагментов, которые, несмотря на то что не являются изобретением автора гравюр, а традиционно использовались в западнорусской книжной графике, не дают оснований считать гравюру Псалтыри воспроизведением какого-то конкретного образца. Оба фронтисписа стали результатом творчества художника, попытавшегося ввести в старообрядческие издания иллюстрации, выполненные в стиле, господствовавшем в книжной графике конца XVIII в., которым он прекрасно владел.

Достойны внимания и гравюры на дереве из Евангелия-тетр, вышедшего в свет в 1786 г. Они, как и изображения евангелистов в виленском Евангелии 1790 г., имели образцом гравюры Кондрата Иванова и Прокопия Чиринина к московскому изданию 1627 г. Однако, в отличие от виленских, клинцовские гравюры выполнены великолепно. Прежде всего это относится к фигурам евангелистов. С помощью штриховки различной длины и толщины, отличающейся точностью и пластичностью, передана объемность фигур. Прекрасно прорисованы лики, кисти рук и стопы ног, которые наиболее часто искажались на гравюрах.

В 1788 г. типография была закрыта, а часть оборудования, которую не успели спрятать, конфискована. В 1789 г. это оборудование возвращено



Ил. 20

владельцам для продажи. Видимо, вскоре после этого между совладельцами типографии был произведен раздел имущества. Часть оборудования, принадлежавшая Д. Рукавишникову, была продана им или его наследниками владельцу второй клинцовской типографии Ф. Карташову.

Эта типография начала свою работу позднее первой, и во время обыска 1788 г. она не была обнаружена. Период ее активной деятельности в нелегальном режиме приходится на 90-е гг. XVIII — начало XIX вв. Собственная орнаментика этой типографии значительно беднее и менее интересна, чем первой клинцовской. В большинстве своем она копирует московскую. Несколько новых клише заставок появились в типографии во втором десятилетии XIX в., когда владельцем ее был А. Карташов, сын основателя типографии. Новые заставки несколько примитивны и грубоваты в исполнении. Они изготовлены по мотивам старых досок этой же типографии и первой клинцовской (Ср. Вознесенский, 70—76, 79—81 и 105—100).

Для изданий Карташовых, как и для продукции зарубежных типографий, выполнявших заказы старообрядцев, характерно использование композиций из наборных украшений вместо гравированных заставок.

В 1817 г. типография была закрыта, а ее оборудование, по распоряжению правительства, было продано вновь создаваемой в Москве единой верческой типографии.

Часть оборудования первой клинцовской типографии, принадлежавшая Железниковым, была увезена В. Железниковым в Молдавию, где он издавал с ее использованием старообрядческие книги в типографии М. Стрельбицкого.

М. Стрельбицкий, православный молдавский протопоп, получил право на издание духовной литературы по указу Екатерины II, благодаря фельдмаршалу Потемкину-Таврическому и Екатеринославскому губернатору Каховскому. Этой привилегии М. Стрельбицкий удостоился “в награду за службу в войне с турками”. Разрешение на типографию Стрельбицкий получил без ведома Синода, которому, позднее узнавшему об этом, ничего не оставалось, как согласиться с указом императрицы. Весь период своей книгоиздательской деятельности, печатник менял места своего пребывания как “считал для себя выгодным”. Причем все эти перемещения М. Стрельбицкого санкционировались светскими властями, включая Екатерину¹⁴. Вместе с М. Стрельбицким переезжал и В. Железников. Местами их деятельности были Яссы, Дубоссары, Могилев-на-Днестре.

В старообрядческих изданиях, напечатанных в типографии М. Стрельбицкого, к орнаментике В. Железникова добавилась новая. В некоторых вновь изготовленных клише использовались сюжеты прежних его заставок, как, например, маленькая, для изданий в 8-ю долю листа, которая повторяет с уменьшением ряд старых клинцовских заставок с изображением гирлянд цветов, тянущихся в противоположных направлениях из

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 75. Д. 117. Л. 1—22.



Ил. 21

кувшина, расположенного в центре (Вознесенский, 125, 126). Другие заставки были явно заимствованы у М. Стрельбицкого. К таковым относится и клише концовки с изображением изящного букета полевых цветов (ил. 21).

Из гравюр в старообрядческих изданиях, напечатанных в типографии М. Стрельбицкого, необходимо отметить фронтиспис Апостола 1791 г. с изображением евангелиста Луки, образцом для которого стала гравюра Андроника Невежи из издания 1597 г. Конечно, новой гравюре не достает того изящества, четкости и точности композиции, выверенности места каждой детали рисунка, которые отличают работу Андроника Невежи. Рамка во многом упрощена. Однако, в целом, гравюра издания Стрельбицкого не оставляет сомнения в том, что ее изготовил хороший профессионал.

Почему прекратилось сотрудничество В. Железникова с М. Стрельбицким, неизвестно. По старообрядческим изданиям примерно с середины 90-х гг. XVIII в. прослеживается раздел орнаментики В. Железникова. Небольшая часть ее ушла в типографию Ф. Карташева, а основная — к владельцу типографии в с. Махновка С. Селезневу, а в начале XIX в. типографию Селезнева купил К. Колычев и перенес ее в Янов.

Старообрядец В. Колычев печатал не только книги для своих одноверцев, но и светские, ориентированные на западнороссийский рынок, для которых у него, вероятно, был свой набор орнаментики. Некоторые заставки этой группы попали и на страницы старообрядческих книг (Вознесенский, 122). Наряду с ними появились и новые заставки, изготовленные, вероятно, специально для старообрядческих изданий. Они выполнены в традициях западнорусской книжной графики, например, заставка для малоформатных изданий с медальоном в центре, на котором изображен Иисус (ил. 22)¹⁵.

¹⁵ А. В. Вознесенский считает, что появление этих заставок “можно в равной степени отнести к влиянию и украинской, и московской традиций, тем более что некоторые старообрядческие заставки и концовки легко находят себе соответствие в поздних московских по рисунку или стилю” (Вознесенский А. В. Старообрядческие издания... С. 8–9). Это утверждение исследователя совершенно справедливо, однако не стоит забывать, что развитие московской пореформенной орнаментики шло под знаком значительного влияния на нее западнорусской традиции.



Ил. 22

В 1822 г. типография К. Колычева прекратила свое существование. Она была арестована в Майдане-Почапинецком.

Вслед за этим наступил сорокалетний перерыв в активной издательской деятельности старообрядцев. Он был вызван упадком

Стародубья, перемещением идеологических центров как поповщины, так и беспоповщины в Москву, адаптацией старообрядцев к новым условиям. Некоторая информация об их попытках продолжить книгоиздание в это время имеется в архивных документах. Но, видимо, попытки были малоуспешны, поскольку не оставили сколько-нибудь заметного следа в книжном наследии старообрядцев. Выпуск перепечаток дореформенных изданий был разрешен только открытой в 1820 г. единоверческой типографией, находившейся под контролем Синода. Ее продукция в какой-то мере восполняла потребности в дониконовских изданиях, но не все старообрядческие согласия она удовлетворяла, к тому же ее репертуар был строго ограничен. Она также не внесла ничего нового в оформление книги. Основу ее орнаментики составили, как уже упоминалось выше, материалы клинцовской типографии А. Карташова. По мере износа они заменялись новыми, выполненными по образцу первых, или по подобию московских первой половины XVII в.

Подъем новой волны старообрядческого книгоиздания приходится на 60-е гг. XIX в. Он совпал с началом движения народников, что активизировало деятельность полиции, комитета по делам печати, цензурных органов, “благодаря” чему в архивах этой эпохи отложилось немало дел по раскрытию тайных старообрядческих типографий, которые густой сетью покрыли Москву и ее окрестности.

Если в XVIII в. владельцами, арендаторами типографий, заказчиками старообрядческих книг являлись купцы, то во второй половине XIX в. это были, главным образом, крестьяне и мещане. Они располагали, как правило, мелкими типографиями с одним-двумя печатными станками, которые в прямом смысле находились в хорошо замаскированных подпольях. Зачастую полиции удавалось обнаружить их только в результате доноса.

Слабая степень изученности старообрядческого книгопечатания второй половины XIX — начала XX вв., в частности, связанная с тем, что не все выявленные издания этого периода соотнесены с конкретными типографиями, известными по архивным документам, не позволяет столь же подробно проанализировать особенности оформления изданий по типографиям, как это было сделано для XVIII в. Рассмотрим общие тенденции дизайна старообрядческих печатных книг этого периода.

Руководящим центром книгоиздательства поповцев, принявшим эстафету от Стародубья, стало Рогожское кладбище. Формально инициатором организации книгопечатания был Московский епископ белокри-

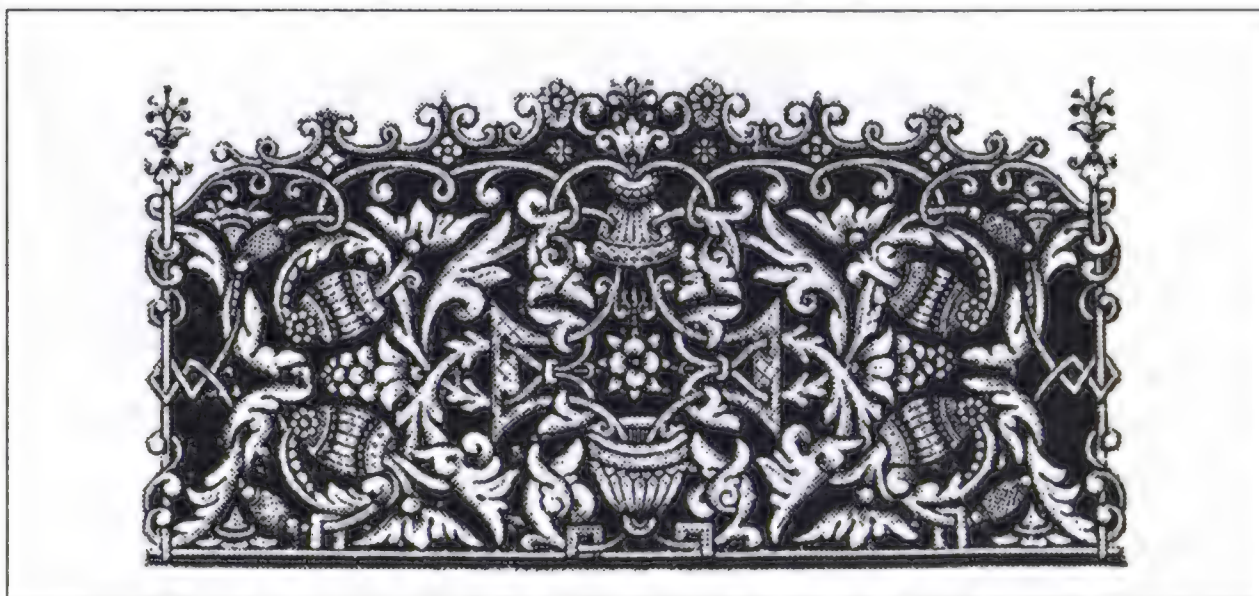
ницкой иерархии Антоний (Андрей Ларионович Шутов), реально же организатором стал его секретарь Анисим Васильевич Швецов (в дальнейшем епископ Арсений Уральский). Старообрядцы белокриницкой иерархии в силу исторических особенностей формирования их согласия имели прочные, постоянные контакты с зарубежными одноверцами, поэтому наряду с печатанием книг в России они наладили его и за ее пределами, осуществляя это как путем заказов изданий в существовавших там частных типографиях, так и путем организации собственных.

Отличительной особенностью печатной продукции поповцев второй половины XIX в. стало появление оригинальных авторских сочинений с претензией на жанр исторического исследования. Многие из этих сочинений печатались гражданским шрифтом. А ряд изданий на церковнославянском языке выходил в так называемом гражданском формате, что объясняется широким распространением бумаги машинного производства.

Издания этого времени оформлены очень скромно. Главными элементами украшений являются заставки, инициалы, ломбарды, а для зарубежных изданий характерно использование шрифтового многообразия и небольших концовок, представляющих рисунок, образованный неким переплетением линий. Заставки довольно просты, в большинстве своем они копируют московские первой половины XVII в. или клинцовские, главным образом, начала XIX в. Продукцию тайных типографий, располагавшихся на территории России, отличает низкое качество печати.

Если в первый период старообрядческого книгопечатания изданием книг занимались только поповцы, то во второй половине XIX в. необходимость пополнения книжных богатств печатным способом осознали и беспоповцы. Особенно активно в книгоиздание включились старообрядцы федосеевского согласия. Ими была создана крупнейшая во второй половине XIX в. старообрядческая типография, которая, меняя место своего расположения, в течение 30 лет (с начала 1860-х гг. до 1894 г.) работала в Московской и Ярославской губерниях. Ее владельцами были братья Андрей и Алексей Овчинниковы. Эта типография внесла важный вклад в развитие орнаментики старообрядческих печатных изданий. Федосеевцы, именуясь “древлегрекороссийским соловецким и старопоморским потомством”, считали себя наследниками Выга. Пытаясь продолжить его традиции книжного оформления, федосеевцы создали новые образцы орнаментики для оформления печатных книг. Если “на первом этапе развития выголексинской книжности большое влияние на поморцев оказала эстетика печатной книги”¹⁶, то в данный период наблюдается обратный процесс. Уже сложившаяся поморская рукописная орнаментика в несколько стилизованном, и более привычном для гравюры виде переносится на клише заставок, украшений на полях печатных книг. На

¹⁶ Плигузов А. И. К изучению орнаментики ранних рукописей // Рукописная традиция XVI–XIX веков на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 86.

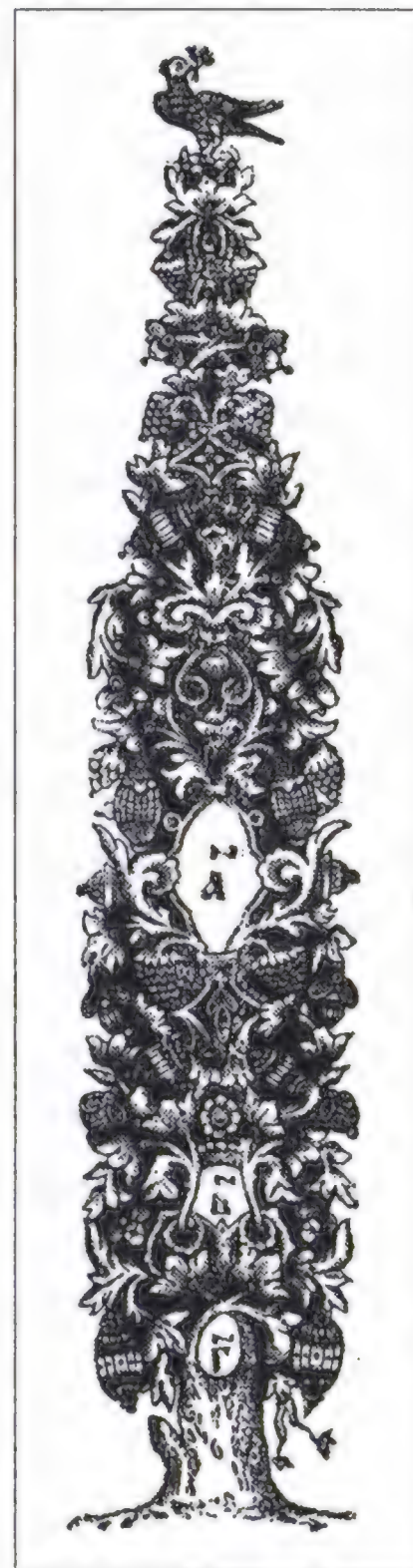


Ил. 23а

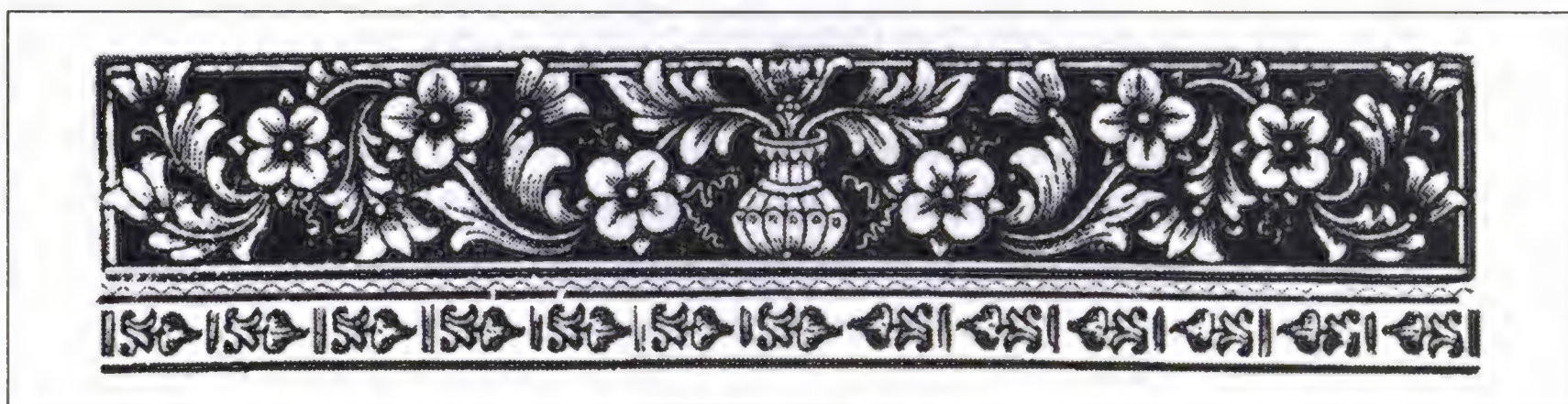
страницах старообрядческих изданий — такое же, как и в рукописях, затейливое переплетение веток с резными листьями и плодами в виде шишек и гроздьев ягод, вкрапление мелких цветочных розеток, порхающие птички с веточками или ягодами в клювах (ил. 23а, 23б). Вся сложная многоэлементная композиция поморского орнамента нашла отражение в новом направлении творчества художников. Развитие орнаментики этого стиля было продолжено в изданиях других типографий федосеевцев: Д. Крупина в Москве, наследовавшей типографские материалы Овчинниковых, и Л. Гребнева в с. Дергачи Вятской губернии.

Наряду с орнаментикой поморского стиля в изданиях старообрядцев федосеевского согласия широко использовались клише, выполненные по образцам клинцовских, как оригинальных, так и копирующих московские. Значительную часть их составляли заставки, выполненные на тему кувшина с вьющимися из него гирляндами. Это далеко не всегда были прямые копии клинцовских, появлялись и новые, использовавшие данный мотив.

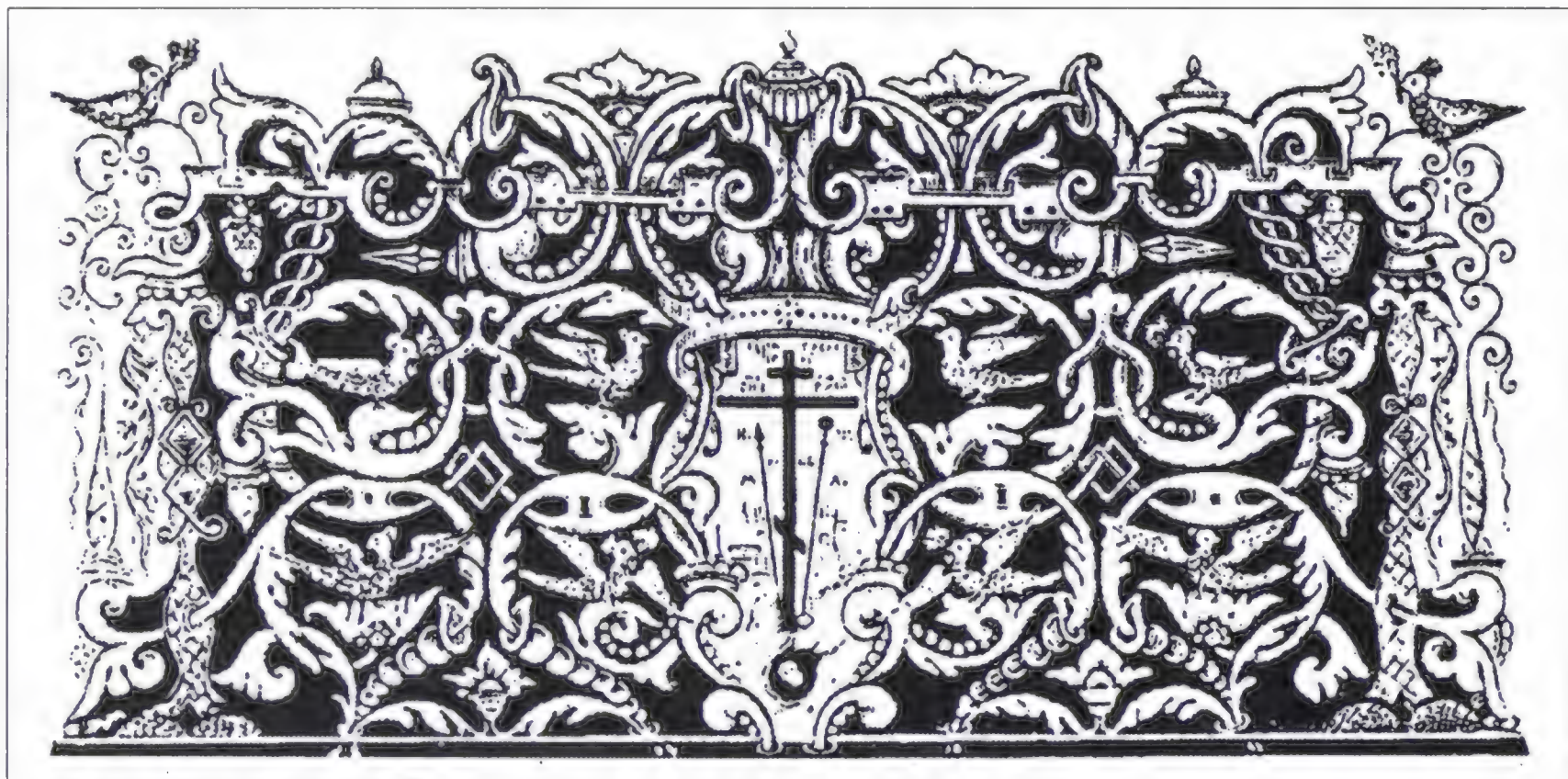
Для некоторых изданий типографии Овчинниковых конца 60-х — первой половины 80-х гг. XIX в., когда в выходных данных она именовалась “старопоморской типографией”, характерно внесение дополнительных украшений заставок в виде полос наборного орнамента, прямых или зигзагообразных линий, иногда отпечатанных киноварью (ил. 24).



Ил. 23б

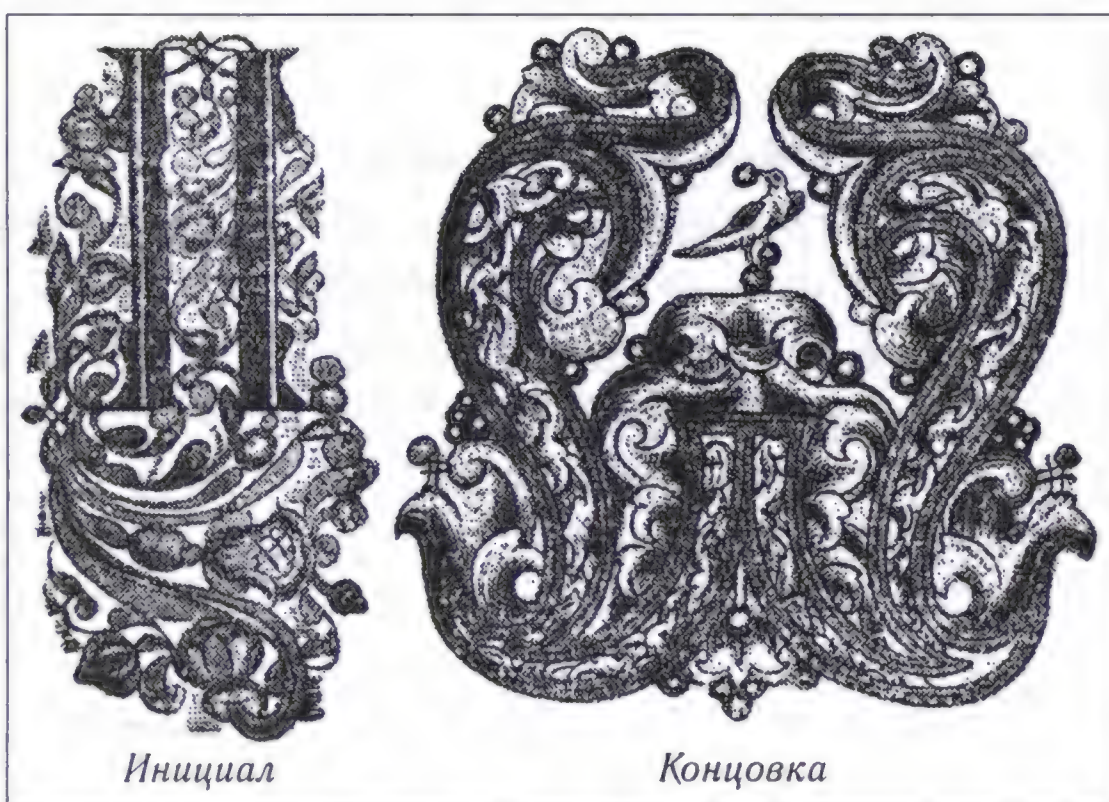


Ил. 24



Ил. 25

Возможность легального книгоиздания старообрядцы получили только в 1905 г. Эта дата стала рубежной в переходе к следующему этапу старообрядческого книгопечатания, который характеризовался расширением географии распространения типографий внутри страны (Балахна, Нижний Новгород, Саратов, Старая Тушка, Уральск и т. д.), повышением профессионализма печатников, увеличением размеров самих типографий, внедрением в производство новейшей техники и самостоятельной ее модернизацией. Некоторые старообрядческие издания этого периода, без сомнения, можно отнести к вершинам полиграфического искусства своего времени.



Ил. 26

В орнаментике этого периода было продолжено изготовление клише в поморском стиле. Особенно преуспел в этом Л. Гребнев в изданиях своей новой, уже легальной, типографии в с. Старая Тушка на Вятке. Ряд заставок подобного рода был изготовлен по его эскизам в мастерской московского гравера Н. А. Ермолова, но в большинстве своем они копируют орнаментику Овчинниковых¹⁷ (ил. 25).

¹⁷ Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы // Очерки истории старообрядчества Урала. Екатеринбург, 2000. С. 59–84.

Любопытно, что орнаментика поморского стиля в начале XX в. появилась в изданиях не только беспоповцев, но и австрийцев, например, в книгах, выпущенных типографиями Рогожского кладбища в Москве и А. Симакова в Уральске (ил. 26).

Новым в технике изготовления орнаментальных элементов печатной книги стало появление клише, вытравленных на цинке. Например, целая серия заставок в этой технике была изготовлена компаньоном Л. Гребнева Е. Семеновых по его собственным рисункам.¹⁸

В начале XX в. в полиграфическое производство широко входит цветная литография. Старообрядцы активно использовали это новшество в оформлении своих книг. В некоторых изданиях, наряду с заставками, появляются фронтисписы, копирующие иллюстрации поморских рукописей, передавая особенности не только рисунка, но и цвета. Наиболее ярким примером является издание Поморских ответов, выпущенное типографией московского Преображенского кладбища после 1910 г. (см. цв. вкладку, ил. 14а, 14б). Образцом иллюстраций, выполненных в поморском стиле служат также титульный лист и фронтиспис Устава, изданного в 1912 г. в Саратове, в типографии поморцев-брачников, принадлежавшей В. Яксанову (цв. вкладка, ил. 15).

В целом же орнаментика различных старообрядческих типографий начала XX в. очень похожа между собой: наряду с заставками поморского стиля, как и в конце XIX в., изготавливались клише по образцу клинцовских или с использованием их мотивов, а также московских первой половины XVII в. Это создает дополнительные трудности при атрибуции дефектных экземпляров изданий. Ситуация также осложняется тем, что некоторые типографии имели одинаковые шрифты. Например, Л. Гребнев отливал шрифты для типографии Г. Горбунова, располагавшейся на Преображенском кладбище, а позднее перешедшей в его владение, и для своей типографии в с. Старая Тушка по одним матрицам. У беглоповских типографий “Московской старообрядческой книгопечатни” и принадлежавшей Л. Орлову-Житкову, созданной на базе раздела имущества первой между бывшими ее учредителями в 1911 г. — также одинаковые шрифты. Поэтому при атрибуции книг нужно не только рассматривать орнаментику в совокупности с особенностями шрифтов, но и знать историю той или иной типографии и ее репертуар.

Отличием старообрядческих изданий легального периода деятельности типографий от предыдущих является широкий выпуск лицевой литературы, то есть книг, содержащих не только гравированные фронтисписы и титульные листы, но и множество иллюстраций к тексту.

Легализация старообрядчества активизировала его внутреннюю общественную жизнь. Огромное количество всевозможных съездов (согласий, учителей, начетчиков, братств и т. д.), обсуждавших различные проблемы существования старообрядцев стало важным признаком време-

¹⁸ Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы. С. 59–84.

ни. Среди вопросов, регулярно ставившихся на этих съездах, были образование и нравственно-этическое воспитание своих одноверцев. Одним из способов их решения считалось издание литературы назидательного характера. Этим следует объяснять широкий выпуск после 1905 г. житийной литературы, как отдельными произведениями, так и сборниками, Библии и отдельных библейских книг с иллюстрациями, копирующими миниатюры списков XIV—XVII вв.

К работе в этом направлении привлекались известные старообрядческие художники. Среди них нужно отметить художника и каллиграфа, оставившего заметный след в книжной культуре старообрядцев, И. Г. Блинова. С 1909 по 1916 гг. он активно сотрудничал с типографией беглопоповского согласия, именовавшейся “Московской старообрядческой книгопечатней”. Как отмечал Блинов в своей автобиографии, под его руководством были изданы Апокалипсис с 72-мя иллюстрациями, Житие Николая Чудотворца — с 70-ю, Библия — со 150-ю, Житие Бориса и Глеба — с 15-ю “и много других лицевых житий”. В ходе подготовки этих изданий художник работал с рукописями Исторического Румянцевского музея, Третьяковской картинной галереи, в библиотеках: Патриаршей, Синода, единоверческого Свято-Троицкого монастыря, Троице-Сергиевой лавры, Казанской духовной академии¹⁹.

Сохранившиеся отчеты Исторического музея подтверждают слова Блинова и сообщают о других старообрядческих издателях, работавших с его фондами. Приведем лишь некоторые примеры.

1909 г. — “А. А. Пашков по поручению Симакова изучал рукописные тексты жития Анны Кашинской”²⁰. “Художник-самоучка И. Г. Блинов изучал рукописные тексты жития Анны Кашинской и копировал с миниатюр рукописей Апокалипсиса и Синодика для изданий Московской старообрядческой книгопечатни”²¹.

1910 г. — “Старообрядец Р. И. Кистанов (управляющий типографией Г. Горбунова — *И. П.*) ознакомился с рукописью музея Апокалипсисом, изданной Московской старообрядческой книгопечатней”²². “Художник самоучка И. Г. Блинов копировал с миниатюр рукописей музея для изданий Московской старообрядческой книгопечатни”²³.

1911 г. — “Заведующий типографией Горбунова Р. И. Кистанов изучал лицевые рукописи музея... Типограф Л. А. Мелехонов (владелец «Московской старообрядческой книгопечатни» — *И. П.*) изучал лицевые рукописи музея... Художник И. Г. Блинов изучал рукописные хронографы и исследовал жития святых по рукописям музея”²⁴.

¹⁹ ОР ГИМ. Муз. собр. № 3085. Л. 11 об.

²⁰ Отчет Исторического музея за 1909 г. М., 1910. С. 40.

²¹ Там же. С. 41.

²² Отчет Исторического музея за 1910 г. М., 1911. С. 36.

²³ Там же. С. 38.

²⁴ Отчет Исторического музея за 1911 г. М., 1912. С. 34.

1912 г. — “Художник И. Г. Блинов копировал с лицевых рукописей музея”²⁵.

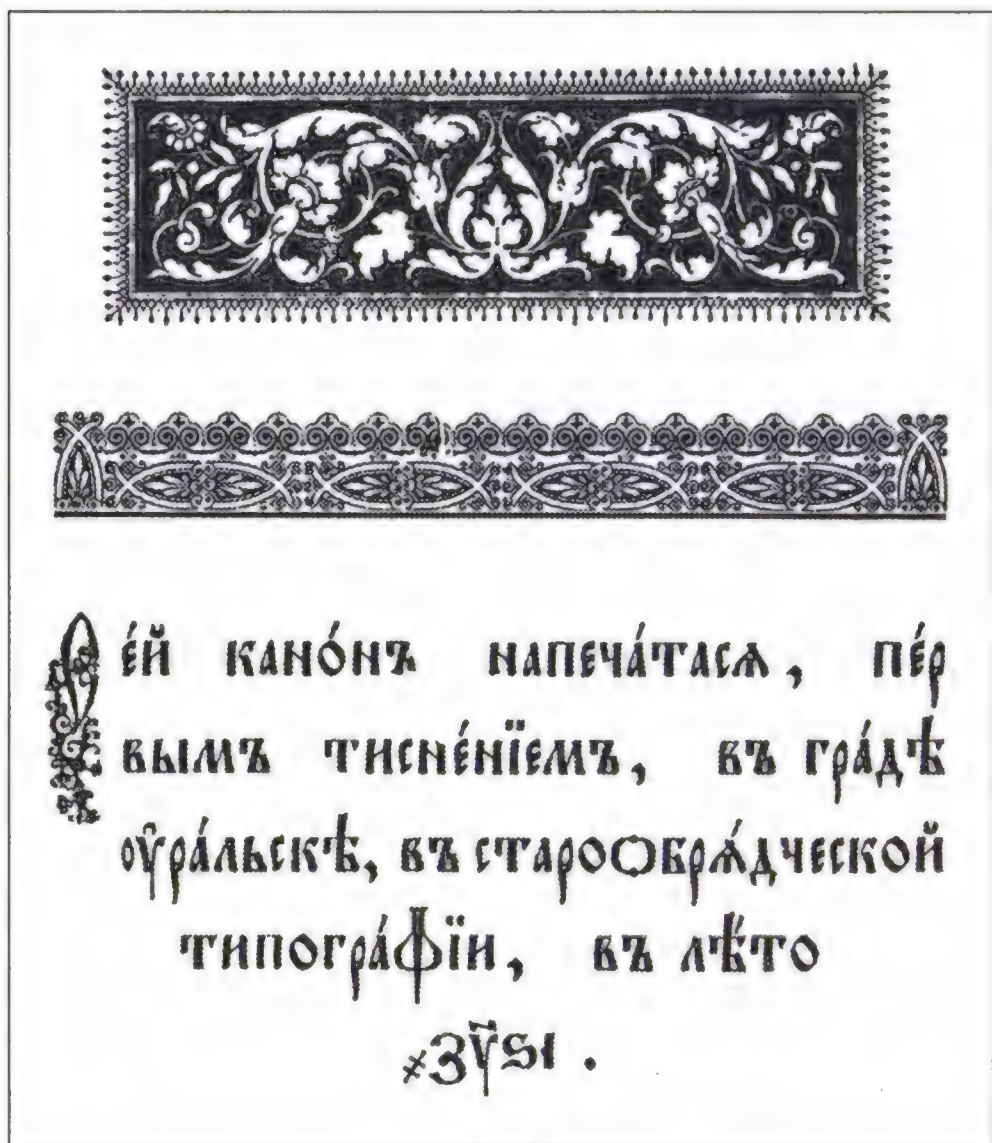
1913 г. — “Художник И. Г. Блинов изучал и зарисовывал миниатюры лицевого летописного свода... Заведующий старообрядческой типографией Горбунов Р. И. Кистанов сличал текст издаваемого типографией толкового Апокалипсиса с текстами Апокалипсиса по рукописям музея. Книгоиздатель Л. А. Мелихонов изучал собрание иконных прорисей и занимался миниатюрами лицевых рукописей”²⁶.

В 1910 г. во многом благодаря И. Г. Блинову “Московская старообрядческая книгопечатня” была награждена большой серебряной медалью на выставке в Екатеринославе “за изящество и стильность изданий при недорогой цене”.

Стильность оформления — это еще один из характерных признаков старообрядческих изданий 1905—1918 гг. В сравнении с пестротой и эклектикой оформления изданий XVIII вв., простотой, а иной раз и примитивизмом — изданий второй половины XIX в., печатную продукцию многих

старообрядческих типографий начала XX в. отличает серьезная продуманность дизайна, что свидетельствует о высоком профессионализме печатников.

Наряду с “Московской старообрядческой книгопечатней” в этом направлении весьма преуспела типография А. Симакова в г. Уральске. Типография располагала собственной литейной мастерской, где изготавливались шрифты и заставки. Там были отлиты изящные шрифты, благодаря которым издания этой типографии невозможно спутать ни с какими другими. Впечатление не-



Ил. 29

которой изысканности уральским книгам придают четкие: отбивка страницы, расстояния между словами, выделение заголовков. Это впечатление, прежде всего в малоформатных изданиях, усиливают заставки и концовки, выполненные с использованием традиционных для Москвы травно-цветочных мотивов, но по оригинальным рисункам, а также наборные украшения (ил. 29).

²⁵ Отчет Исторического музея за 1912 г. М., 1913. С. 57.

²⁶ Отчет исторического музея за 1913 г. М., 1914. С. 52.

Таким образом, на оформление старообрядческих изданий второй половины XIX — начала XX вв. большое влияние оказала орнаментика клинцовских типографий XVIII — начала XIX вв. Новым в украшении поздней старообрядческой печатной книги стало привнесение в нее мотивов орнаментики старообрядческих рукописей и превращение иллюстраций в устойчивый элемент книжного дизайна.

Подводя итог обзору оформления старообрядческих изданий XVIII — начала XX вв., следует отметить, что они, несмотря на стремление сохранить внешние особенности традиционной русской книжности, сложившиеся к середине XVII в., испытывали на себе сильнейшее влияние иных традиций и были не чужды новых веяний, рождавшихся различными эпохами, сменявшими друг друга на протяжении этих 200 лет. Все это позволяет рассматривать дизайн старообрядческой печатной книги как явление самостоятельное, развивающее древнерусскую традицию книжного оформления в новых условиях.



В. П. Степаненко

Военный аспект культа Богоматери в Киевской Руси (Богоматерь и святые воины)*

Военный аспект культа Богоматери¹ в Киевской Руси имел сугубо византийские корни. Своим происхождением он обязан константинопольскому храму Богоматери во Влахернах, всегда игравшему роль официального центра Ее культа. К тому же сам храм, точнее храмовый комплекс, находившийся рядом с одним из императорских дворцов, часто выполнял функции придворного святилища. Здесь хранилось множество святынь, главной из которых был мафорий Богоматери, своеобразным реликварием которого была капелла Агия Сорос.

Начиная с 626 г., когда, благодаря заступничеству Богоматери, Константинополь был спасен от осаждавших его авар, бежавших от стен именно Влахернского квартала, Ее культ приобрел новый аспект и функции — защиты горожан от внешних врагов. Именно защиты, так как Богоматерь и позже являлась на стенах города, поражая осаждавших его неверных, или же мафорий творил чудеса, как это было при осадах Константинополя в 677 г., 717 г., 860 г. и 923 г. Аспект культа ярко отразил вставленный в акафист Богоматери кондак, в тексте которого Мария названа “полководцем защитником” (τη υπερχω στρατεω); русском переводе “Взбранной воеводе победительной”, “необоримым в бою” (κρatos απροσμαχeton)².

По Константину Багрянородному, во время придворной церемонии в день праздника Вознесения прасины восклицали: “Источник жизни, Мать

* Текст доклада, прочитанного 25 апреля 2001 г. на научной конференции памяти А. В. Банк “Культура и искусство христиан негреков” в Гос. Эрмитаже, Санкт-Петербург.

¹ Следует сразу же оговориться, что мы оставляем в стороне сугубо богословские аспекты толкования того или иного смысла в иконографии образа Богоматери. Данная проблема достаточно полно освещена в работах исследователей: от Н. П. Кондакова до М. Татич-Джурич и Г. Бабич. В данном случае нас интересуют те конкретные социальные функции, которые приписывали определенному иконографическому типу как рядовые верующие, так и придворные, далекие от богословских тонкостей толкования его сути.

² Акафист. Т. 1. М., 1988. С. 47–48; *Пападопуло-Керамевс А. И.* Акафист Божьей Матери. Русь и патриарх Фотий // ВВ. 1903. Т. 10. С. 360; *Попов А.* Православные русские акафисты, изданные с благословения св. Синода. История их происхождения и цензуры, история содержания и построения. Казань. 1903; *Wellesz E.* The Akaphistos: A Study in Byzantine Hymnography // DOP. V. 9–10. 1956. P. 141–174; *Аверинцев С.* Поэтика ранне-византийской литературы. М., 1997. С. 243–249.

Бога Слова, состратегствуй Одна с владыками в порфире, приемлющими от Тебя венец, ибо они имеют в Тебе во всем необоримый щит в багряне”³. Военный аспект функций Богоматери здесь выражен предельно ярко: Она — “необоримый щит”, “полководец защитник, необоримый в бою”, “состратегисса”, ведущая войска вместе с василевсом. Поэтому сопровождала в походах императоров и участвовала в триумфах икона Богоматери, происхождение которой связано с Влахернским храмом в Константинополе⁴. Функции покровительства василевсу, империи и ее столице Богоматерь сохранила и в период правления Македонской династии. И связано это было с культом хранившегося во Влахернском храме мафория Богоматери⁵ и, отраженно, — с образом Богоматери Оранты, по-видимому находившимся в абсиде главного храма Влахернского комплекса⁶. Во Влахернах Богоматерь Оранта почиталась не только как защитница империи и ее столицы, но и как совоначальница василевса в борьбе с внешними врагами. В пользу этого свидетельствует описание патриархом Фотием образа в абсиде построенной при Василии I в Фаросе в комплексе Большого дворца церкви Богоматери (881 г.) “простирающей свои непорочные руки ради нас, даруя защиту василевсу и помощь против врагов его”. То есть в данном случае речь идет об изображении Богоматери Оранты, воспроизводящем именно Влахернский образ. Тем не менее, создается впечатление, что изначально определенные социальные функции не были закреплены за конкретной, индивидуальной по иконографии иконой, но за стоящим за ней прообразом — собственно Богоматерью и ее реликвией. Тем не менее уже на печатях Ираклия и его преемников появляется образ Богоматери Никопеи, держащей перед грудью щит с изображением младенца Иисуса (*imago clipeata*), как, впрочем, и образ Одигитрии.

С Влахернами был связан и образ Богоматери Никопеи. Его иконография является древней⁷, но превращение ее культа в государственный,

³ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantinae. Ed. A. Vogt. Paris, 1930. T. 2. P. 92.

⁴ Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853. P. 153.4—14.

⁵ Во время осады Константинополя русами в 860 г. во время церемонии во Влахернском храме, край вынесенного из него патриархом Фотием омофора с молитвами был погружен в море, после чего буря рассеяла корабли русов. (*Пападопуло-Керамевс А. И.* Акафист... С. 380—381). Во время осады города войсками царя Болгарии Симеона (923) император Роман Лекапин, “прибыв во Влахерны, вошел в святую усыпальницу, простер руки в молитве, а потом пал ниц и, орошая слезами святой пол, просил всеславную и непорочную Богородицу смягчить несогбенное и неумолимое сердце гордого Симеона и убедить его согласиться на мир. И вот открыли они святой киот, где хранился святочтимый омофор святой Богородицы, и, накинув его, царь словно укрыл себя непробиваемым щитом, а вместо шлема водрузил свою веру в непорочную Богородицу и так вышел из храма, обороненный надежным оружием” (Продолжатель Феофана. Издание подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 169).

⁶ The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. Ed. by C. Mango. Cambridge Mass., 1958. P. 188.

⁷ Иконография Никопеи имеет восточные корни (*Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. 1. СПб., 1914 (переизд. М., 1998). С. 203—309) и была известна по крайней мере с

по видимому, связано именно с событиями 626 г.⁸ Как состратегисса василевса, обеспечивающая ему победу над врагами, Богоматерь не столько защищала мирную паству от набегов “нехристей”, сколько покровительствовала василевсу в его наступательных операциях против соседей, в том числе, позже, и православных болгар. То есть, создается впечатление, что данные функции были закреплены именно за образом Никопеи⁹.

Официальный и государственный культ Никопеи пережил два периода популярности: в VII в. и IX–XI вв., что было связано с активизацией внешней политики Византии в период правления Ираклия и его преемников (VII в.) и при императорах Македонской династии (IX–XI вв.), что нашло отражение в нумизматике и сфрагистике. Во многом утратив былую популярность, образ Никопеи все же был известен и в XII в.

По-видимому, икона Никопеи среди многих других хранилась во Влахернах уже с VII в. Культ ее оживает после периода иконоборчества, о чем свидетельствуют печати патриарха Фотия, церковных иерархов и Константина VII, монеты Василия II и Константина VIII¹⁰.

С находкой в 1030 г. древней иконы Никопеи, спрятанной в храме в период иконоборческих погромов, В. Зайбт связывает расцвет в позд-

V в.: фреска в Санта Мария Антика в Риме (*Gruneisen W. Santa Maria Antiqua. Roma, 1911. Fig. 84*), фреска капеллы 26 монастыря в Бауите, печатях VI, VII, IX вв. Следует отметить, что она известна по меньшей мере в трех вариантах: погрудном (поясном), в рост и сидящая на престоле. Общее у них — образ Христа Эммануила на щите, который держит перед грудью Мария, реже — без него. По мнению В. Зайбта, на иконе, найденной в 1030–31 гг. во Влахернском храме, было погрудное или поясное изображение, тогда как остальные варианты были производными от него. Это подтверждается иконой из Сан-Марко в Венеции и миниатюрами Хлудовской псалтири, где Богоматерь держащая Христа Эммануила перед собой, изображена погрудно трижды (л. 44, 61, 86 об.) и в комментариях названа Орантой, что явно ошибочно (*Щепкина М. В. Миниатюры Хлудовской псалтири. Греческий иллюстрированный кодекс IX в. М., 1977*). Судя по печати Епифания Пантактена, это мог быть и образ стоящей Богоматери (тип Кириотиссы), так как в надписи она названа Никопеей (*Zacos G., Vegler A. Byzantine lead seals. T. 1. Part 3. № 2578*), или сидящей на престоле (*Seibt W. Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11 Jahrhundert // SBS. 1. 1991. S. 44. Abb. 8*). Образ Никопеи рано появляется и в сигиллографии (*Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911. С. 73–75. Рис. 142, 144, 149–165*) и нумизматике (*Шандровская В. С. Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // ВВ. 1999. Т. 58. С. 194, 211*). Изображения Никопеи очень редки в живописи: икона XI в. синайского монастыря Екатерины (*Sotiriou G. et M. Icones du Mont Sinai. T. 1. Fig. 146–149. T. 2. P. 125–126*), фреска в абсиде церкви св. Софии в Охриде, датированная после 1037 г. и, возможно, связанная с влахернской находкой 1030–31 гг. (См.: *Бурич В. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 179–180; Wharton Epstein A. The Political content of the Painting of Saint Sophia at Ohrid // JÖB. 29. 1980. P. 315–329*), в прикладном искусстве: золотой энколпий IX – X вв. из Преслава с Никопеей в рост (*The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A. D. 843–1261. N.-Y., 1997. P. 331. № 225*), бронзовые с Кириотиссой в рост из Херсонеса в Эрмитаже и в ГИМе (*Залеская В. Н. Часть бронзового креста-складня из Херсонеса // ВВ. 1964. Вып. 25. С. 166–175*).

⁸ Особенно показательны печати Ираклия с сыновьями, где они изображены как предстоящие Никопее (*Лихачев Н. П. Историческое значение... С. 72*).

⁹ См.: *Степаненко В. П. Военный аспект культа Богоматери в Византии (IX–XII) // АДСВ. Вып. 31. Екатеринбург, 2000. С. 198–221.*

¹⁰ *Шандровская В. С. Печати и монеты... С. 194, 211.*

немакедонский период ее культа¹¹, продолжавшего оставаться сугубо официальным, придворным. Об этом свидетельствует появление образа Никопеи на печатях (ил. 1) византийских как столичных, так и провинциальных функционеров¹², тогда как свидетельства широкой популярности ее среди рядовых верующих отсутствуют.

У Богоматери просили помощи перед походами против “варваров”. Так, накануне выступления в 971 г. против Болгарии и

русского князя Святослава император Иоанн Цимисхий свершил молитвы в храме Христа Халкита. В св. Софии он “стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм Богоматери, расположенный во Влахернах”¹³.

Поэтому в ходе кампании, когда 21 июля 971 г. император оказался на грани поражения в битве со Святославом при Доростоле, произошло чудо. “В Византии одной девице, посвятившей себя Богу, явилась во сне Богородица, сопровождаемая огненными воинами. Она сказала им: «Позовите мне мученика Феодора». — Тотчас же подвели к ней храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Доростоле, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить — если промедлишь, ему не избежать опасности»”¹⁴, и на поле боя “вдруг разразился ураган попеременно с дождем; устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; встав во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды... Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был святой Феодор, которого император молил и за себя, и за все войско быть соратником, по-



Ил. 1. Богоматерь Никопея. Лицевая сторона печати деспота Никифора Мелиссена. 1079–1081 гг.

¹¹ См.: толкование текста Скилицы: *Trapp E.* Eine wiedergefundene Ikone der Blachernenkirche. Zur interpretation von Skylitzae. S. 384. 23–28 // *JÖB.* Bd. 35. 1986. S. 193–195; *Seibt W.* Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios. Zur Iconographie der Gottermutterikone, die 1030/31 in der Blachernenkirche wiederaufgefunden wurde // *Byzantina.* T. 13. 1982. S. 552.

¹² *Степаненко В. П.* Богоматерь Никопея и святые воины // Преславска книжовна школа. Т. 5: Изследования в честь на проф., д. ист. н. Тотю Тотев. София, 2001. С. 40–50.

¹³ *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. Статья М. Я. Сюзюмова. Комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. М., 1988. С. 69.

¹⁴ Там же. С. 80.

кровителем и спасителем в битвах”¹⁵. А так как сражение произошло в день памяти великомученника Георгия, то после победы император принес благодарственную молитву и ему¹⁶.

В данном случае Богоматерь, “полководец защитник, необоримый в бою”, выступает как предводительница святых воинов, реликвии которых (глава Феодора и рука Георгия) хранились в ее храме во Влахернах¹⁷: победа прилась на день памяти мученика Георгия. К тому же Феодор вмешался в битву по приказу Богоматери. На наш взгляд, это явилось одной из причин того, что культы их оказались тесно связанными именно



Ил. 2. Богоматерь Эпискепсис. Византия
Мраморный барельеф первой трети XIII в.

с культом Богоматери, представленной здесь ее реликвиями.

В целом же создается впечатление, что в Византии культ Никопеи не имел той популярности, какая была присуща культам Оранты, Одигитрии, позже — Епискепсис (Знамение). Причиной того были весьма специфические функции, далекие от нужд широких слоев верующих, более заинтересованных в покровительстве и защите высших сил в повседневной жизни, нежели в победах василевса над внешними врагами.

Поэтому весьма вероятно предположение В. Зайбта о том, что новый тип изображения Богоматери Оранты с Христом в медальоне или на щите перед грудью (ΕΠΙΣΚΕΨΙΣ — заступница, защитница, покровительница), появившийся во Влахернах с 40-х гг.

XI в.¹⁸, был синтезом двух старых образов — популярной Оранты и не слишком популярной Никопеи (ил. 2). Новый образ приобрел новые функции, когда военный, наступательный аспект культа Никопеи-сострате-

¹⁵ Лев Диакон. История. С. 81.

¹⁶ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Turn. Berolini — Novi Eboraci, 1973. P. 308.

¹⁷ Janin R. Géographie ecclésiastique de l'empire Byzantin. T. III: Les églises et les monasteres. Paris, 1953. P. 169.

¹⁸ Seibt W. Die Darstellung der Theotokos. S. 54—55. Изображение на монете совместного правления Зои и Феодоры (Seibt W. Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios. S. 559). Икон сохранилось не так уж много, см. икону XIII в. “Богоматерь Епискепсис между пророком Моисеем и иерусалимским патриархом Евфимием” в монастыре Екатерины на Синае (Sotiriou G. et M. Icones du Mont Sinai. Athenes. 1958. T. 1. Fig. 158. T. 2. P. 138—139). Н. П. Кондаков писал, что “православная церковь выставляла, по требованию времени, различные стороны главных задач христианской веры на земле, ставя, наряду с задачей человеческого спасения, также сохранение империи и церкви, и в зависимости от этого рассматривая образы Спасителя и Божьей матери” (Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. II. С. 70). Об иконографии Знаменья см.: Татищ-Джурич М. Икона Богородице Знаменья // ЗЛУ. Т. 13. 1977. С. 3—23.

гиссы василевса в войнах с врагами был дополнен и тем самым ослаблен явно превалирующей у нового образа традиционной охранительной, оборонительной функцией Оранты. В то же время следует отметить сохранение в иконографии щита с образом Спаса Эммануила, что подтверждает как военный, так и триумфальный аспект нового образа¹⁹.

Возможно, этот синтез удовлетворил византийскую церковь, в христианском духе неизменно выступавшую за умиротворение ойкумены посредством не войны, но мира. Это способствовало росту популярности культа Оранты-Никопеи=культа Епискеписис, в народе.

Как известно, после принятия христианства русские князья, особенно Ярослав Мудрый, даже в топографии Киева ориентировались на Константинополь²⁰. Так появились храмы св. Софии, св. Ирины, Золотые ворота и пр. А так как византийская столица находилась под покровительством Богоматери Оранты, то и в Киеве ее культ, сохранив те же функции, имел влахернские корни.

И хотя исследователи отрицают достоверность сведений Киево-Печерского патерика²¹ о том, что собор Успения Богоматери в Киеве строили константинопольские мастера, сама идея преемственности нового храма от Влахернского проводится в Патерике предельно последовательно. И авторы чудес явно были хорошо знакомы с реалиями Константинополя и собственно Влахернского культа²². Так, Богоматерь явилась во Влахернском храме византийским архитекторам “в окружении множества воинов”, приказав им построить ей церковь в Киеве. Антоний Печерский считал этих воинов “бесплотными ангельскими силами”. В Киев из Влахерн прибыли живописцы, и были доставлены мощи святых (в том числе и св. Феодора — см. выше чудо 971 г.), заложенные в основание храма Успения Богородицы²³.

В распространении Влахернского культа на Руси также показательна роль полугрека Владимира Мономаха, уже в юные годы участвовавшего в заложении “подобной Влахернской” церкви Богоматери на Клове в Киеве, а позже по типу лаврской церкви построившего собор в Ростове. В свою очередь последний послужил образцом для собора Богоматери в Суздале, построенном при его сыне Юрии Долгоруком²⁴.

¹⁹ Вздорнов Г. И. ΣΥΝΑΞΙΣ ΤΟΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΟΝ // ВВ. 1971. Т. 32. С. 157—183.

²⁰ Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 65 — под 1037 г. См. также: Толочко П. П. Киев — соперник Константинополя // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 5—12.

²¹ Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры // Культура и искусство Древней Руси. Сборник статей в честь М. К. Каргера. Л., 1967. С. 67; Асеев Ю. Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 79—81.

²² Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1991. С. 114.

²³ Там же. С. 115: “мощи святых мучеников Артемия и Полиевкта, Леонтия. Акакия, Арефы, Иакова, Феодора”. По-видимому, все они хранились во Влахернском комплексе. По крайней мере, это можно утверждать относительно мощей св. Феодора.

²⁴ Киево-Печерский патерик. С. 118. Ср.: Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. Т. 11. 1955. С. 96—102.



Ил. 3. Богоматерь Никопея со св. Борисом и Глебом. Владимиро-Суздальская Русь. Первая треть XIII в.



Ил. 4. Богоматерь Знамение. Новгород. Вторая половина XIII в.

Неизвестно какую наместную икону Богоматери привезли из Константинополя греческие живописцы ок. 1089 г. Это могла быть как Оранта, культ которой как защитницы верующих приобретает в Киеве государственный характер²⁵, так и, судя по дате, Епискепис-Знамение.

На Руси, основываясь на данных памятников древнерусской сфрагистики, изданных В. Л. Яниным, образ Богоматери Епискепис появляется (спустя пятьдесят лет после его создания в Византии) на печатях киевского митрополита грека Никифора I (1104–1121). Их матрицы, судя по качеству, резал местный мастер, тогда как матрицы печатей его преемника Михаила (1124–1147) — с блестящим по качеству изображением той же Богоматери на лицевой стороне²⁶.

К Богоматери обращались за помощью в период войн с “неверными”. Так, во время знаменитого единоборства князя Тмутараканского Мстислава с косожским князем Редедей, первый, чувствуя, что противник сильнее, обратился к Богоматери: “О пресвятая Богородица! Помоги мне. Если одолею его, построю церковь во имя твое,”²⁷ — что позже и сделал.

На Руси и, тем более, в Тмутаракани должны были знать Никопею, связанную с Влахернами. И хотя свидетельства того единичны, показательное появление ее на печатях киевских митрополитов греков Иоанна (1076–1089)²⁸ и Константина II (1167 — ок. 1174)²⁹, и на каменной иконке первой трети XIII в. (ил. 3), где Никопея окружена полуфигурами пер-

²⁵ См. подробнее: *Этингоф О.* К ранней истории иконы “Владимирская Богоматерь” и традиции влахернского Богородичного культа на Руси XI–XII вв. // *Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь.* СПб., 1999. С. 290–303; *Стерлигова И. А.* Культ ризы Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV вв. // *Реликвии в искусстве и культуре восточно-христианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума* / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 76–77.

²⁶ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. С. 174–175. № 46–48.

²⁷ ПСРЛ. Т. 38. С. 64.

²⁸ *Булгакова В.* Печать митрополита Иоанна із матеріалів Десятинної церкви и проблема атрибуции ранніх митрополичих моливдовулів // *Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення.* Киев, 1996. С. 87–98 — поясное изображение; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. № 44; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси. Т. III. М., 1999. № 436.

²⁹ См.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930. С. 5 — переход типа “Знамения” к “Печерской”; *Гурулева В. В.* Хрисову-

вых русских святых Бориса и Глеба, а также архангелами Михаилом и Гавриилом³⁰. Ранее относимая к южнорусской группе, ныне Никопея приписывается Владимиру и датируется временем правления Всеволода Большое Гнездо, что, при учете византизирующих вкусов князя, вполне вероятно³¹.

Очевидно, что в данном случае мастер переработал византийский оригинал, заменив святых воинов святыми же князьями. Последний по времени образ Никопеи с ангелами в позе адорации³² появляется в качестве вставного сюжета на иконе “Огненное восхождение пророка Илии с житием” конца XV — начала XVI вв.³³ То есть и в постмонгольский период этот образ и, возможно, культ были известны в Московской Руси³⁴.

Таким образом, культ Никопеи, существование которого на Руси засвидетельствовано данными памятниками, на наш взгляд, остался лишь эпизодом в богородичной традиции, уступая место как особо почитаемой Оранте, так и Богоматери Епискепис-Знамение, позднее — Одигитрии³⁵.

Показательно, что с началом распада Киевской Руси и появлением удельных княжеств, функция небесной защиты почти одновременно была приписана нескольким различным по иконографии иконам. К сожалению, из ранних икон Богоматери, культ которых приобрел на Руси государственный характер, до нас дошли лишь две: новгородская Епискепис-Знамение (ил. 4) и владимирская Елеуса (Гликофилуса) (ил. 5). Ярослав

лы в собрании Эрмитажа // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб., 2001. С. 39—40: Богоматерь на престоле, держащая перед собой мандорлу с сидящим младенцем, то есть сидящая Никопея (Кириотиса), хотя данный тип называется и иначе — Кипрско-Печерский и Платитера. Наша благодарность В. В. Гурулевой за возможность ознакомиться с хрисовулом Константина II в Отделе нумизматики ГЭ.

³⁰ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. М., 1983. № 33. С. 56. О почитании Бориса и Глеба как воинов см.: *Абрамович Д. И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916; *Каргер М. К.* К истории киевского зодчества XI века. Храм мавзолеев Бориса и Глеба в Вышгороде // СА. XVI. 1952. С. 77—86; *Воронин Н. Н.* “Анонимное сказание о Борисе и Глебе” // ТОДРЛ. Т. 13. 1957. С. 45—46; *Порфиридов Н. Г.* О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве // ТОДРЛ. Т. 16. 1960. С. 44—48.

³¹ *Томсинский С. В.* О возможности уточнения датировки одной из серий памятников мелкой культовой пластики XII—XIII вв. владимирского происхождения // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб., 2000. С. 46—49. Хотя его рассуждения о том, что образ почитался во Владимире, так как Всеволод был родственником, “Мануила II (так!) Комнина, особо почитавшего образ Никопеи и бравшего эту икону с собой в походы против иноверцев”, явно ошибочны.

³² Известна датируемая рубежом XI — XII вв. печать некоего паниперсееваста с изображением тронной Никопеи с обращенными к ней архангелами Михаилом и Гавриилом. См.: *Zacos G., Vegler A.* Byzantine lead seals. № 2720d.

³³ Икона Древней Руси 11 — 16 веков. СПб., 1993. № 7 — из Нижегородского художественного музея.

³⁴ О военных аспектах древнерусских культов святых см.: *Попов Г. В.* Некоторые вопросы изучения воинской тематики в русском средневековом искусстве // ВВ. Т. 32. 1971. С. 184—203; *Вздорнов Г. И.* ΣΥΝΑΞΙΣ ΤΟΝ ΑΡΧΑΓΓΕΛΟΝ. С. 157—183.

³⁵ Хотя культ Одигитрии фиксируется на Руси как минимум с XII в., особое распространение и популярность он приобрел лишь в постмонгольский период — с XIV в. (*Гусева Э. К.* О ранних изображениях Одигитрии в искусстве Древней Руси // Русское искусство XI—XIII вв. М., 1986. С. 12—30).



Ил. 5. Богоматерь Владимирская



Ил. 6. Богоматерь Знамение (Панагия)

лавская Панагия — находка почти археологическая, местная традиция ее почитания не известна (ил. 6)³⁶.

В Новгороде местное почитание иконы Епискепис-Знамение сложилось к середине XII в.³⁷ К этому времени, кроме опосредованных через Киев, Новгород имел и прямые контакты с Константинополем: в нем работали византийские художники³⁸, возможно, появлялись и представители византийской элиты³⁹. Культ иконы Знамение также был связан с византийской традицией⁴⁰. До нас дошло летописное сообщение об

³⁶ Пуцко В. Ярославская Оранта // ЗРВИ. 1978. Т. 19. С. 247–256.

³⁷ Смирнова Э. С. Новгородская икона “Богоматерь Знамение”: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 288–309. Ранняя реплика первая половина XIII в. (Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. № 1. С. 25–28).

³⁸ Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973. С. 11–12; Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

³⁹ Известно о пребывании в Новгороде в 1189 г. некоего цесаревича Алексы Мануиловича (ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 12). Отождествление его с сыном и преемником Мануила Алексеем II (но не III), предложенное В. Г. Брюсовой и Я. И. Щаповым (Новгородская легенда о Мануиле, царе Греческом // ВВ. 1971. Т. 32. С. 101), несомненно ошибочно. Алексей был убит в 1183 г. Так что Алекса мог быть как самозванцем, так и кем то из представителей клана Комнинов.

⁴⁰ Г. В. Попов полагал, что “ярко выраженный воинский оттенок приобретает широко распространенная в домонгольской Руси композиция «Знамение Богоматери», восходящая к иконографии Никопеи и Влахернитиссы, почитавшихся в Византии как реликвии, дарующие победу”. (Некоторые вопросы изучения воинской тематики в русском средневековом искусстве // ВВ. 1971. Т. 32. С. 193) со ссылкой на Н. П. Кондакова. Под Влахернитиссой здесь явно подразумевается Оранта.

осаде Новгорода войсками среднерусских княжеств во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом. После трехдневной осады города 25 февраля 1170 г. произошло сражение, в ходе которого новгородцы победили “силой крестной и святой Богородицы и молитвами благоверного владыки Илии”⁴¹. Но данная фраза была достаточно стереотипна для объяснения причин побед над противником и не свидетельствовала о каком-либо особом благоволении Богоматери именно к новгородцам.

Лишь в 40–50 гг. XIV в. в условиях намечающейся конфронтации с Москвой данные события послужили основой для создания “Слова о знамении святой Богородицы”. Но окончательно легенда была оформлена Пахомием Сербом (Логофетом), создавшим в 30-е гг. XV в. “Воспоминание Знамения”⁴², а в 60–80 гг. XV в. была написана икона, иллюстрирующая данный сюжет⁴³.

Согласно “Слову”, во время осады Новгорода войсками коалиции среднерусских княжеств, по гласу свыше архиепископ Иоанн взял из церкви Спаса на Ильине икону Богоматери Знамение и вынес на стену города. Так как противник обстреливал защитников городских стен, икона обратилась ликом к городу, и из глаз Богородицы потекли слезы. В ответ на ее моление Господь обрушил на осаждающих тьму. Они стали избивать друг друга, после чего вышедшие из городских врат новгородцы довершили разгром.

В дальнейшем Пахомий Серб дополнил “Слово” новыми деталями, в частности тем, что Богоматерь послала на помощь новгородцам святых воинов как русских, так и византийских: Бориса, Глеба, Георгия и Димитрия Солунского, — кои и помогли новгородскому воинству разбить врага. И действительно, на иконе “Битва новгородцев с суздальцами” выходящее из города новгородское ополчение возглавляют четыре святых воина (ил. 7)⁴⁴.



Ил. 7. Битва суздальцев с новгородцами. Фрагмент иконы. XVI в.

⁴¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 33, 221.

⁴² См. подробнее: “Слово о знамении пресвятой Богородицы” // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 2 (Л — Я). Л., 1989. С. 347–351.

⁴³ См.: Порфиридов Н. Г. Два сюжета древнерусской живописи в их отношении к литературной основе // ТОДРЛ. 1966. Т. 20. С. 112–115.

⁴⁴ См.: Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. М., 1976. Илл. 51, 60.

Восточная православная традиция, носителем которой был Пахомий Серб, была хорошо известна в Новгороде XIV в.⁴⁵

Сам Пахомий, серб по происхождению, “иеромонах святой Горы”, то есть насельник одного из афонских монастырей (Зографа?), появился на Руси между 1429—1438 гг. К этому времени Сербия после Косовской битвы 1389 г. утратила независимость, оказавшись под османским игом. От Византии оставалось немного — Константинополь и Мистра.

Блестяще образованный человек и плодовитый писатель, возможно, связанный с Византией (не отсюда ли Логофет?), Пахомий разделил судьбу византийской и южнославянской интеллигенции, эмигрировавшей на Русь после Косова поля и накануне падения Константинополя⁴⁶. Естественны в его творчестве и византийские реминисценции, знание византийских, в том числе и константинопольских реалий, хотя возможно, что в данном случае он воспроизвел предшествующую новгородскую традицию, генетически восходящую к киевской и через нее — к Влахернской. Одно из возможных свидетельств тому — тождественные функции, приписанные Богоматери во Влахернах в рассказе Льва Диакона о видении девицы в Константинополе в 971 г. и — также связанной происхождением с Влахернами ее иконе Епискеписис-Знамение в событиях 1169 г. в Новгороде. В первом случае на помощь Иоанну Цимисхию в сражении против русских Богородица послала св. Феодора и Георгия; во втором — Георгия, Димитрия, Бориса и Глеба.

Возможно, в Новгороде мы действительно имеем дело с древнерусской традицией, начало которой положило Чудо о построении церкви Успения Богоматери в Киево-Печерской лавре. В пользу последнего свидетельствует введение Георгия и Димитрия то как мучеников, то как воинов в композицию “Покрова Богоматери” именно в новгородском варианте, известном по фреске церкви Феодора Стратилата на Ручью (ок.1380 г.)⁴⁷ и по иконе из Зверина монастыря (конец XIV в.)⁴⁸; хотя и здесь византийская основа очевидна.

Богоматерь выступает как заступница василевса или города и предводительница небесных сил и святых воинов. Победа над противником, одержанная благодаря помощи Богоматери, представленной изначально образами Оранты и Никопеи, позже — производным от них образом Знамения, в дальнейшем придала последнему триумфальный смысл.

Дальнейшее существование культа Богоматери Знамение на Руси за пределами Новгорода в XV—XVIII вв. требует специального исследова-

⁴⁵ См.: Попова О. С. Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV века в его связи с Византией. М., 1980. С. 24—32.

⁴⁶ О творчестве Пахомия см.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 113—167.

⁴⁷ Ковалева В. М. Росписи в новгородской церкви Федора Стратилата // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. С. 153.

⁴⁸ Лазарев В. Н. О дате одной новгородской иконы // Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 196—204.

ния. По-видимому, после присоединения Новгорода к Московскому княжеству он приобретает общерусский, возможно, государственный характер⁴⁹.

Несколько иной была судьба образа Владимирской Елеусы (Гликофилусы). О роли ее культа в Киеве после привоза из Константинополя ничего не известно; вряд ли она была значительной. Но ситуация резко изменилась после увоза иконы Андреем Боголюбским во Владимир. Ее культ стал объектом политических спекуляций, целью которых было не только противопоставление нового центра Северо-западной Руси Киеву, но и использование с этой целью византийской культурной традиции, выраженное в приравнивании Владимира Константинополю.

Владимирская Елеуса творила традиционные мирные чудеса, помогая и спасая всю паству: от попадьи до княгини. Десять чудес Богоматери составили цикл ее деяний в повседневности⁵⁰. Диссонансом является лишь участие иконы в походе Андрея Боголюбского против болгар в 1164 г. По-видимому, попытка приписать ей функции Никопеи исходила если не от самого князя, то от его ближайшего окружения. Это отразилось в “Сказании о победе над волжскими болгарами”. Автор его апеллировал не столько к Византии, сколько к мифу о ней, творимому во Владимире. В “Сказании” сообщается, что “великий князь Андрей с царем Мануилом Греческим пребывал в мире и в любви. Случилось им в один день идти на брань: Мануил на сарацин, Андрей же на болгар, взяв с собой крест Христов и чудотворную икону Пречистой Богородицы Владимирской, что всегда имел в обыкновении, в ней имея помощницу «на супро-

⁴⁹ Так, сравнительно рано культ Знамения появляется в Сибири. Его популярность здесь была связана с появлением на тобольской кафедре архимандритов Хутынского Спасо-Преображенского монастыря под Новгородом первого архиепископа Киприана (1621–1624) (Абрамов Н. Митрополит Киприан, первый святитель Сибири и основатель ее летописи // ЖМНП. 1849. Ч. 44. № 10. С. 1–8; Киприан Старорусенков // Словарь книжников... Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2 (И – О). СПб., 1993. С. 156–163). И позже – Корнилию (1674–1678), насаждавших новгородские культы, в том числе и – Богоматери Знамение, в пределах Тобольской епархии (Тобольский архиерейский дом в XVII веке (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV). Новосибирск, 1994. С. 236). Следствием этого было строительство Софийского собора и Знаменского монастыря в Тобольске, а также появление в XVII в. в рамках культа Богоматери Знамение местного почитания иконы “Богоматери Знамение” Абаляцкой (1636) (Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. Ярославль, 1999. С. 240). Сама икона, позже написанная протодиаконом Софийского собора в Тобольске Матвеем, не сохранилась. Но известны ее поздние списки, предельно традиционные по иконографии. Их особенностью является лишь наличие на полях образов Николая Мирликийского и Марии Египетской (Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. Альбом-каталог. Екатеринбург, 1998. № 66, 134, 167, 258, 263, 378, 516). При отсутствии внешних врагов, как кажется, традиционная функция защиты от них паствы отпала, проявившись разве что во время восстания коренных народов Сибири в 1662 г. Но икона отвращала стихийные бедствия (потоп 1665 г.) и лечила расслабленных. По-видимому, в распоряжении тобольских иконописцев XVII в. были не только иконописные подлинники, но и иконы новгородского происхождения. Известно, что Киприан привез с собой икону Варлаама Хутынского, а в библиотеке Тобольского архиерейского дома были книги, как привезенные сюда Киприаном и Корнилием, так и присланные первым позже, когда он стал митрополитом Новгорода.

⁵⁰ Сказание о чудесах Владимирской Богородицы. Текст, перевод и комментарии // Гребенюк В. П. Икона Владимирской Богоматери. М., 1997. С. 150–159.

тивные». Ее же молитвами побеждены были болгары. От иконы же Спаса и пречистой его Матери видели божественные лучи огненные, воинство великого князя покрывшие... Царь же Мануил сие же видение видел в то же время, когда от иконы Богородицы огненные лучи сияли. И установил праздник праздновать на прославление Всемилоостливейшего Спаса и пречистой его Матери месяца августа в 1 день”⁵¹.

Поход Мануила в 1164 г. был измышлен владимирским князем или книжником. Никаких сражений с сельджуками между 1160—1165 гг. Мануил Комнин не вел, занятый борьбой с Венгрией⁵².

Автор “Сказания” преследовал явно политические цели, не только проводя параллель между действиями императора и князя, но и приписывая Богоматери равное покровительство им обоим. Занимавшийся данным сюжетом Н. Н. Воронин отметил противоречия



Ил. 8. Спас Нерукотворный
Новгород. Вторая половина XII в.

в источниках относительно того, какую же икону взял в поход князь, отметив, что если во Владимирском летописном своде⁵³ победа приписана взятой в поход иконе Богоматери, то в “Сказании” — иконе Спаса⁵⁴.

По тексту летописи, “Стояху же пешци со святою Богородицей на полчищи под стяги... и приеха до святыя Богородицы и до пещец князь Андрей... со всею дружиной, и поклоняся пред святою Богородицей и почаша целовать святую Богородицу..., хвалы и песни воздающе Еи. И шедше, взяша град их славный Брахимов... Се же бысть чудо новое святое Богородицы Володимирской, юже взял бяше с собой благоверный князь Андрей и принес со славной и постави ю в святыи Богородицы во Владимири”⁵⁵.

По мнению Н. Н. Воронина, в поход были взяты обе иконы, и второй является известная второй половине XII в. двухсторонняя икона Спаса Нерукотворного с “Прославлением креста” на обороте (ил. 8). Но новгородское происхождение иконы⁵⁶, как кажется, исключает ее участие в

⁵¹ См.: Филипповский Г. Ю. Сказание о победе над волжскими болгарями 1164 г. и празднике 1 августа // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 411—412.

⁵² Magdalino P. The empire of Manuel I Comnenos, 1143—1180. Cambridge, 1993. P. 78—83. Ср.: Филипповский Г. Ю. “Слово” Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 г. // ПКО 1995. М., 1996. С. 16. Попытка автора объяснить параллелизм побед князя и императора, не воевавшего в 1164 г., победой над персами его полководца Иоанна Кондостефана весной 1158 г. — явная натяжка. И воевал он не с мифическими персами, но с сельджуками Рума.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927. Стлб. 252—253.

⁵⁴ Воронин Н. Н. Сказание о победе над болгарями 1164 г. и празднике Спаса // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 89.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 38. С. 131.

⁵⁶ ГТГ. Древнерусское искусство X — начала XV вв. Каталог. М., 1995. № 8. С. 50—54.

походе. Сомнительно и утверждение автора об установлении в связи с этим нового княжеско-воинского культа иконы “Победный Спас”.

Если обратиться к Радзвилловской летописи, основой которой является Владимиро-Суздальский летописный свод, и рассмотреть объяснение причин побед того или иного князя над противниками, то в 1107 г. половцы “побеждены были молитвами святой Богородицы и отца нашего великаго Феодосия (Печерского)”⁵⁷. В 1146 г. во время усобицы Изяслав Переяславский победил Игоря и Святослава Ольговичей “силою честнаго креста, заступлением святаго Михаила и молитвами святой Богородицы”, а в 1169 г. победу Глеба Переяславского над половцами — это “чюдо сотвори Бог и содея святая Богородица Десятинная... помощь святого креста честного и Великой святой Матери Божьей Десятинной”, а после победы “христиане... прославили Бога и святую Богородицу, скорую помощницу роду христианскому”⁵⁸. Таким образом, победу даровал Господь молитвами святой Богородицы, центром культа которой оставалась Десятинная церковь⁵⁹.

В данном случае нам важно лишь то, что в походе, следуя византийской императорской традиции, князя сопровождала икона Богоматери, в данном случае — Елеусы (Гликофилусы), покровительствовавшей ему и обеспечившей победу над “неверными”.

Этим эпизодом и ограничились чудеса Владимирской Елеусы в военной сфере. Но после убийства Андрея она “приняла активное участие” в борьбе за великокняжеский престол, “поддержав” Михаила Юрьевича, а затем Всеволода Юрьевича (видение перед битвой с Мстиславом Ростиславичем при Суздале в 1176 г.).

В дальнейшем чудотворная икона с переменным успехом отражала врагов от Владимира, позже — от Москвы в 1395, 1480, 1521 гг., но не участвовала в походах великих князей, позже — царей Московских⁶⁰.

В Византии, вопреки мнению, установившемуся в советско-русском искусствознании, эти функции вплоть до падения Константинополя выполняла Оранта, что отразилось в появлении ее образа в кольце крепостных стен Константинополя на монетах Палеологов⁶¹, но не Одигитрия, культ которой приобрел особую популярность после 1261 г., когда ей было приписано чудо освобождения столицы империи от латинян⁶².

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 38. С. 102.

⁵⁸ Там же. С. 132, 134.

⁵⁹ Воронин Н. Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // ВВ. 1965. Т. XXVI. С. 208—218.

⁶⁰ Щенникова Л. А. “Владимирская” чудотворная икона в памятниках русской письменности XVI века // Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”. Материалы и исследования. Т. XI. 1998. С. 38—52.

⁶¹ Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300—1450. Cambridge, 1985. P. 1. 45.13; Bendall S., Donald P. The Later Palaeologan Coinage (1282—1453). London, 1979. 34.1; 62.1.

⁶² См.: Herrin J. Virgin Hodegetria // The Oxford Dictionary of Byzantium. V. 3. 1991. P. 2172—2173.

Впоследствии в Триоди все ранние чудеса спасения Константинополя были приписаны именно иконе Одигитрии. Но процесс формирования Триоди известен недостаточно, а достоверность содержащихся в ее песнопениях сведений исторического характера или намеков на них нуждается в проверке. Поэтому использовать ее как источник довольно затруднительно⁶³.

О популярности культа Одигитрии в ранней Византии свидетельствует ее образ на лицевой стороне печатей Константина IV, Леонтия, Тиверия III, Юстиниана II, Вардана-Филиппика, Льва III, Никифора I, Михаила I, Льва V с 681 по 815 гг.⁶⁴ Культ Одигитрии вновь выдвигается на первый план лишь при Иоанне II Комнине⁶⁵ и принимает официальный характер только при Палеологах. Во время триумфального въезда Михаила VIII в освобожденный от латинян Константинополь ему предшествовала икона Одигитрии. Известна его уникальная печать, надписи и изображения которой имеют триумфальный характер и связаны с событиями 1261 г. На ее лицевой стороне изображен император, держащий над головой двумя руками икону Богородицы Одигитрии⁶⁶. В пользу перехода к Одигитрии функций Никопеи после 1261 г. свидетельствует икона Богородицы с полулежащим на ее руках младенцем (XIII в.) в серебряном окладе с эпитетом “Акатамахетос” — “Непобедимая” из собрания Византийского музея в Афинах⁶⁷, являющаяся, по мнению Д. Мурики, вариантом Одигитрии⁶⁸.

Однако ранняя история культа и самой иконы (до XII в.) почти неизвестны. Легенда окончательно оформляется лишь при Никифоре Каллисте Ксанфопуле, когда возникает “Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон”⁶⁹, где Одигитрии также приписаны все предшествующие чудеса спасения Константинополя. В пределах Московского государства с XIV в. культ Одигитрии в целом и ее местных икон: Смоленской и Тихвинской — выходит на первый план, оттесняя культ Владимирской Елеусы (Гликофилусы)⁷⁰.

⁶³ Карабанов И. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910; Момина М. А. О происхождении греческой Триоди // ПС. Т. 28. 1986. С. 112–120.

⁶⁴ См.: Шандровская В. С. Печати и монеты... С. 202–203.

⁶⁵ Бутырский М. Н. Византийское богослужение у иконы согласно типичу монастыря Пантократора 1136 г. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 146–147.

⁶⁶ Byzantine seals from the collection of George Zacos. Part. 1. London, 1998. № 7.

⁶⁷ Αχειμαστου-Ποταμιανου Μ. Εικόνες του Βυζαντινού μουσείου Αθηνών. Αθήνα, 1998. Σ. 76–77. Ν. 19.

⁶⁸ Μουρίκη Δ. Τα ψηφιδώτα της Νέας Μονής Ξιου. Τ. Α. Αθήνα, 1985. Σ. 27; Idem. Variants of the Hodegetria on two Thirteenth-Century Sinai Icons // Cahiers Archeologiques. T. 39. 1991. P. 153–182.

⁶⁹ “Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон” / Перевод, предисловие и комм. А. М. Крюкова // Чудотворная икона... С. 464–475.

⁷⁰ Щенникова Л. А. Царьградская святыня “Богоматерь Одигитрия” и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. СПб., 1999.

Когда в XVII в. вновь оживает интерес к византийским реликвиям, в Москву была привезена как дар Константинопольского патриарха Паисия икона Одигитрии⁷¹. Легенда сообщает, что ее вместе с горящей лампадой нашла в нише стены некая благочестивая вдова. Естественно, речь идет о копии с копии утраченного к 1653 г. оригинала⁷². Но показательно, что в специально написанном по этому случаю для царя Алексея Михайловича Сказании об иконе, лишь в начале своей истории имевшей отношение к Влахернскому храму, ей были приписаны все предшествующие чудеса, начиная с 626 г., и она была объявлена покровительницей Константинополя и “благочестивых греческих государей”.

По прибытии в Москву, Одигитрия была помещена в Успенском соборе и участвовала в Смоленском походе царя, будучи поставленной пред его лицом в его сани⁷³. По-видимому, в России чудо 626 г. связали с образом Одигитрии в целом, поскольку привезенный в 1654 г. список чудотворной Одигитрии Портаитиссы из Ивилона на Афоне также участвовал в Польском походе царя, сопровождая его до Вязьмы⁷⁴.

Возможно, возрождение византийского ритуала выступления в поход в сопровождении чтимой иконы Богоматери в Московской Руси XVII в. в известной степени было связано с осознанием роли Русского государства как единственного независимого православного в духе теории Третьего Рима. По крайней мере во время Критской войны между Турцией и Венецией греки возлагали особые надежды на помощь именно России. Патриарх Константинополя Афанасий Пательар, будучи в Москве в ноябре 1653 г., передал Алексею Михайловичу свое сочинение “Слово понуждаемое”, в котором писал, что под покровительством древней заступницы Византии Влахернской Божьей матери и святых царь должен отвоевать Константинополь и воссесть на престоле Константина Великого.

В целом, можно констатировать, что на Руси военный, наступательный аспект византийского культа Богоматери, нашедший воплощение в

С. 329–347; *Она же*. Запрестольная икона Успенского собора с изображением “Богоматери Корсунской” // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. V: Новые атрибуции. М., 1987. С. 8–23; *Гусева Э. К.* О ранних изображениях Одигитрии в искусстве Древней Руси // Русское искусство XI–XIII веков. М., 1986. С. 12–30; *Она же*. Московские и смоленские иконы “Богоматери Одигитрии” и сложение общерусской иконографии “Одигитрии Смоленской” в XV – начале XVI века // Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”. Материалы и исследования. Вып. XI. Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 92–117.

⁷¹ *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII вв. Греческие документы московских хранилищ. М., 1991. С. 48, 56; Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства из московских собраний. Каталог выставки. М., 1995. С. 72–79. № 49.

⁷² См.: *Соколова И. М.* Икона “Богоматерь Влахернская” из Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 413–426; *Щенникова Л. А.* Царьградская святыня... С. 329.

⁷³ *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию // ЧОИДР. Т. 183–184. М., 1897–1898. С. 11.

⁷⁴ Греческие документы... С. 43. № 24.

образе Богоматери Никопеи, не получил сколь-нибудь существенного развития. Трактовку событий во Владимире (поход 1164 г.) и в Новгороде (отражение осады 1169/70 гг.) можно связать с византийским влиянием на культуру Владимиро-Суздальской Руси второй половины XII — начала XIII вв. (“Слово о болгарском походе”) и Новгорода XII—XV вв. (переработка “Чуда о знамении” Пахомием Сербом) и не более того.



А. Т. Шашков

Образ Богородицы в религиозно-нравственных представлениях сибиряков XVII в.

Исследователи уже не раз обращали внимание на исключительно важное значение богородичного культа в русском православии¹. Весьма отчетливо роль Богородицы, выступавшей в качестве “заступницы усердной рода христианского”, молитвенницы перед высшими силами за грешных людей, благожелательной посредницы между ними и ее сыном Христом, была представлена как в устной, так и в письменной традиции. Ярким проявлением этого стали многочисленные чудеса и видения, связанные с иконными изображениями Богоматери. Их описания мы встречаем в Сказании о чудесах Владимирской иконы Пресвятой Богородицы (XII в.), в Повести о Темир-Аксаке (XV в.), в Сказании об иконе Тихвинской Богоматери (рубеж XV — XVI вв.), в Видении пономаря Тарасия, включенном в Житие Варлаама Хутынского (1505 г.), в Сказании об иконе Владимирской Богоматери (XVI в.), в “Повести о чюдесах Пречистые Богородицы честного и славного ея явления образа, иже в Казани” патриарха Гермогена (1594 г.), в “Повести о видении некоему мужу духовну” (1606 г.), в “Повести о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде” (1611 г.), в ряде нижегородских и владимирских видений этого же времени² и т. д.

В процессе присоединения к Русскому государству Сибири здесь также закладывается традиция особого почитания Богородицы. Первая церковь за Уралом, построенная в 1586 г. в Тюмени, была посвящена Рождеству Богородицы. А после основания в 1587 г. Тобольска и появления в нем Троицкой церкви царь Федор Иванович прислал сюда “чюдотворные образы Живоначальные Троицы да пречистые Богородицы честного и славного ея Одегитрея”³.

¹ См.: Самарин Д. Богородица в русском народном православии // РМ. 1918. № 3—6. С. 1—38; Маторин Н. М. Женское божество в православном культе: Пятница — Богородица. Очерк по сравнительной мифологии. М., 1931; Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991 и др.

² См.: Гребенюк В. П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997; РА. 1881. Кн. 2. С. 15—16; ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI вв. М., 1984. С. 416—421; Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 1—16; РИБ. Изд. 2-е. СПб., 1909. Т. 13. Стлб. 101—105, 177—186, 235—248, 951—956.

³ Тобольский архиерейский дом в XVII веке (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV). Новосибирск, 1994. С. 156.

В 1610 г. из-за Иртыша на гору был переведен первый в Тобольске Зосимо-Савватиевский женско-мужской монастырь, основанный еще в конце XVI в. При нем была построена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, а монастырь стал называться Успенским. В 1623 г., при первом архиепископе Сибирском и Тобольском Киприане Старорусенкове (1621—1624 гг.), который до своего назначения сюда был хутынским архимандритом и поэтому настойчиво стремился привить новой епархии прославление новгородских святых, монастырь был разделен: старцев переселили в нижнюю часть города, в новую обитель с освященной самим владыкой церковью во имя Знамения Пресвятой Богородицы, бывшего в Новгороде в 1170 г. (по ее названию монастырь стал именоваться Знаменским), а старицы остались в Успенском монастыре⁴.

Еще раньше, 21 октября 1621 г., архиепископ Киприан торжественно освятил новую соборную церковь во имя Софии Премудрости Божии, для которой протодьякон Матвей Мартынов написал две двусторонние иконы: с изображениями Софии и Богородицы Знамения на первой, и Богородицы Одигитрии и Троицы — на второй⁵. Одновременно им же были поновлены и некоторые старые тобольские иконы, в том числе и те две, что подарил в свое время царь Федор Иванович. Вскоре их, судя по всему, перенесли из Троицкой церкви в Софийский собор⁶.

Создание в Сибири собственной церковной организации оказало существенное влияние на развитие различных сторон духовной жизни края. Поэтому неудивительно, что вскоре повествования о чудотворных богородичных иконах начинают проникать и в местную книжно-рукописную традицию. Так, при архиепископе Киприане активно пропагандировалось Сказание о Знамени Новгородской иконы Богородицы, при его преемнике Макарии Кучкине, происходившим из московских дворян и до Тобольска являвшимся игуменом Костромского Богоявленского монастыря, переписывались произведения, посвященные Казанской и Владимирской иконам Богородицы, при Нектарии Теляшине, поставленном на тобольскую кафедру из игуменов Нилово-Столбенской пустыни Новгородской епархии, библиотека Тобольского Софийского дома пополнилась Сказанием о явлении Тихвинской иконы Богородицы⁷ и т. д.

Как известно, население Сибири в основном пополнялось выходцами с Русского Севера, продолжавшими поддерживать тесные контакты

⁴ См.: Буцинский П. Н. Соч. в 2 т. Т. 1: Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. С. 109—110.

⁵ Тобольский архиерейский дом... С. 154—158.

⁶ См.: Там же. С. 17. Об этих и других тобольских иконах богородичного цикла см. также: Велижанина Н. Г. Иконостасы Тобольска в первой половине двадцатых годов XVII столетия (опыт реконструкции по документальным источникам) // Русские Сибиря: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 161—174.

⁷ См.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 18—19; Очерки русской литературы Сибири. В 2 т. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. С. 58—59.

со своей прежней родиной. В контексте изучаемой темы особый интерес представляет созданное во второй половине XVII в. Сказание о чудесах Теплогорской иконы Богородицы Владимирской. В 1643 г. эта икона была обнаружена в Нижнем Новгороде и перенесена “во град Устюг Великий, во область его в верх реки Юга на край Теплых горы, в дикой черной непроходимой лес”. Вскоре здесь возникла монашеская обитель, а к чудотворной иконе, помещенной в Богородицкой церкви (была освящена 23 июня 1644 г.), потянулись за исцелением от болезней страждущие⁸.

Весной 1646 г. Теплогорскую икону Владимирской Богородицы привезли за Урал. Уже 21 мая того же года она, как свидетельствует Сказание, подняла со смертного одра жителя Тюмени “Тимофея сына Елеазарова по реклу Голышевых” (чудо 21). А в сентябре-октябре, будучи доставленной в Томск, чудотворная икона исцелила от страшных недугов еще восемь человек (чудеса 22–29). 25 марта 1671 г. Теплогорскую икону вторично “послали в сибирския города” в сопровождении старца Меркурия и работника Михаила Леонтьева. В результате этой поездки в Верхотурье прозрел некий посадский человек по имени Василий (чудо 41); 20 мая того же года “в Тюменском уезде на погосте Липовке” избавился от немоты “некто отрок именем Леонтий” (чудо 42); 17 июля “того же Тюменьскаго города некто посадской человек именем Василий”, разбитый параличом, также “исцеление получи” (чудо 43). В 1673 г. икона находилась в Енисейске и Красноярске, где излечила еще шесть человек (чудеса 44–49), а с осени 1673 г. по весну 1674 г. — в Илимском уезде (в тексте Сказания он неточно назван Ильинским). Здесь благодаря ей исцелились еще четыре человека, в том числе и “Кириной (правильно Киренской — А. Ш.) волости девица именем Евдокия”, которая “одержима была от нечистаго духа”, и пораженные слепотой жительницы Верхоленской волости (в тексте Сказания она неточно названа Ворленской): “жена некая именем Акилина да дочь ея именем Евдокия” (чудеса 50–52)⁹. После этого чудотворную икону вернули обратно в Теплогорскую Богородицкую пустынь.

Между тем в Сибири стали появляться как собственные чудотворные иконы Богородицы, так и соответствующие произведения, им посвященные. Например, в 1623 г. просияла чудесами икона Смоленской Божией Матери Одигитрии, стоявшая на городской башне Березова. В ее честь за острогом, напротив городских ворот, была построена деревянная церковь, куда икону торжественно перенесли и установили ей празднество 19 октября. Впоследствии березовский воевода стольник И. Ф. Грибоедов, в 1686 г. или 1687 г. исцелившийся благодаря молитвам перед

⁸ Власов А. Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI–XVII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты использования. СПб., 1994. С. 228–232.

⁹ Там же. С. 237–239, 241–243.

вышеназванной иконой от тяжелого недуга (он был болен рожей), составил описание этих чудес¹⁰.

Летом и осенью 1636 г. вдове Марии, дочери пашенного крестьянина Ивана Симанова из д. Старицы, находившейся близ “села, нарицаемого Абалак, от града Тобольска двадесять поприщ”, во сне или в состоянии обморока несколько раз являлась Новгородская икона “Знамение Богородицы” в сопровождении святых Марии Египетской и Николая Мирликийского, требовавшая построить в Абалаке церковь во имя Знамения. В конце концов Мария рассказала о своих видениях сначала своему отцу духовному, “Абалацково села спаскому попу Илариону”, а потом архиепископу Нектарию, приказавшему записать в Тобольском архиерейском доме ее допросные речи и отправившему их “ропись” в Москву. Собор постановил церковь построить. Сразу же после этого “расслабленный” Евфимий Кока, пашенный крестьянин из “веси, нарицаемая Сузъгун”, пообещал написать образ Богородицы Знамения в новую Абалацкую церковь, что по его просьбе и сделал в 1637 г. уже знакомый нам протодьякон Софийского собора Матвей Мартынов. После окончания работы Евфимий, полностью поправившись, сам принес икону архиепископу. Так совершилось первое чудо Абалацкой иконы Богородицы.

В 1641 г., уже при владыке Герасиме Кремлеве, было создано особое Сказание об Абалацкой иконе, автором которой, возможно, являлся архиепископский дьяк Савва Есипов, написавший в 1636 г. знаменитое повествование о сибирском походе Ермака (так называемую Есиповскую летопись)¹¹. Таким образом, это Сказание, вплоть до конца 70-х гг. XVII в. пополнявшееся рассказами о новых чудесах Абалацкой иконы, положило начало складыванию сибирской литературной традиции, посвященной местночтимым образам Богородицы.

Хорошо известно, что в Сибири конца XVI—XVII вв. борьба с “немирными” степняками: ханом Кучумом и его потомками, калмыками, башкирами и т. п. — являлась суровой реальностью. Поэтому не случайно проявившийся здесь интерес к Сказанию об иконе Владимирской Богоматери во многом был обусловлен изложенным в нем знаменательным и нравоучительным событием — чудесным избавлением в 1395 г. Московской Руси от угрозы нашествия полчищ Темир-Аксака (Тимура). Более того, сам этот сюжет стал использоваться в переработанном виде в местных преданиях и легендах.

¹⁰ См.: *Абрамов Н. А.* Город Тюмень: Избр. произведения. Тюмень, 1988. С. 501, 538; *Сулоцкий А. И.* Соч. в 3 т. Т. 1: О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 237–238.

¹¹ *Сулоцкий А. И.* О церковных древностях Сибири. С. 109–157; *Ромодановская Е. К.* Сибирские повести об иконах (XVII — начало XVIII вв.) // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 82–96; *Она же.* Русская литература в Сибири... С. 137–159; *Очерки русской литературы Сибири.* Т. 1. С. 61–63, 71–73; Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы опубликовано: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (История Сибири. Первоисточники. Вып. X). Новосибирск, 2001. С. 85–184.

В качестве примера можно привести эпизод из истории возникновения Далматовского Успенского монастыря. Когда, согласно письменному известию об этих событиях, составленному уже в начале XVIII в. далматовским архимандритом Исааком (в миру Иваном Дмитриевичем Мокринским, сыном основателя монастыря)¹², старец Далмат (в миру тобольский сын боярский Дмитрий Иванович Мокринский)¹³, постриженник Невьянского Спасо-Богоявленского монастыря, покинув эту обитель, перебрался в 1644 г. на Исеть и поселился в урочище Белое Городище, где ему пришлось столкнуться с хозяином здешних мест, тюменским ясачным татаринцом Илигеем. Подстрекаемый жителями Ирбитской и Невьянской слобод Верхотурского уезда Королевыми и Шипицыными, арендовавшими у него промысловые угодья, “прииде той Илигей татарин к старцу Далмату во образе аки зверя и хотя ево убить”. Выдав себя за татарина по материнской линии, Далмат на время избавился от опасности. Однако осенью 1645 г. Илигей вновь был “наважден родом своим и теми же рускими и паки устремися на убийство”. По дороге его настигла ночь, и во сне ему было видение: явившаяся “благолепна жена в багряных ризах”, с хлыстиком в руках, “претяща” Илигею трогать старца. Более того, она даже повелела ему отдать монаху свою вотчину. Проснувшись “в трепете и ужасе велице”, татарин, узнавший в явившейся ему женщине Богородицу, пришел к Далмату и все ему рассказал, а весной 1646 г., выполняя наказ Богородицы, “обвел вокруг по урочищам всю свою вотчину и отдал оному старцу Далмату”¹⁴.

При сравнении описанного Исааком видения, бывшего Илигею, с соответствующим эпизодом из Сказания об иконе Владимирской Богоматери, нельзя не заметить определенного сходства: Темир-Аксаку также является во сне “жена некая, в багряны ризы одеяна, славою неизреченной и благолепием преукрашена и светом сияще паче солнечных луч”. Проснувшись в ужасе от видения “жены”, которая ему “люте претяше” воевать Русь, Темир-Аксак “вельми убояся и зело устрашися, смятесе душою и помрачися умом, и трепет велий объят его”. Узнав, что ему явилась Богородица, он “вскоре повеле всю силу свою бесчисленную возвратити вспять и устремися на бег со всеми своими бесчисленными воиньствы”¹⁵.

¹² Об этом сочинении см.: Манькова И. Л. Неопубликованные материалы по истории Далматовского Успенского монастыря // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 36–37.

¹³ См. о нем: Карсонов Б. Н., Манькова И. Л. Старец Далмат: человек и святой // Христианство и миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Пермского): Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. Т. 1. С. 178–189; Манькова И. Л. Тобольские служилые люди Мокринские // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 323–329.

¹⁴ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. Последняя четверть XVII – начало XVIII вв.: Сб. док. / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 184–185.

¹⁵ Гребенюк В. П. Икона Владимирской Богоматери... С. 201–202.



Ил. 1. Богоматерь Владимирская со
“Сказанием об иконе Владимирской Богоматери”.
Первая треть XVII в.

Появление в обители на Исети первой церкви также, согласно монастырским преданиям, было связано с образом Богородицы. Как вспоминали в одной из своих челобитных игумен Исаак и келарь Никон, в 1651 г. “пришли на них (то есть на первых обитателей Далматовой пустыни — А. Ш.) ратию калмыцкие люди и часовню и кельи у старцев и трудников пожгли и побили, а иных в полон побрали, точию осталась на пожаре в пеплу местная икона Пресвятая Богородицы невредима, и старец Далмат сохранен бысть”. Спустя некоторое время оставшиеся в живых и вновь пришедшие собрались “на то погромное и разоренное место и поставили своими трудами церковь во имя Пресвятая Богородицы честного ея Успения, и кельи братские, и службы монастырские, и ограду около церкви, и келеи и башни для воинских людей”¹⁶.

Уже с конца XVI в. на восточных окраинах России начинают появляться иконы Владимирской Богоматери с клеймами, рассказывающими о нашествии Тимура. Самая ранняя из них была написана “государевым иконописцем” Истомой Савиным для известного пермского солепромышленника Н. Г. Строганова (ил. 1)¹⁷. В более позднее время подобные иконы стали создаваться и в Сибири. Любопытная история об одной из них содержится в документе, опубликованном в 1989 г. Н. Н. Покровским¹⁸. Речь в данном случае идет об адресованной на имя царя Алексея Михайловича челобитной подьячего Тюменской съезжей избы Фе-

¹⁶ Вкладные книги... С. 187. Согласно преданию, у иконы Успения Божией Матери, которую Далмат принес с собой на Исеть, был во время пожара опален только один угол. В 1703 г. иконописец Иван Никитин за ее подновление получил один рубль (Плотников Г. С. Описание мужского Долматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписных к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). Екатеринбург, 1906. С. 19–20).

¹⁷ Каменская Е. Ф. Исторический сюжет в клеймах иконы Владимирской Богоматери Истомы Савина // Третьяковская галерея: Исследования и материалы. М., 1956. Т. 1. С. 44–49.

¹⁸ См.: Покровский Н. Н. Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в. // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 85–86.

дора Тимофеева. Написанная не ранее 1 сентября 1654 г., эта челобитная являлась одним из звеньев в цепи событий, связанных со смещением с должности тюменского воеводы Н. И. Елдезина в результате его острого конфликта с местными мирскими организациями¹⁹, хотя конкретным поводом для ее появления стал случай почти анекдотический.

Как жаловался Ф. Тимофеев, представители тюменской служилой верхушки, прежде всего дети боярские Я. Рязанов, Я. Тургенев и С. Ушаков, являвшиеся, кстати сказать, главными противниками воеводы Н. И. Елдезина, неоднократно в течение августа месяца 1654 г. публично насмехались над подаренной подьячим в Ильинскую церковь иконой Владимирской Богоматери, на которой в числе прочих чудес имелось изображение того, “как Пречистая Богородица Темир-Аксака победила... А тот образ Пречистые Богородицы писан на Тюмени, писал иконник Федор Стрекаловской, а дописывал иконник Иван Гаврилов, и на киоте вверху образа О тебе радуется, а на створех Праздники Пречистые Богородицы и святые писаны”.

Поводом для дерзких насмешек как раз и стал помещенный здесь в клеймах Темир-Аксак, из-за чего, по мнению тюменского служилого мира, икона являлась ложной. Я. Рязанов, в частности, открыто говорил по этому поводу: “Не подобает де тому образу кланятца”. После такого вердикта церковный дьячок даже вынес икону из церкви, и она какое-то время стояла на паперти. Но на этом издевательства над злополучной иконой не закончились. По сведениям подьячего, С. Ушаков, например, пытался дать софийскому сыну боярскому С. Немчиному денег, “а велел свечю поставить Темир-Аксаку, а не Пречистой Богородице”. Одновременно Я. Тургенев распускал слухи, “бытто... стоя де у Всемилоственного Спаса у обедни, конной казак Степан Хворостов ево закликал”, то есть провозгласил имя безбожного предводителя вражеских полчищ наряду с именами других святых. И оттого прихожане Ильинской церкви “пения церковного не слышат, всегда крамола и смех”.

Эти обвинения, выдвинутые верным помощником тюменского воеводы против ненавистных ему “бунтовщиков”, подчеркивавшим, что “образ писан по подобию, а крамольники смех творят”, могли иметь для последних весьма тяжкие последствия: согласно тогдашнему законодательству, нарушение общественного порядка в церкви во время богослужения считалось “церковным мятежом” и сурово каралось смертью или “торговой казнью”. Поэтому челобитная Ф. Тимофеева была незамедлительно отправлена в Москву, где в Сибирском приказе на ней появилась резолюция: “Писать в Сибирь к Семиону архиепископу, велеть ему про то сыскать, а по сыску безчинником за безчинство указ учинить”.

В контексте вышеописанной истории нельзя не обратить внимания на личность иконника Федора Стрекаловского (в одной из позднейших

¹⁹ Подробнее об этом см.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 183–190.

челобитных он сам себя называет также Стрекаловым²⁰), разработавшего саму композицию иконы. Судя по всему, в Тюмени он был человеком новым, только что приехавшим “с Руси”, где изображения Темир-Аксака в клеймах на иконе Владимирской Богоматери не являлись какой-то диковиной.

В связи с этим небезынтересными могут оказаться опубликованные в 1990 г. В. С. Румянцевой документы сыскного дела о тульских вольнодумцах, начатого в январе 1654 г. в Алексине и продолженного в Москве — сначала в Разрядном приказе, а потом на Патриаршем дворе²¹. Как следует из этих документов, в Алексинском уезде, в лесу близ Бунорева Спасского монастыря, были схвачены “в пустой избе” пять человек: тульские дети боярские Федор Стрекалов и Мартемьян Острейков, дьякон тульской же Георгиевской церкви Никита и две “девки”: Анисья Ульянова дочь Кисленская и Пелагея Константинова дочь Кисленская, являвшиеся двоюродными сестрами. Вместе с найденным при них имуществом (в его число входили “две коробки с книгами да в мешке рухлядь и письма”, а также икона Богородицы “Достойно есть” с окладом в киоте) арестованных доставили в Алексин, а оттуда — в Москву, в Разрядный приказ. 7 марта 1654 г. их перевели на Патриарший двор в Кремле.

В чем конкретно обвинялись туляне и какова была их дальнейшая судьба, неизвестно. Однако можно предполагать, что разбирательство по данному делу было недолгим: девиц, судя по всему, отдали на поруки их родственникам, которые просили об этом в своей челобитной еще в феврале, а мужчин разослали по отдаленным местам. Следовательно, вполне допустимым, на наш взгляд, является отождествление тульского сына боярского Федора Стрекалова, возможно, оказавшегося за свои неортодоксальные воззрения к началу лета 1654 г. в ссылке в Тюмени, с иконником Федором Стрекаловским (Стрекаловым), писавшим здесь летом того же года по заказу подьячего Ф. Тимофеева икону Владимирской Богоматери. Косвенным свидетельством в пользу такого отождествления могут стать некоторые факты как из дальнейшей биографии самого Ф. Стрекаловского, так и из биографий его сыновей.

Так, в начале 60-х гг. XVII в. в Сибири по инициативе воеводы Тобольского разряда князя И. А. Хилкова началось формирование двух полков “нового” строя: рейтарского и солдатского, в каждый из которых предполагалось набрать по 1000 человек. Для этих целей из Москвы были присланы “полковники и полуполковники немцы Вилим Филиппов, Яков Меиль, Василей Плалка, Дмитрей Полуехтов, Иван Волков и многие иные немцы и русские, майоры и порутчики, и прапорщик. И в райтары и в салдаты прибирать почали и строиству учить”. Всего в зауральских городах и острогах “прибрано было рейтар и салдат 1800 человек”²². Посе-

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1237. Л. 192.

²¹ См.: Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654—1684 гг. / Сост. В. С. Румянцева. М., 1990. С. 23—28.

²² ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 161, 205.

лили их в слободах Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов. Вместо хлебного жалованья они получали “кормовые деньги” и по указной цене покупали продовольствие у местных крестьян. В солдатскую службу был зачислен и Ф. Стрекаловский, причем сразу же на командную должность, что можно объяснить его дворянским происхождением (напомним, что тулянин Ф. Стрекалов был сыном боярским).

Во время начавшегося в 1662 г. в Приуралье и Западной Сибири грандиозного антирусского восстания, в котором приняли участие башкиры, калмыки и сибирские татары, возглавляемые потомками хана Кучума, подразделение солдат, которым командовал Ф. Стрекаловский, стояло в Арамашевской слободе Верхотурского уезда. В марте 1663 г., в перерыве между боями, в Верхотурской съезжей избе производился сыск по челобитной арамашевского приказчика И. Коптева о разграблении его имущества группой солдат во главе с Ф. Стрекаловским, которые сопровождали свои действия угрозами “бросить его с камени”²³.

Спустя два года имя Ф. Стрекаловского, изгнанного за его проступок с солдатской службы и ставшего к тому времени дьячком тюменской Вознесенской церкви, вновь появилось в источниках. На сей раз он оказался замешанным в антицерковном старообрядческом выступлении, речь о котором еще будет вестись ниже. Здесь же следует отметить, что для Ф. Стрекаловского, подвергнутого вместе с другими “раскольщиками” репрессиям, все закончилось сравнительно благополучно, после чего он опять был поверстан в военную службу. В именной книге тюменских служилых людей 1672/73 г. он назван уже атаманом пеших казаков с довольно высоким хлебным окладом (10 четей ржи, 8 четей овса и 3 пуда соли). Впрочем, в книге уточняется, что “за хлебное жалованье дана ему пашня”. Также вместо хлебного жалованья имел пашню и его сын Елфим, служивший пешим стрельцом в сотне О. Алтыкова²⁴.

Судя по всему, впоследствии Ф. Стрекаловский был переведен в разряд тюменских детей боярских. На это, в частности, указывает тот факт, что два его сына, Максим и Никифор, в источниках конца XVII — начала XVIII вв. фигурируют как неверстанные дети боярские. Оба они, кстати сказать, унаследовали отцовский талант живописца и добывали себе пропитание иконным делом²⁵. Из них наиболее заметный след оставил Максим, сделавший в 1697 и 1700 гг. ряд чертежей Тобольского и Верхотурского уездов, вошедших в атласы С. У. Ремезова²⁶, а также принимавший в начале XVIII в. участие в иконописных работах при строительстве в

²³ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1060. Л. 1–8.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 574. Л. 71 об., 77, 79 об.

²⁵ Там же. Кн. 471. Л. 566; см. также: *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895. Ч. 1. С. 359; *Ефремов В.* Тюмень восемнадцатого века // *Лукич.* 1999. Ч. 1. С. 61.

²⁶ См.: *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965. С. 87–88, 152–155; *Он же.* Карты-чертежи тюменского картографа Максима Стрекаловского в атласах С. У. Ремезова // *Известия ВГО.* 1966. Т. 98. Вып. 1. С. 71–73.

Тюмени каменного Благовещенского собора. Кроме того, он, возможно, был составителем общего архитектурного плана г. Тюмени²⁷.

В 1708 г. М. Ф. Стрекаловский подал на имя царя Петра Алексеевича челобитную. Как следует из нее, он к тому времени уже был поверстан “за службы отца... и сродников” в дети боярские “в выбылой оклад Якова Круцкого”, из которого получал “денег семь рублей, хлеба против денег, два пуда соли; а за тем верстаньем осталось ево Яковлева окладу выбылых денег рубль, хлеба четверть ржи, овса тож, пуд соли”. Именно об этой части государева жалованья и хлопотал Максим, доказывая свое право на “осталой оклад” перечнем собственных служб, в том числе произведенным им межеванием земель и составлением чертежей “по городом и по всем слободам”, а также поездкой для этих же целей “на Ишим реку с полковником Давыдом Мейном и с Христафором Лефентом (Левенфельдом — А. Ш.) и с ыными дворяны и з дети боярскими”. Он подчеркивал: “А дети мои, Николай да Гаврила, взяты в салдаты, и Николай убит в Полше, а Гаврило взят в полон шексонскому (саксонскому — А. Ш.) королю. А четыре сына на Тюмени ни в каком чине не поверстаны”. В связи с этим М. Ф. Стрекаловский просил одного из своих сыновей, Афанасия, поверстать в “выбылой оклад” тюменского сына боярского Логгина Бутурлина, которого взяли в солдаты, но из-за болезни от службы отставили и отпустили назад в Тюмень²⁸.

О М. Ф. Стрекаловском есть и более поздние сведения. Так, из списка “обывателей” г. Тюмени, составленного около 1727 г., следует, что ему в это время было 74 года и что “оной Максим стар и дряхл”. Здесь же отмечены и два его сына: 40-летний Федор и 10-летний Никифор²⁹. Кем приходился Максиму, сыном или племянником, тюменский сын боярский Лев Стрекаловский, числившийся в 1720 г. среди беглых рекрутов³⁰, неизвестно.

Но вернемся к богородичным иконам, пользовавшимся в XVII в. особым почитанием у сибиряков. Еще 7 октября 1633 г. образ Владимирской Богоматери “поставил” в томскую Богоявленскую церковь местный служилый человек Еким Захаров сын Рыбалов. На Воскресенской воротной башне верхнего Томского острога издавна находилась икона Богоматери Знамения, которую в 1680 г. поновлял иконник Герасим Иванов. Со второй половины XVII в. наиболее чтимой в Томском уезде была чудотворная печатная икона Смоленской Богоматери Одигитрии. По преданию, ее купили и поместили в часовенке, поставленной на левом берегу Оби, в 60 верстах от Томска, братья Сваровские и Илларион Байгулов. Место для часовенки, вокруг которой вскоре образовалось с. Богородское, было выбрано далеко не случайно: здесь неоднократно слышали колокольный

²⁷ См.: Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 91, 181–182.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1500. Л. 292–292 об.

²⁹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 553. Л. 13 об.

³⁰ Там же. Д. 528. Л. 5 об.

звон. Еще одна икона — “Введение во храм Пресвятой Богородицы” — была в середине XVII в. найдена жителями с. Ярского Томского уезда на ветвях большого черемухового дерева. Пущенная вниз по р. Томи, она вернулась на прежнее место, что послужило основанием для постройки здесь Введенской часовни, в которой икона и была поставлена³¹.

Из иркутских богородичных икон XVII в. особо следует отметить образ Владимирской Богоматери, написанный местным протодьяконом Иваном Федоровым Сухих по заказу крестьянина Матвея Петрова сына Лылова, основавшего в 1686 г. на р. Урик у Круглого болота селение и построившего там на свои средства часовню³². Наконец, жителями г. Тары уже в XVII в. почиталась икона Тихвинской Божией Матери, находившаяся в приказной избе³³.

Нередко видения и чудеса, связанные с теми или иными богородичными иконами, использовались в политической и идеологической борьбе. Одним из таких случаев можно считать явление иконы Казанской Богородицы, произошедшее летом 1661 г. в Тобольске³⁴. Случилось это через несколько месяцев после того, как сибирский архиепископ Симеон, не выдержав борьбы за пределы духовной и светской власти с тобольским воеводой князем И. А. Хилковым, самовольно, “без государева указа”, уехал в Москву искать защиты у царя³⁵. Сам чудотворный образ Казанской Богородицы, некогда находившийся в старой Крестовоздвиженской церкви, а позднее перенесенный в церковь Трех святителей Знаменского монастыря, стоял здесь в это время “в чюлане к стене лицом”. За такое пренебрежение к святыне, усугубленное беспрестанной матерной бранью местных жителей, а также тем, что вместо фимиама “наполняется воздух проклятым шаровным дымом” (здесь, очевидно, имеется в виду проникшее к тому времени в Сибирь табакокурение), Господь наслал “на град..



Ил. 2. Богородица Казанская. XVIII в.

³¹ См.: Евтихьева И. А. Томская икона // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 212–214; Сулоцкий А. И. О церковных древностях Сибири. С. 241–243, 251–253.

³² См.: Крючкова Т. А. Иконы земли Иркутской // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 225.

³³ См.: Сулоцкий А. И. О церковных древностях Сибири. С. 226–228.

³⁴ См.: Ромодановская Е. К. Сказание о явлении Казанской иконы Богородицы в Тобольске // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 45–58.

³⁵ Подробнее об этом конфликте см.: Оглоблин Н. Н. Дело о самовольном приезде в Москву Тобольского архиепископа Симеона // РС. 1893. № 10. С. 162–184.

великия мухи”, чтобы скот изморить и “всех живых поести”. И лишь благодаря заступничеству Богородицы и других святых он сменил гнев на милость и “повеле быти дождю многу и ветру студену, и мразу, измори те великие мухи”. Обо всем этом поведал 21 мая 1661 г. молодому церковному дьячку Иоанникию явившийся во сне муж, облаченный в святительские одежды, в котором он опознал святого митрополита Филиппа. Кроме того, Иоанникию велено было передать архимандриту, воеводе “и всему народу”, чтобы ими в три дня была построена церковь во имя Казанской Богородицы, куда после освящения следовало перенести из чулана ее образ и установить ему празднование трижды в год: 22 октября, во вторник на Светлой неделе и 8 июля.

Боясь, что ему не поверят, Иоанникий никому об этом видении не сказал, вследствие чего святитель являлся ему еще дважды: 10 июня и 6 июля. “Аще сего завещания Пречистыя Богородицы не поведаеш, — грозил он дьячку, — то зле живота своего гонзнешь. А в нынешнее время видиши ли окаянне, от дождя великаго хлеб гниет, а вода топит, и гнев Божий на весь град идет. А владычицы Богородицы образ прославится и во ином месте”.

В ночь после третьего видения Иоанникию слышались во сне колокольный звон и чудное пение. При этом кто-то из поющих вновь его предупреждал: “Почто не сказа днешь? А утре при всем народе наказан будешь”.

Утром 7 июля, в воскресный день, был праздник явления Богородицы Одигитрии во граде Казани. В разгар посвященной этому событию службы Иоанникию в последний раз явился митрополит Филипп. Со словами: “Отднешь буди дряхл, дондеже совершится божественное дело, и тогда будешь здрав”, он ударил дьячка “о помост трапезный” и исчез, повелев напоследок: “Скажи, дабы град не погибл твоего ради онемления”. Придя в себя, Иоанникий в конце концов рассказал черному попу Макарию о том, что с ним произошло. И уже через день, 9 июля, по распоряжению воеводы началось строительство новой церкви во имя Казанской Богородицы, куда и перенесли торжественно через три дня чудотворную икону. Как только это было сделано, разбитый болезнью дьячок Иоанникий тут же исцелился.

Вскоре после этого в Tobольске была написана первая (так называемая Воеводская) редакция особого Сказания, посвященного произошедшим событиям. В ней на первый план был выведен тобольский воевода князь Хилков, принимающий в связи с отсутствием руководителя епархии все принципиальные решения. Поэтому нетрудно догадаться, кто был главным вдохновителем всего этого дела.

В свою очередь, архиепископ Симеон, вернувшийся из Москвы 22 марта 1662 г., сразу же постарался изменить ситуацию в свою пользу. В результате на свет появилась вторая, так называемая Симеоновская, редакция Сказания о явлении иконы Казанской Богородицы в Tobольске. Первоначальный текст был здесь соответствующим образом перера-

ботан, а роль воеводы несколько принижена. Впоследствии, уже перебравшись в Москву, Симеон приложил немало усилий для распространения в рукописной традиции именно своей редакции.

Следует отметить, что до этих событий владыка, занятый борьбой за власть с тобольским “игемоном”, никакого усердия в проведении начатой патриархом Никоном церковной реформы не проявлял. Он даже покровительствовал некоторым ее ярким противникам (например, находившемуся в сибирской ссылке знаменитому протопопу Аввакуму) и закрывал глаза на то, что в местных церквях служба вплоть до весны 1662 г. велась в основном по старым книгам. Но, потерпев поражение в борьбе (по представлению И. А. Хилкова, ему особой царской грамотой было предписано впредь вершить все духовные дела только после согласования с воеводой), Симеон попытался укрепить свое положение в Сибири с помощью распространения обрядовых нововведений. Поэтому сразу же после своего возвращения из Москвы он, как вспоминал находившийся в это время в тобольской ссылке бывший патриарший подьяк Федор Трофимов, “велел по всем церквам службы служить против новых книг и, угождая отцу своему Никону, списовал со Служебников списки и разослал по всем церквам с великою грозою”³⁶. Эта акция совпала по времени с проводимой правительством царя Алексея Михайловича денежной реформой, вызвавшей в стране сильную инфляцию (так, по сообщениям источников, цены на хлеб в Сибири поднялись до 1 рубля за пуд³⁷). А менее чем через два месяца после приезда владыки Симеона в Тобольск случился страшный пожар, уничтоживший большую часть посада. Вот как описывается этот случай в Головинской редакции Сибирского летописного свода: “Того же 170-го (1662 — А. III.) году майя в 17 день был в Тоболску пожар под горою, загорелася юрта на дворе у бухаретина у Сеткула Аблина. И от того выгорели тотарские юрты все без остатку по самую речку Курдюмку по обе стороны и мосты, и лавки, и церковь Владимирские Богородицы, и колокольня, и русских людей дворы, и лавки, и кузницы — все выгорело. И от того пожару городовая угловая башня загорелась. И ис соборные церкви и по всем дворем и из лавок в погребы и за острог убирались...”³⁸.

Сгоревшая во время этого пожара Владимирская церковь стояла внизу, напротив Прямого взвоза, и называлась по имевшемуся здесь приделу также Богоявленской. Как раз в ней и служил в дьячках Федор Тро-

³⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 4. С. 288. Подробнее о Федоре Трофимове см.: *Шашков А. Т.* Патриарший подьяк Федор Трофимов (из истории раннего старообрядчества) // *Идеология и культура феодальной России*. Горький, 1988. С. 52–61; *Он же.* Юрий Крижанич и Федор Трофимов в сибирской ссылке (из истории идейной борьбы третьей четверти XVII в.) // *Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера*. Сыктывкар, 1997. С. 152–167.

³⁷ См.: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 100, 205, 271, 350; Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 293.

³⁸ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 205–206.

фимов, приверженец “древлего благочестия”, непримиримо относившийся к общению с неверными “агарянами”. Об этом, в частности, свидетельствует другой хорошо его знавший ссыльный — “серблянин” Юрий Крижанич: “Егда паки аз бых и с Феодором иподиаконом в Сибирь везен, Феодор умывашеся и пияше из единого ковша со мною; а егда бехом у татарина и татарин воды почерпе, Феодор не хотяше к тому умыватися из онаго ковша”³⁹. Не исключено, что именно Федор Трофимов, воспользовавшись стечением обстоятельств (началом пожара в татарских юртах), первым выдвинул и стал распространять в народе идею о наказании Божиим за общение православных с “некрещеными”.

Все это, кстати, подвигло самого Юрия Крижанича к написанию по горячим (в буквальном смысле этого слова) следам событий своего первого антистарообрядческого сочинения “О превержестве беседа”, в котором повествование ведется от лица тобольского архиепископа. Здесь, в частности, Крижанич отмечает: “А ваши пророци молвят, яко посада для того згорела, что людие с некрещеными хлеб ядали”⁴⁰.

Тобольский пожар стал также поводом к распространению вдовой Авдотьей Петровой дочерью Бакшеевой из абалацкой д. Кундуски рассказов о бывших ей видениях⁴¹. Об этом напрямую свидетельствует фраза из ее показаний в Тобольской съезжей избе, сделанных 30 мая 1662 г., якобы исходящая от образа Богородицы Знамения в Абалаке: “А что де в нынешнем же во 170-м году был пожар в Тоболску под горою на посаде и згорели две церкви и многие русские дворы и татарские юрты погорели же, и тот де гнев Божей был грацким людем за то, что русские люди жили с татары, а татаровя с рускими людьми жили вместе и блуд творили, и пили, и ели с ними вместе ж”.

В контексте негативных оценок, связанных уже с последствиями денежной реформы следует, очевидно, рассматривать еще одну фразу, услышанную Авдотьей от Богородицы: “Говорят де в миру всякие люди, что глад и всякая скудость учинилась от начальных людей. И то де учинилось не от начальных людей, [а] от Бога за их мирское согрешение”.

Названные сюжеты при всей своей важности не являются определяющими в структуре данных видений. Главная их тема — это осуждение отмены церковным руководством старых обрядов.

Так, первый “глас” Богородицы, услышанный Авдотьей в абалацкой Знаменской Спасской церкви еще летом 1661 г., равно как и другие, бывшие после этого “в дому ее не по одно время”, поначалу требовали от нее донести до людей достаточно традиционный для подобного рода ви-

³⁹ Крижанич Ю. Обличение на Соловецкую челобитную. Казань, 1878. С. 67.

⁴⁰ Аввакумов Ю. П. Сочинение Юрия Крижанича “Беседа о суеверии”. (Текст, перевод, комментарии) // Богословские труды. М., 1986. Сб. 27. С. 226. Отметим, что Ю. П. Аввакумов слово “посада” неточно перевел как “крепость” (Там же. С. 236).

⁴¹ См.: Ромодановская Е. К., Шашков А. Т. Сибирские видения 1662 г. в контексте антикононской борьбы // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 38–41.

дений призыв: чтобы они “матерны и всякою скверною бранию меж себя не бранились, и друг с другом в любви пребывали”⁴².

К совершенно иной проблеме обращается Богородица в видении, бывшем Авдотье 28 мая 1662 г., то есть уже после пожара в Тобольске: “А ныне де пречистая Богородица изволила ей, Овдотье, сама сказать изо уст своих, чтоб она, Овдотья, сказала отцу своему духовному и всем православным христианом, что де в церквах Божиих учили петь латынское пение, а старое пение пренемили, и у того пения православным христианом стоять отнюдь немочно. И учили де православные христиане боятца врагов Божиих, которые смущают православною христианскою верою, а Бога не боятца. И чтоб де православные христиане то латынское пение оставили и прибегнули б к церквам Божиим с чистым сердцы и с покаянием, и пели б по-прежнему...”. В еще более резкой и обличительной форме звучат слова Богородицы по поводу “латынской веры” в расспросных речах неназванных жителей Тобольска, слышавших то, “что баба сказывала в миру”.



*Ил. 3. Богоматерь Абалацкая.
Вторая половина XIX в.*

Судя по всему, к организации видений Авдотьи Бакшеевой оказались причастными ее духовный отец, священник абалацкой Знаменской церкви Терентий Афанасьев (именно ему требовала рассказать о своем первом явлении Богородица), а также уже знакомый нам тобольский воевода князь И. А. Хилков, слушавший 30 мая 1662 г. показания крестьянки в присутствии своего ближайшего окружения (не потому ли Богородица через посредство Авдотьи отвела обвинения в “гладе и всякой скудости” от “начальных людей”?). Не случайно первые видения были Авдотье летом 1661 г., причем как раз в тот момент, когда начали происходить события, связанные с явлением иконы Казанской Богородицы в Тобольске. Его организаторы, судя по всему, искали кандидатуры на роль “тайнозрительницы” или “тайнозрителя”. Одной из них и стала экзальтированная вдова пашенного крестьянина Сидора Бакшеева из абалацкой д. Кундуски. Об этом напрямую свидетельствует якобы услышанный ею поразительный диа-

⁴² Ср.: Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях. (К вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 141–156; Шашков А. Т. Брань, борода и немецкое платье (по материалам урало-сибирских “видений” XVII–XVIII вв.) // Ежегодник НИИ РК УрГУ. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 28–29.

лог двух икон Богородицы — Казанской и Абалацкой: “Да в нынешнем (судя по контексту документа, здесь следует читать «инешнем», то есть прошлом — А. Ш.) во 169-м (1661 — А. Ш.) году упрашивала Одегитрия Казанская Богородица у Знамения пресвятыя Богородицы во области ея: «Поступись де ты, пресвятая Богородица, во своей области на нее, Овдотью, положить явление». — И она ей, Знамение пресвятая Богородица, не поступилась в своей области: «У тебя де область велика». — И она, Казанская пресвятая Богородица, положила на млада мужа явление свое”. В упомянутом здесь “младом муже” нетрудно узнать уже известного нам дьячка Иоанникия, на которого в конце концов и пал выбор. В этом же ряду обстоятельств, косвенно указывающих на воеводу Хилкова как на главного организатора видений, бывших Авдотье, следует рассматривать и следующую угрозу Абалацкой иконы Богородицы: если де вы, жители Тобольска, не вернетесь к “истинной православной вере”, то “погибнет ваш град, как оком человеческим мгнуть. А толко останетца у вас во граде два дома: Знамение пречистые Богородицы Абалацкие да дом пречистые Богородицы Казанские Одегитрия”.

Прошло чуть больше недели после расспросов в Тобольской съезжей избе Авдотьи Бакшеевой о бывших ей видениях, как нечто подобное случилось в Тюмени⁴³. На сей раз “тайнозрителем” стал местный ямщик Петр Денисов сын Шадра. 8 июня того же 1662 г. он ночевал в д. Березов Яр (располагалась в 10 верстах от Тюмени на тракте в сторону Тобольска), когда “в заутренней благовест... восхити ево некая Божия сила, не весть де во сне, не весть наяве..., и постави его на великом поле”. Здесь ему явились два светлых ангела, затем с небес в ослепительном сиянии спустилась церковь, “а на престоле образ пречистые Богородицы да крест”. Ангелы велели ямщику совершить крестное знамение, что он и сделал, сложив персты по-никониански. Тогда Богородица обратилась к нему со словами: “Скажи де ты, Петр, градоначальнику и в мире умным людям, а не глупым, что де в церквах служат по новому уставу, а не по правилам святых отец. Православная христианская вера от еретиков мешаетца, и церкви сквернят, служат по новому уставу, что преложил (то есть сложил троеперстие — А. Ш.), а лица свои крестят неистовым крестом”. После этого она велела ангелам сложить его руку двуперстием, то есть так, “как подобает христианом лица крестить”, сама же продолжила свои наставления о том, что православные христиане должны отказаться от обрядовых нововведений и матерной брани, в противном же случае “Божий гнев на вся люди придет и житие скончаетца”.

Пробудившись “на одре своем”, Петр Шадра только 16 июня рассказал о бывшем ему видении тюменскому воеводе М. Д. Павлову, а тот через неделю отослал его расспросные речи в Тобольск к князю Хилкову.

Есть все основания полагать, что образ Богородицы, явившийся тюменскому ямщику, был навеян ему вполне конкретным иконным изоб-

⁴³ См.: Ромодановская Е. К., Шашков А. Т. Сибирские видения... С. 42–43.

ражением, находившимся в местной Знаменской церкви. Согласно преданию, эту восьмиугольную икону “Знамения Божией Матери” с девятью ангелами еще в 1624 г. написал в Тюмени Спиридон Иконников, уроженец Великого Устюга⁴⁴.

После нового отъезда в марте 1663 г. владыки Симеона в Москву, откуда он так и не вернулся, Сибирская и Тобольская епархия почти два года существовала без архипастыря, что не могло не сказаться на укреплении позиций местных защитников старой веры. Способствовало этому и само время “междупатриаршества”, питавшее у них надежду на возвращение к дониконовскому “благочестию”. И уж совсем добрым знаком стало появление в Тобольске в конце июня 1663 г. неукротимого протопопа Аввакума, отпущенного из далекой Даурии в Москву.

Однако ожидаемые перемены так и не происходили. Более того, прибывший в Тобольск 23 февраля 1665 г. новый архиепископ Корнилий принялся усердно наводить порядок в обрядовой сфере. Летом того же года лидеры местной староверческой оппозиции ответили на это “неистовым прекословием”. Конкретным поводом для активизации их действий вновь стало стихийное бедствие. На сей раз это были проливные дожди, продолжавшиеся несколько недель подряд. Среди напуганных людей сторонниками старой веры начали распространяться слухи, что это наказание Божие за грехи, и прежде всего за отказ от “древлего благочестия”. Обеспокоенный подобными настроениями владыка велел торжественно перенести из Абалака в Тобольск чудотворную икону “Знамение Богородицы”, которая находилась в Софийском соборе с 8 по 20 июля. Вскоре дожди действительно прекратились, что было приписано заступничеству Божией Матери⁴⁵. После этого в отношении “противников церковных” в Тобольске и в Тюмени начались репрессии, в результате чего под стражей оказалось в общей сложности 11 человек.

В числе пятерых “раскольщиков”, арестованных в Тобольске, были уже упоминавшийся выше Федор Трофимов, 20 января 1661 г. сосланный с женой и двумя детьми из Москвы в Тобольск за раскол⁴⁶, и Лазарь, бывший поп из г. Романова, также отправленный 14 июля 1661 г. за неприятие церковных новшеств вместе с женой Домной в тобольскую ссылку⁴⁷. Третьим был поп Тобольского Успенского девичьего монастыря Федот Семенов. Еще в 1645 г. его за “безчинства” в церковной службе, якобы умалявшие честь царевича Алексея Михайловича, били шелепами и месяц держали “в смиреньи” на цепи⁴⁸. Четвертым был Иван Семенов, служивший вместе с Федором Трофимовым дьяконом в Богоявлен-

⁴⁴ См.: Сулоцкий А. И. Описание наиболее чтимых икон... С. 199–201.

⁴⁵ См.: Абрамов Н. А. Город Тюмень: Избр. произведения. Тюмень, 1988. С. 142–143.

⁴⁶ См.: Парфентьев Н. П., Шашков А. Т. Федор Трофимов // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 149–151.

⁴⁷ Подробнее о нем см.: Панченко А. М. Лазарь // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2 (И – О). СПб., 1993. С. 214–217.

⁴⁸ См.: Оглоблин Н. Н. Бытовые черты XVII века // РС. 1892. № 2. С. 453–454.

ской церкви. Известно, что в 1659 г. он в качестве представителя от тобольского клира входил в состав комиссии, осматривавшей в Тазовском городке (Старой Мангазее) мощи местного святого Василия Мангазейского⁴⁹. Наконец, пятым был уже известный нам поп абалацкой Знаменской церкви Терентий Афанасьев⁵⁰.

В Тюмени было схвачено шесть человек. Среди них, несомненно, выделялся поп тюменской церкви Знамения Богородицы Деметриан. Еще в 1654 г. он принимал активное участие в выступлении местных служилых людей против воеводы Н. И. Елдезина⁵¹. Не исключена его причастность к организации в 1662 г. вышеописанного видения образа Богородицы тюменскому ямщику Петру Денисову сыну Шадре, который, кстати, также оказался в числе арестованных. Третьим был черный поп Андриан, бывший ранее игуменом Тюменского Спасо-Преображенского монастыря. Четвертым был ссыльный поп Полиевкт Максимов. О пятом “раскольщике” — дьячке тюменской Вознесенской церкви Федоре Стрекаловском — уже говорилось выше. Последним из арестованных являлся бывший дьякон тобольского Софийского собора Федот Трофимов, находившийся в тот момент в Тюмени. Какое-то время все эти люди содержались в Тобольске на Софийском дворе, после чего их, по царскому указу, велено было доставить в Москву. Главных зачинщиков “церковного мятежа”: попа Лазаря, бывшего подьяка Федора Трофимова и тюменского попа Деметриана — повезли дорогой, проходившей через Казань, а всех остальных — обычным путем через Верхотурье, Соликамск и Сольвычегодск. К началу ноября 1665 г. обе партии колодников уже были в Москве. Здесь их опять объединили под охраной 13 прибывавших с ними караульщиков с указанием выдавать каждому на прокорм по 4 деньги на день⁵².

В дальнейшем судьбы этих людей сложились по-разному. Лазаря, Деметриана и Федора Трофимова вскоре перевели из Сибирского приказа в Новгородскую четверть, а оттуда сослали в заполярный Пустозерск с предписанием “беречь их накрепко, чтоб они никуда не ушли, а бумаги и чернил им не давать и никаких смутных речей у них не слушать”. Туда же отправили из Сибири и их семьи⁵³. Вызванные на Московский церковный собор 1666—1667 гг. Лазарь и Федор Трофимов продолжали упорствовать, за что их вновь отослали в Пустозерск. При этом Лазарю перед отправкой “урезали” язык. В ссылке они находились вместе с про-

⁴⁹ См.: Кротов М. Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 131—132.

⁵⁰ В 1652 г. священником здесь был еще Кондрат Афанасьев (возможно, брат Терентия), о чем свидетельствует запись на Псалтыри с воследованием, напечатанной в 1651 г. (Древнерусская книга (из фондов Сургутского краеведческого музея): Каталог выставки рукописных и старопечатных книг, посвященной 400-летию города Сургута / Сост. Н. А. Мудрова. Сургут, 1994. С. 14—15).

⁵¹ См.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 186—187.

⁵² См.: РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1237. Л. 191—192, 230, 232, 246, 248, 251.

⁵³ Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 432—440.

топопом Аввакумом, дьяконом Федором Ивановым, соловецким иноком Епифанием и попом Дементианом.

После 14 апреля 1670 г. Дементиан и Федор Трофимов, очевидно уstraшенные первой пустозерской “казнью” своих товарищей, принесли покаяние, как позднее выяснилось — ложное. Впоследствии Дементиан, вернувшись на родину и приняв здесь монашеский постриг под именем Даниила, устроил в ночь на 6 января 1679 г. крупнейшую в Сибири Березовскую гарь, в которой и погиб⁵⁴. Федор Трофимов, также принявший монашество под именем Филиппа, какое-то время жил в Кяткозерском скиту знаменитого старца Корнилия Выговского, после чего ушел обличать никонианскую ересь, был схвачен под Новгородом, отвезен в Москву и здесь сожжен⁵⁵. Что касается попа Лазаря, то он, как известно, 14 апреля 1682 г. принял смерть на костре вместе с другими своими союзниками по пустозерской земляной тюрьме.

Поп Полиевкт Максимов был, судя по всему, отпущен, но за свое новое непокорство заключенный позднее в тюрьму в Боровск, был сожжен здесь в начале июля 1675 г. в числе других 14 находившихся вместе с ним старообрядцев⁵⁶.

Остальные тобольские и тюменские колодники, очевидно, принесли в Москве покаяние, после чего их отослали домой. Известно, что в октябре 1667 г. бывший игумен Тюменского Спасо-Преображенского монастыря Андриан написал извет о “непристойностях” местного воеводы И. И. Лодыгина⁵⁷. Федор Стрекаловский, как уже говорилось, также продолжал жить в Тюмени.

Согласно сообщению одного из списков Головинской редакции Сибирского летописного свода, 28 февраля 1676 г. в Tobольске были сожжены за раскол “поп Степан да дьякон Федот, да старец Никон”⁵⁸. Не исключено, что одним из казненных являлся бывший дьякон тобольского Софийского собора Федот Трофимов, так и не отказавшийся от своих убеждений.

О судьбе успенского попа Федота Семенова, богоявленского дьякона Ивана Семенова, абалацкого попа Терентия Афанасьева и тюменского

⁵⁴ См.: ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 216–217; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 214–215.

⁵⁵ См.: Брещинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 86–87.

⁵⁶ Ср.: Мазунин А. И. О датировке двух сочинений протопопа Аввакума // Культурное наследие Древней Руси. (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 405–406. Во второй половине 1660-х гг. Полиевкт, до своего нового ареста служивший священником в Боровске, часто бывал в московском доме боярыни Ф. П. Морозовой, где принимал исповедь у духовных детей находившегося в пустозерской ссылке протопопа Аввакума и им “также заказывал” никоновых новин не принимать (Малышев В. И. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 117.).

⁵⁷ См.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 191.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 211; ср.: Сесейкина И. В. Переделка сочинений Аввакума об антихристе в сибирских рукописях // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 324.

ямщика Петра Денисова сына Шадры мы в настоящий момент никакими сведениями не располагаем.

При знакомстве с описанными выше видениями начала 1660-х гг. обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в самых идеологизированных из них постоянно присутствует мотив осуждения матерной брани, который находит прямые параллели как в письменной, так и в устной традиции (в древнерусских поучениях, духовных стихах⁵⁹ и т. п.). На Руси осуждение матерной брани уходит своими корнями в глубокую древность. При этом сама табуированность матерщины, имевшей языческую природу, была обусловлена бытовавшими в народной среде представлениями об оскорблении матерным словом не только родной матери человека, но также Матери Божией и Матери Земли⁶⁰. Позднее этот обычай стала всячески поддерживать православная церковь.

Но бывали случаи, когда в борьбу за нравственность, причем далеко не бескорыстно, вступали не только священнослужители, но и представители светской власти. Так, в конце 80-х гг. XVII в. в Верхотурье от приказчиков Тагильской, Камышловской, Ирбитской и других слобод стали поступать сведения “о явлении образов”, “чтоб матерны не бранитца”. В качестве примера можно привести отписку приказчика Белослудской слободы В. Протопопова, посланную в июне 1688 г. верхотурскому воеводе Г. Ф. Нарышкину, где сообщалось о явлении двенадцатилетнему Пашке, сыну белослудского крестьянина Игнатия Порадеева, заснувшему на пашне у Абрама Яркина, женщины в белых одеждах. Как определил Протопопов, первым услышавший в судной избе рассказ мальчика, это была сама Богородица, которая велела Пашке передать людям, “чтобы перестали матерною бранью бранитца, а будут не престанут матерною бранью бранитца, и будет де на весь мир от Господа Бога гнев Божий, и от нее... туча и камене и град с небес”⁶¹.

Судя по всему, сами приказчики и выступали организаторами подобных видений. В связи с этим воевода Г. Ф. Нарышкин, опираясь на авторитет самой Богородицы, предписал крестьян, уличенных в матерной брани, не только бить батогами (такое наказание предусматривало и Уложение 1649 г.), но и взимать с них штраф по рублю с человека, а деньги присылать в Верхотурье. Денег этих воевода так и не увидел (нетрудно догадаться, в чьих карманах они осели), поэтому данное распоряжение было им в 1689 г. отменено, поскольку “от того ныне в слободах крестьяне разоряютца”⁶².

⁵⁹ Ср.: Родосский А. Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1893; Успенский Д. И. Духовные стихи // ЭО. 1898. № 3. С. 180; Бессонов Н. Калеки переходные. М., 1864. Т. 6. С. 71–73 и др.

⁶⁰ См. об этом: Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери-сырой земли в д. Присно) // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 224–226; Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1994. Т. II: Язык и культура. С. 65–84.

⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 7. Л. 233.

⁶² См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998. С. 108–110.

Очевидно, верхотурские приказчики глубоко переживали утрату источника неиссякаемых доходов, а каждое бесплатное матерное слово, услышанное ими из уст подведомственных крестьян, вызывало у них праведный гнев. Первым не выдержал приказчик Краснопольской слободы Иван Хмелевский.

23 мая 1691 г. двенадцатилетняя крестьянская дочь Марфица Галактионова из д. Боровской Краснопольского присуда боронила яровой сеячменя, и был ей в видении образ Богородицы в “светлавишневых” ризах с изображением на правом плече красного четырехконечного креста (эту деталь особо отметил писавший от имени приказчика отписку краснопольский поп Дмитрий Федосеев, сделавший даже рисунок самого креста). На голове у Богородицы был надет венец, правую руку, в которой находился “белой плат”, она держала “на правом раме”, в левой же ее руке имелся белый березовый посох. Богородица разъяснила девочке: “иду де я с Абалаку два годы (напомним, что именно два года назад воевода запретил взимать деньги за матерную брань — А. Ш.) в Подволошную деревню вверх по Нейве реке”. Она также велела Марфице говорить в Краснопольской слободе “приказному человеку и отцу своему, и матери, и всем мирским людям... чтоб православные крестьяне в вере Христове бы матерною лаею не бранились”. Это предупреждение Богородица требовала рассылать в письмах и по окрестным слободам (очевидно, чтобы и другие приказчики не дремали!). Далее шли обычные в таких случаях угрозы: “а как де с сего числа православные крестьяне в вере Христове матерною лаею браниться не уймутца, и будет де на них с небес туча огненная, камение горяще и лед”. “Убояся того видения”, Марфица рассказала обо всем приказчику при краснопольском старосте Логгине Иванове, “и при мирском старосте при Якове Афанасьеве и при многих мирских людех”⁶³.

Но даже явление образа популярнейшей на Урале и в Сибири Абалацкой Божией Матери не заставило уже искушенного воеводу Г. Ф. Нарышкина наступить второй раз на одни и те же грабли: на отписку Хмелевского он никак не отреагировал. Приказчикам же пришлось окончательно смириться с тем, что их крестьяне теперь безбоязненно оскверняли свои уста матерщиной, не думая о штрафных санкциях. И лишь в церкви перед причастием кто-то из них может быть запоздало вспоминал, что если “в которое время хто матерно избранит, в то время небо и земля потрясется, и Богородица стоя вострепещет о таковом злом словеси, а уста его того дня кровью воскипят, и теми устами не подобает таин Господних вкушати, ни креста целовать”⁶⁴.

⁶³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Л. 75–76.

⁶⁴ Шапов А. П. Соч. в 3 т. Т. 1: Исторические очерки народного мирозерцания и суеве-
рия (православного и старообрядческого). СПб., 1906. С. 76.

От научного редактора

Превращение частной коллекции при жизни ее обладателя в открытый для публики музей — явление в современной России пока еще уникальное. Уникальна и направленность собирательской деятельности Е. В. Ройзмана — памятники местной иконописи, достаточно поздней по времени появления и определяемой то как горнозаводская, то как невянская школа. К настоящему времени это едва ли не самая полная коллекция икон конца XVIII — первой четверти XX вв., насчитывающая более 600 экземпляров. Кроме того, музей комплектует собрание рукописей и старопечатных книг, а также коллекционирует памятники прикладного искусства.

Естественно, что это значительное художественное собрание привлекает внимание исследователей. Совсем недавно отдельные иконы были изданы в двух альбомах: “Невянская икона” (Екатеринбург, 1997) и “Уральская икона” (Екатеринбург, 1998). В нашем сборнике впервые публикуются научные описания подписных и датированных икон XVIII в. (М. П. Боровик, Е. В. Ройзман), а также рукописей и старопечатных книг (С. А. Белобородов, И. В. Починская), которые представляют собой первый этап научного исследования коллекций. Это особенно актуально для памятников иконописи, поскольку ранее их датировка и определение авторства производились на основе стилистического анализа, зачастую достаточно субъективного. В то же время этими публикациями начинается процесс каталогизации постоянно растущего собрания музея.

Контакты владельца коллекции с преподавателями и научными сотрудниками исторического факультета Уральского государственного университета, работы которых представлены в данном сборнике, сложились еще в период работы над альбомами по уральской и невянской иконописи и еще более окрепли после открытия в декабре 1999 г. музея “Невянская икона”.

К сожалению, обращение к сотрудникам музеев, хранящих значительные коллекции местной иконописи, а также к историкам искусств не дало положительных результатов. По тем или иным причинам коллеги не смогли обнародовать результаты своих исследований. Остается надеяться, что в будущем призыв к сотрудничеству не будет ими опять оставлен без ответа.

Но нет худа без добра! Привлечение преимущественно историков и археографов дало возможность более широкого подхода к изучению ис-

тории формирования и бытования местной иконописной традиции и традиционной культуры Урала и Западной Сибири на основе исследования широкого круга архивных материалов. Так, в статьях В. И. Байдина, Н. С. Корепанова, Ю. В. Ключиной приводятся новые, ранее неизвестные имена иконописцев и оформителей рукописных книг, прослеживаются их судьбы (в том числе и по данным ранее засекреченных архивов), публикуются созданные ими произведения.

На основе богатейшей коллекции старопечатных изданий археографической лаборатории УрГУ И. В. Починская анализирует эволюцию графического оформления старообрядческих изданий XVIII — начала XX вв. Ю. А. Гончаров публикует малоизвестные памятники художественного шитья, преимущественно шитые бисером ризы и иконы, количество которых в коллекциях, в том числе и музея “Невьянская икона”, в последнее время несколько увеличилось.

Ряд статей сборника посвящен исследованию различных аспектов богородичной традиции на Руси. В моей работе рассматривается военный аспект культа Богоматери в домонгольской Руси, дать анализ которого оказалось возможным лишь благодаря привлечению произведений византийской традиции. П. И. Мангилев избрал для своей статьи жанр “история одной иконы”, публикуя как сам памятник — верхнетагильский список образа Богоматери “Знамение”, так и связанный с ним цикл ее чудес. Совершенно оригинальна работа А. Т. Шашкова, одним из наиболее колоритных сюжетов которой являются дебаты о каноничности изображения “нехристя” на иконе Владимирской Богоматери с “Повестью о Темир Аксаке” в клеймах как повод для сведения счетов в окружении тюменского воеводы. Наконец, в работе С. А. Белобородова рассматривается вопрос о том, как на протяжении конца XVIII—XIX вв. менялось отношение духовных властей, как центральных так и местных, к иконографическим новациям данного периода, вплоть до издания соответствующих постановлений.

В целом можно констатировать, что тематически сборник оказался достаточно сложным и разнообразным. В будущем, при сохранении широкой проблематики, было бы желательно сделать акцент на публикацию, во-первых, собственно памятников иконописи (причем не только из собрания музея “Невьянская икона”, но и много шире — из музеев и частных коллекций Урала и Западной Сибири), а во-вторых, что более существенно, архивных документов, ибо только они способны пролить свет на процесс складывания иконописных традиций на Урале.

В этой связи издатели сборника приглашают к сотрудничеству исследователей как местной иконописи, так и традиционной культуры в целом.

В. П. Степаненко

Список иллюстраций

К статье М. П. Боровика, Е. В. Ройзмана

1. Надпись на нижнем поле четырехчастной иконы 1772 г. (*Инв. НИ–18/54*).
2. Надпись на нижнем поле иконы Богоматерь Казанская 1774 г. (*Инв. НИ–18/55*).
3. Надпись на нижнем поле иконы “Собор Архистратига Михаила архангела и прочих небесных сил” 1775 г. (*Инв. НИ–18/27*).
4. Надпись на нижнем поле иконы Богоматерь Одигитрия 1777 г. (*Инв. НИ–18/8*).
5. Надпись на нижнем поле иконы “Не рыдай мене мати” 1777 г. (*Инв. НИ–18/31*).
- 6а. Икона Богоматерь Неопалимая Купина 1780 г. (*Инв. НИ–18/47*).
- 6б. Надпись на нижнем поле иконы Богоматерь Неопалимая Купина 1780 г. (*Инв. НИ–18/47*).
7. Надпись на нижнем поле иконы Рождество Богородицы 1783 г. (*Инв. НИ–18/16*).
8. Надпись на нижнем поле иконы Богоматерь Казанская 1785 г. (*Инв. НИ–18/22*).
9. Надпись на нижнем поле иконы Сретенье Господне 1786 г. (*Инв. НИ–18/29*).
10. Надпись на нижнем поле иконы Спас Вседержитель на престоле 1799–1800 гг. (*Инв. НИ–18/66*).

К статье С. А. Белобородова, И. В. Починской

- 1–2. Миниатюры из рукописи “Страсти Христовы” в коллекции музея “Невьянская икона” (*ОРК НИ. 4.3р. Сборник. Конволют. Конец XVIII в., перв. четв. XIX в. Л. 5 об., 79 об.*).
- 3–4. Миниатюры из рукописного сборника в коллекции музея “Невьянская икона” (*ОРК НИ. 2.5р. Сборник. Конец XIX – начало XX вв. 55 об., 39 об., 41*).
5. Разворот печатной Псалтыри (*ОРК НИ. 4.1п. Псалтырь. М., “Старообрядческая книгопечатня”, 25.11.1912. Л. 1 об. нн.–2*).
6. Миниатюра из Жития Василия Нового в коллекции музея “Невьянская икона” (*ОРК НИ. 4.3п. Житие Василия Нового и Григориевы видения. М., тип. Преображенского кладб., 1912. Между л. 10 и 11*).

К статье В. И. Байдина

1. Вид Невьянского завода. Гравюра Н. Ф. Челнокова 1770 г. по рис. И. В. Люрсениуса и И. Э. Гриммеля 1742 г. (*воспроизведено по: Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города). Екатеринбург, 2001. С. 67*).
2. Портрет П. Ф. Заверткина. 1740-е гг. (*НБ УрГУ. XIV (Шалинское) собр. 42р/421. Л. 178 об.*).
3. Вид Нижнетагильского завода. 1734 г. (*Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 617*).

К статье С. А. Белобородова

1. Богородица “Всем скорбящим радость”. Фрагмент иконы. Издомовой церкви Л. И. Распоргуева и П. Я. Харитоновы. Невьянск, Первая четверть XIX в. ЕМИИ. Инв. 235 вф (*воспроизведено по: Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XIX в. Альбом-каталог. Екатеринбург, 1998. Кат. № 91. С. 47 (ил.), 161*).
2. Стефан, еп. Пермский. Екатеринбург. Конец XIX – начало XX вв. ЕМИИ. Инв. 55 вф (*воспроизведено по: Уральская икона. Кат. № 517. С. 122 (ил.), 226*).
3. Филофей (Лещинский), митрополит Тобольский. Верхотурье (?). Конец XIX в. Церковно-археологический музей Верхотурского Свято-Николаевского монастыря (*воспроизведено по: Сибирская икона. Альбом. Омск, 1999. Кат. № 47. С. 86 (ил.), 252*).
4. Распятие. Екатеринбург. 1904 г. ГРМ. Инв. Држ. Б665 (*воспроизведено по: Уральская икона. Кат. № 583, 583а. С. 128–129 (ил.), 236*).
5. Отечество. Невьянск. 1780 г. ЕМИИ. Инв. 220 вф (*воспроизведено по: Уральская икона. Кат. № 20. С. 15 (ил.), 150*).

6. Святые Флор, Лавр, Власий и Медост. Фрагмент иконы “Избранные святые Флор, Лавр, Власий и Медост со сценами деяний”. Невьянск. Первая половина XIX в. НИ. Инв. 19/14 (воспроизведено по: *Невьянская икона. Кат. № 127. С. 153 (ил.), 202*).

7. Святой Христофор. Фрагмент иконы “Собор святых”. Сибирь. 1830 г. Музей археологии и этнографии Сибири. ТГУ. Инв. 5972/45 (воспроизведено по: *Сибирская икона. Кат. № 63. С. 102 (ил.), 253*).

8. Рождество Христово. Фрагмент двухчастной иконы. Невьянск. Между 1814 и 1822 гг. Из домово́й церкви Л. И. Расторгуева и П. Я. Харитоновы. ЕМИИ. Инв. 185 вф (воспроизведено по: *Уральская икона. Кат. № 100. С. 50 (ил.), 163*).

9. Богородица “Неопалимая купина”. Холуй. XX в. Частная коллекция (воспроизведено по: *Россия. 1996. № 1 (апрель). С. 84*).

10. Ириней (Орда), епископ Екатеринбургский в 1900—1902 гг. (воспроизведено по: Лавринов В., прот. *Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 142*).

К статье Ю. А. Гончарова

1. Богоматерь “Утоли моя печали” (в шитом окладе). Живопись — вторая четверть XIX в. Оклад — до 1871 г. Мастерская Филатовых в Уткинском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии (г. Екатеринбург. Частная коллекция).

2. Риза и оклад на икону Богоматерь Федоровская. 1782 г. Московский мастер-чеканщик И. Михайлов (хранится в одном из действующих храмов Свердловской области).

3. Шитая икона “Святая Евпраксия”. До 1908 г. (СОКМ. И—455).

4. Спас Вседержитель с избранными на полях. Живопись — конец XVIII в., поновлена в 1887 г. Оклад — вторая половина XIX в. (Инв. НИ—18/38).

5. Богоматерь Казанская с избранными на полях. Живопись — конец XVIII в. Оклад — середина XIX в. (Инв. НИ—18/74).

6. Святая Варвара. Бисерная икона. Конец XIX — начало XX вв. (СОКМ. И—701. Публикуется впервые).

7. Шитый оклад на икону “Богоматерь Казанская”. Начало XX в. (СОКМ. Нв. Публикуется впервые).

К статье Ю. В. Ключиной

1. Миниатюра из рукописи “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. 1937 г. (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 1. № II/1. Л. 4 об.—5).

2. Заставка к канону за бездождие. 1920—1930-е гг. (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 1. № V. Л. 1).

3. Титульный лист Скитского покаяния. 1920—1930-е гг. (НБ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 85р/697. Л. 1).

4. Настенный лист “Аптека духовная”. Начало XX в. (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 2. № V).

5. Настенный лист “О славе небесней и радости праведных вечней”. Начало XX в. (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 2. № IV).

6. Заставки и инициалы из Сборника-конволюта. Конец XIX — начало XX вв. (НБ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 356р/5557. Л. 10, 18, 35, 38).

7. Инициал и рисунок из Стихарника. Первая четверть XX в. (НБ УрГУ. VII (Нижнетагильское) собр. 295р/5555. Л. 9 об., 10 об.).

8. Прориси лицевых миниатюр к тексту Апокалипсиса. Первая четверть XX в. (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 2. № I. Л. 1—4).

9. прориси лицевых миниатюр к тексту “Григориева видения”. Конец XIX — начало XX вв. (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Конверт 1. № IV. Л. 1—3).

К статье П. И. Мангилева

1. Знаменский храм г. Верхний Тагил. Фото 1990-х гг. (воспроизведено по: *Православная газета. Екатеринбург. 2000. № 33 (174). С. 3*).

2. Слева — панорама Верхнетагильского завода. Начало XX в. Справа — внутренний вид Верхнейвинской Воскресенской церкви. 1930-е гг. (из архива автора).

3. Внутренний вид Спасо-Преображенского собора г. Невьянска. Петропавловский предел. 1927 г. (из архива автора).

4. Никольский храм с. Быньги. Фото 2000 г. (из архива автора).

5. Икона Божьей Матери из главного иконостаса Никольского храма с. Быньги. Фото 2000 г. (из архива автора).

6. Спасо-Преображенский собор г. Невьянска. Начало XX в. (Фотофонд музея "Невьянская икона").
7. Внутренний вид Спасо-Преображенского собора г. Невьянска. Центральный иконостас. 1927 г. (из архива автора).
8. Внутренний вид Спасо-Преображенского собора г. Невьянска. Успенский предел. 1927 г. (из архива автора).
9. Вознесенская церковь г. Невьянска. 1970-е гг. (из архива автора).

К статье И. В. Починской

1. Заставки могилевских старообрядческих изданий и заставки виленских изданий Ф. Скорины (НБ УрГУ. XX (Свердловское) собр. 68п/3422. Часовник. Могилев, 1701. Л. 188, 194; там же. XII (Тюменское) собр. 24п/2836. Псалтырь. Могилев, 1705. Л. 6 об., 56, 172 перв. сч.; Шматов В. Ф. Искусство книги Франциска Скорины. М., 1990. Цв. вкладка. Ил. 79, 80, 84, 86).
2. Заставка из Святцев, изданных типографией Свято-Троицкого монастыря в Вильно около 1806 г. (НБ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 50п/2506. Л. 41).
3. Концовки из виленских изданий (НБ УрГУ. XV (Шатровское) собр. 10п/2051. Псалтырь. Вильно, [не ранее 1801 г.]. Л. 48 об., 52 об. трет. сч.; там же. XVII (Кировское) собр. 79п/2911. Пролог. Июнь — август. Вильно, [не ранее 1805 г.]. Л. 869 об.)
4. Заставки из гродненских изданий (НБ УрГУ. VII (Нижнетагильское) собр. 15п/2115. Л. Зизаний. Катехизис. Гродно, 1783. Л. 1; там же. IX (Свердловское) собр. 71п/2353. Часовник. Гродно, 1787. Л. 11 об., 35 об.).
5. Заставка из гродненского издания "Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца" 1781 г. (НБ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 31п/2077. Л. 64).
6. Инициал и два ломбарда из Псалтыри, изданной в Гродно в 1786 г. (НБ УрГУ. XVII (Кировское) собр. 38п/2321. Л. 182, 188, 344 об.).
7. Разворот из Псалтыри, изданной в 1780 г. в Супрасле (НБ УрГУ. VII (Нижнетагильское) собр. 74п/2684. Л. 106 об. — 107).
8. Заставка из Евангелия учительного, отпечатанного в 1790 г. в Супрасле (НБ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 78п/3031. Л. 159).
9. Три концовки из супрасльского Часовника 1790 г. (НБ УрГУ. XVII (Кировское) собр. 131п/3109. Л. 46 об., 91, 150 об.).
10. Концовки из Канонника 1791 г., изданного в Почаеве (НБ УрГУ. IX (Свердловское) собр. 13п/2037. Л. 88 об., 303 об.).
11. Гравюра из Евангелия-тетр, изданного в Вильно, не ранее 1801 г. (НБ УрГУ. XIX (Удмуртское) собр. 4п/2328. Л. 1 нн. после л. 10 перв. сч.).
12. Гравюра из Псалтыри изданной в Гродно в 1788 г. (НБ УрГУ. IX (Свердловское) собр. 118п/2770. Л. 33 об.).
13. Гравюра из Псалтыри изданной в Почаеве в 1786 г. (НБ УрГУ. V (Курганское) собр. 16п/2488. Л. 15 об.).
14. Гравюра из Псалтыри изданной в Супрасле в 1786 г. (НБ УрГУ. VIII (Ревдинское) собр. 8п/2418. Л. 33 об.).
15. Гравюра из Псалтыри изданной тип. П. Дюфора в Варшаве в 1798 г. (НБ УрГУ. IX (Свердловское) собр. 138п/2890. Л. 1 втор. сч.).
16. Заставки, концовка и инициалы из изданий тип. В. и Я. Железняковых и Д. Рукавишникова (НБ УрГУ. IX (Свердловское) собр. 46п/2376. Пролог, март — май. Клиңцы, 1786. Л. 1, 173 об., 174, 306, 313; Там же. XV (Шатровское) собр. 14п/2055. Пролог, июнь — август. Клиңцы, 1786. Л. 616 об.).
17. Заставки из Часовника, отпечатанного тип. В. и Я. Железняковых и Д. Рукавишникова в Клиңцах в 1787 г. (НБ УрГУ. IX (Свердловское) собр. 72п/2541. Л. 124 об., 148).
18. Гравюра из "Слов и поучений Ефрема Сирина", изданных тип. В. и Я. Железняковых и Д. Рукавишникова в Клиңцах в 1787 г. (НБ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 47п/2709. Л. 4 об. втор. сч.).
19. Гравюра из Псалтыри, изданной тип. В. и Я. Железняковых и Д. Рукавишникова в Клиңцах в 1786 г. (НБ УрГУ. XV (Шатровское) собр. 21п/2062. Л. 4 об. втор. сч.).
20. Гравюра из "Жития Сергия Радонежского и учеников его Никона и Саввы Сторожевского", изданного тип. В. и Я. Железняковых и Д. Рукавишникова в Клиңцах в 1786 г. (НБ УрГУ. IV (Красноуфимское) собр. 10п/2161. Л. 4 об. втор. сч.).
21. Концовка из Апостола, изданного тип. М. Стрельбицкого в Яссах в 1791 г. (НБ УрГУ. XIX (Удмуртское) собр. 23п/3212. Л. 318) и заставка из Часовника, отпечатанного в Яссах, не ранее 1793 г. (НБ УрГУ. XII (Тюменское) собр. 10п/2708. Л. 165).
22. Заставка из Устава о христианском житии, отпечатанного тип. К. Колычева в Янове не ранее 1809 г. (НБ УрГУ. XIX (Удмуртское) собр. 13п/2992. Л. 1).

23. Орнамента из Псалтыри, изданной тип. Овчинниковых в конце XIX в. (НБ УрГУ. XVII (Кировское) собр. 101п/2933. Л. 1 втор. сч.).

24. Заставка из Часовника, изданного тип. Овчинниковых в Москве в 1890-х гг. (НБ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 203п/3830. Л. 175 об.).

25. Заставка из изданий Л. А. Гребнева. Тушка. Начало XX в. (воспроизведено по: Альбои орнаментики типографии Л. А. Гребнева // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 62. Ил. 15).

26. Инициал и концовка из Поморских ответов, изданных А. В. Симаковым (ЕДУ. 4578. Андрей и Семен Денисовы. Поморские ответы. Уральск, тип. А. В. Симакова, 1911. Л. 16, 18 втор. сч.).

27. Орнамента уральских изданий начала XX в. (НБ УрГУ. XV (Шатровское) собр. 85п/3378. Канон Паисию Великому. Уральск, 1908. Л. 19 об.; там же. 87п/3404. Канон пророку Илие. Уральск, 1908. Л. 1).

К статье В. П. Степаненко

1. Богоматерь Никопея. Лицевая сторона печати деспота Никифора Мелиссена. 1079–1081 гг. Государственный Эрмитаж. М–3984 (фото из архива В. С. Шандровской).

2. Богоматерь Эпискепис. Византия. Мраморный барельеф первой трети XIII в. Венеция, церковь Санта Мария Матер Домини (воспроизведено по: Onasch K., Schnieper A. *Ikonen. Faszination und Wirklichkeit. Luzern, 1996. P. 158*).

3. Богоматерь Никопея со св. Борисом и Глебом. Владимиро-Суздальская Русь. Первая треть XIII в. ГРМ. (воспроизведено по: Попов Г. В., Рындина А. В. *Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М., 1979. Кат. № 15*).

4. Богоматерь Знамение. Лицевая сторона двухсторонней выносной иконы из Зверина монастыря. Новгород. Вторая половина XIII в. ГТГ (воспроизведено по: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Том I: Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995. С. 61).

5. Владимирская Богоматерь. Византия. Первая треть XII в. ГТГ (воспроизведено по: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Том I: Древнерусское искусство. С. 84).

6. Богоматерь Знамение (Панагия). Владимиро-Суздальская Русь. Первая треть XIII в. ГТГ (воспроизведено по: Алпатов М. В. *Сокровища русского искусства XI–XVI веков (живопись). № 21*).

7. Битва суздальцев с новгородцами. Фрагмент иконы. (воспроизведено по: Лазарев Н. В. *Новгородская живопись. М., 1976. Табл. № 51*).

8. Спас Нерукотворный. Лицевая сторона двухсторонней выносной иконы. Новгород. Вторая половина XII в. ГТГ (воспроизведено по: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Том I: Древнерусское искусство. С. 51).

К статье А. Т. Шашкова

1. Истома Савин. Богоматерь Владимирская со “Сказанием об иконе Владимирской Богоматери”. Написана по заказу Никиты Григорьевича Строганова. XVII в. Пермская государственная художественная галерея (воспроизведено по: Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. М., 1956. Вклейка между С. 48 и 49).

2. Богоматери Казанская. XVIII в. Новосибирская картинная галерея. Инв. И–270 (воспроизведено по: Сибирская икона. Кат. № 54. С. 93 (ил.), 252).

3. Богоматерь Абалацкая. Вторая половина XIX в. Курганский областной краеведческий музей. Инв. 261 (воспроизведено по: Сибирская икона. Кат. № 28. С. 68 (ил.), 249).

Список цветных иллюстраций

1. Богоматерь Египетская. 1734 г. Дерево, ковчег, шпонки торцевые. Паволока, левкас, темпера, золочение. 33,0 × 28,3 × 2,9 см (НИ-18/7).
2. Николай Можайский со сценами жития и чудес. 1762 г. Дерево, бронзовые орнаментированные по углам рамки. Паволока, левкас, темпера, золочение. 34,0 × 31,0 см (НИ-18/53).
3. Голгофа. 1799 г. Дерево, ковчег, шпонки торцевые. Паволока, левкас, темпера, золочение. 37,5 × 32,4 × 2,3 см (НИ-18/65).
- 4а. Михаил Архангел архистратиг. Левая створка двухстворчатого складня. 1785 г. Дерево. Медные уголки. Паволока, левкас, темпера, золочение. 33,3 × 28,8 × 1,2 см (НИ-18/56).
- 4б. Георгий Победоносец. Правая створка двухстворчатого складня. 1785 г. Дерево. Медные уголки. Паволока, левкас, темпера, золочение. 33,3 × 28,8 × 1,2 см (НИ-18/56).
5. Змей и лицемерный чернец. Миниатюра из лицевого Сборника. Конец XIX – начало XX вв. Цв. карандаш, чернила, темпера. 28 × 16,2 см (ОРК НИ. 2.5р. Л. 50 об.).
6. Жена, утаившая грех на исповеди. Миниатюра из лицевого Сборника. Конец XIX – начало XX вв. Цв. карандаш, чернила, темпера. 26,4 × 17,1 см (ОРК НИ. 2.5р. Л. 59 об.).
7. Иоанн Богослов. 1730–1740-е гг. Левкас, прорись, перо, чернила, темпера. 20 × 17 см (НБ УрГУ. XIV (Шалинское) собр. 42р/421. Л. 20).
8. Первый лист и миниатюра из рукописи “Утешение человеку в скорби, беде и гонении”. 1937 г. Цв. чернила, карандаш. 7,8 × 10,5 см (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № I. Л. 1 об., 42 об.).
9. “Василий и Григорий” и “Преставление Феодоры”. Вторая четверть XVIII в., 1930-е гг. Чернила, темпера, цв. карандаш. 14,0 × 18,7 см (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № II/4. Л. 1 об., 2 об.).
10. “Испытание души”. 1930-е гг. Чернила, цв. карандаш. 14,0 × 18,7 см (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № III/4. Л. 2 об.).
11. Обложка рукописи “Сказанием о том, как дьявол изобрел карты”. 1923 г. Цв. чернила, карандаш. 10,6 × 17 см (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 20 (конверт 1). № VI. Л. 1).
12. Верхнетагильская чудотворная икона Божией Матери “Знамение”. Фото 2000 г. (воспроизведено по: *Святыни Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2000. С. 105*).
13. Чтимый Быньговский список с Верхнетагильской чудотворной иконы Божьей Матери “Знамение”. Фото 2000 г. (из архива автора).
- 14а. Миниатюра из Поморских ответов. М., тип. Преображенского кладбища, Начало XX в. 2°. (НБ УрГУ. V (Курганское) собр. 72п/3483. Л. [11] об.).
- 14б. Заставка из Поморских ответов. М., тип. Преображенского кладбища, Начало XX в. 2°. (НБ УрГУ. V (Курганское) собр. 72п/3483. Л. 12).
15. Титульный лист и фронтиспис Устава монастырского. Саратов, тип. В. Яксанова, 1912 г. 4°. (НБ УрГУ. XVIII (Челябинское) собр. 66п/3585. Л. 1 нн., 2 нн.).

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века
ВВ	Византийский Временник
ВГО	Всесоюзное Географическое общество
Вознесенский	<i>Вознесенский А. В.</i> Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века. Каталог. Л., 1991.
ГАПО	Государственный архив Пермской области
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАТО	Государственный архив Тюменской области
ГИМ	Государственный исторический музей (г. Москва)
ГНИИР	Государственный научно-исследовательский институт реставрации (г. Москва)
ГРМ	Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею
ЕДУ	Екатеринбургское духовное училище
ЕЕВ	Екатеринбургские епархиальные ведомости
ЕМИИ	Екатеринбургский музей изобразительных искусств
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
Запаско, Исаевич	<i>Запаско Я., Исаевич Я.</i> Памятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Кн. 2. Львів, 1984.
Зерн. I	<i>Зернова А. С.</i> Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952.
Зерн.	<i>Зернова А. С.</i> Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958.
ЗЛУ	Зборник за ликовни уметности
ЗРВИ	Зборник Радова Византоложкого института
ИИ СО РАН	Институт истории сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск)
ИРЛИ	Институт русской литературы Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)
Клепиков I	<i>Клепиков С. А.</i> Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVI—XX века, М., 1959
Клепиков II	<i>Клепиков С. А.</i> Филигрani на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978.
ЛАИ УрГУ	Лаборатория археографических исследований Уральского государственного университета (г. Екатеринбург)
МГУ	Московский государственный университет
НБ	научная библиотека
НИ	музей “Невьянская икона” (г. Екатеринбург)
НИИ РК УрГУ	Научно-исследовательский институт русской культуры Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург)
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел

Список сокращений

ОР	отдел рукописей
ОРК	отдел редких книг
ПЕВ	Пермские епархиальные ведомости
ПКНО	Памятники культуры: новые открытия
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси
Починская И. В.	<i>Починская И. В.</i> Старообрядческое книгопечатание XVIII — начала XIX веков. Екатеринбург, 1994.
Поч.	то же.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РА	Русский архив
РАН	Российская Академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РИБ	Русская историческая библиотека
РМ	Русская мысль
РС	Русская старина
СОКМ	Свердловский областной краеведческий музей (г. Екатеринбург)
СОРЯС	Сборник отделения русского языка и словесности
СПбФ ИРИ РАН	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук
ТГУ	Томский государственный университет
ТЕВ	Тобольские епархиальные ведомости
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
ТФ ГАТО	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
УГААОСО	Учреждение Государственный архив административных органов Свердловской области (г. Екатеринбург)
УНКВД	Управление народного комиссариата внутренних дел
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
ЧОКГ	Челябинская областная картинная галерея
ЭО	Этнографическое обозрение
BS	Byzantinoslavica
BZ	Byzantinischen Zeitschrift
DOP	Dumbarton Oaks Papers
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
SBS	Studies in Byzantine sigillography

Об авторах

Байдин Виктор Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного университета. E-mail: VictorBaidin@usu.ru

Белобородов Сергей Анатольевич — ведущий инженер Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. E-mail: sbell@mail.ru

Боровик Максим Петрович — директор музея “Невьянская икона”. E-mail: ikonmuzey@etel.ru

Вздорнов Герольд Иванович — доктор искусствоведения, академик Российской Академии художеств.

Гончаров Юрий Анатольевич — преподаватель кафедры музееведения Уральского государственного университета.

Клюкина Юлия Викторовна — ведущий инженер Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. E-mail: bogulia@mail.ru

Корепанов Николай Семенович — научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: istor@uran.ru

Мангилев Петр Иванович — проректор Екатеринбургской духовной семинарии, протоиерей. E-mail: eds@etel.ru

Починская Ирина Викторовна — заведующая Лабораторией археографических исследований Уральского государственного университета. E-mail: ipochin@mail.ru

Ройзман Евгений Вадимович — коллекционер, издатель, исследователь поздней русской иконописи, член Союза писателей России. E-mail: ikonmuzey@etel.ru

Степаненко Валерий Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета. E-mail: val_step@mail.ru

Шашков Анатолий Тимофеевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного университета. E-mail: volot@mail.ru

Оглавление

7

Вздорнов Г. И.

О музее “Невьянская икона” и его “Вестнике”

РАЗДЕЛ I

Коллекционные собрания музея “Невьянская икона”

12

Ройзман Е. В.

О коллекции икон

18

Боровик М. П., Ройзман Е. В.

Подписные и датированные иконы
в собрании музея “Невьянская икона”. XVIII в.

32

Белобородов С. А., Починская И. В.

Коллекция рукописных и старопечатных книг
музея “Невьянская икона”

РАЗДЕЛ II

Статьи, публикации, сообщения

58

Байдин В. И.

Заметки об иконописцах-старообрядцах на горных заводах Урала
в первой половине — середине XVIII в.:
новые имена и новое об известных мастерах
(к вопросу об источниках и времени складывания
невьянской иконописной школы)

82

Белобородов С. А.

Иконы “неистинные” и запрещенные
(к постановке проблемы)

98

Гончаров Ю. А.

Традиции церковного шитья на Урале

107

Клюкина Ю. В.

“...Проживая в молельне, занимается изготовлением и распространением
контрреволюционной литературы...”

(данные к биографии старообрядческого “изуграфа” XX в. Е. П. Губкина
по материалам судебно-следственного дела)

123

Корепанов Н. С.

Инок Исаак — иконописец и иконоторговец

131

прот. Петр Мангилев

Верхнетагильская чудотворная икона Божьей Матери “Знамение”

141

Починская И. В.

Особенности художественного оформления старообрядческих изданий
XVIII — начала XX вв.

168

Степаненко В. П.

Военный аспект культа Богоматери в Киевской Руси
(Богоматерь и святые воины)

184

Шашков А. Т.

Образ Богородицы
в религиозно-нравственных представлениях сибиряков XVII в.

206

От научного редактора

208

Список иллюстраций

210

Список цветных иллюстраций

213

Список сокращений

215

Об авторах

В 387 **Вестник музея “Невьянская икона”**. Выпуск 1. — Екатеринбург:
Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 220 с.
ISBN 5—7525—0598—4

В 4903020000—275
182(02)—2002

ББК Щ 146.56

Научно-популярное издание

Вестник музея “Невьянская икона”.

Выпуск 1

ЛР № 05974 от 03.10.2001

Подписано в печать 10.04.2002. Формат 60х100 1/16

Усл. печ. л. 15,3. Бумага офсетная мелованная. Гарнитура Literaturnaia

Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ № 999

Издательство Уральского университета
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в ИПЦ “Издательство УрГУ”
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

По вопросам приобретения “Вестника”
и посещения музея приглашаем обращаться
к Боровику Максиму Петровичу по адресу:
г. Екатеринбург, ул. Толмачева, 21
музей “Невьянская икона”
тел.: (3432) 65-98-40
e-mail: ikonmuzey@etel.ru

Музей открыт с 12.00 до 20.00
выходные дни: понедельник, вторник

Екатеринбург
2002



I

